

1947

СВЕТА

ВОКРУГ

2
СТАРО КОНЮШЕННЫЙ ПЕР.
Д. 19 КВ. 28
ТОВАКОНОВУ Е. К.
5 6.12 ЯСКР СЯ

№ 12
Декабрь

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

КАРТА

НА ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТАХ

В ближайшие годы в Новом Пулково под Ленинградом будет построена главная обсерватория СССР. Идут работы по восстановлению главного здания обсерватории, варварски разрушенного гитлеровцами. Советские астрономы будут пользоваться самыми совершенными и новейшими приборами для исследований в области физики звезд и туманностей, для изучения солнца. Среди этих приборов — полуметровый телескоп конструкции проф. Д. Д. Максутова.

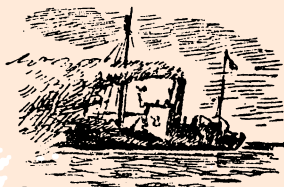
КУБАНСКИЙ ЧАЙ

Эта площадь в текущем пятилетии будет расширена. Кроме того, закладываются новые плантации и в других районах.

За последние годы культура чая в СССР вышла за пределы Грузии и занимает значительные площади на колхозных полях Краснодарского края. Советские агрономы вывели новые, морозостойкие виды чайного куста. В колхозах Адлерского и Лазаревского районов площадь чайных плантаций уже достигла 780 гектаров.

С НОВА В АНТАРКТИКУ!

Советская китобойная флотилия отправилась во вторую китобойную экспедицию в Антарктику. Вновь предстоит советским морякам пересечь экватор, совершить далекий рейс под созвездием Южного Креста и открыть сезон китобойного промысла в тех местах, где свыше 125 лет назад впервые побывали русские корабли. В отличие от экспедиции прошлого года начальный пункт похода экспедиции лежал на юге СССР. В ноябре 1947 года советская китобойная флотилия в составе базы «Слава» и восьми китобойцев вышла в антарктический рейс из Одессы.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ В МИРЕ

Суровая природа Кольского полуострова, но советские люди не только освоили богатства края, но изменяют и его природу: здесь акклиматизируются сибирская лиственница и кедр. Самый северный в мире Кировский ботанический сад выращивает в грунте ценные пищевые и декоративные растения. Достижения ботанического сада успешно используются на практике: пллярный совхоз «Индустрия» ежегодно снимает богатый урожай овощей.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

№ 12
Декабрь

Грузинская ССР. Гори. Вид на город со стороны древней крепости.

ШАЛВА ДАДАНИ,
депутат Верховного Совета СССР

Гравюра на дереве Б. Грозевского.

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО

Горная цепь отделяет Карталинию от Имеретии — Восточную Грузию от Грузии Западной.

Едва переступив эту вековечную грань, некогда запретную и заветную, попадаем в иной мир, во власть иных природных условий. Лесистые холмы и горы разбросаны в беспорядке. Горы громоздятся одна на другую, временами расходятся, чтобы дать дорогу кипящему ручью. Еле заметные тропинки выются по карнизам скал и теряются в лесной чаще. На вершинах гор и поныне стоят башни, запиравшие входы и выходы в ущелья. По склонам гор разбросаны виноградники, ниже, на свободных площадках, видны кукурузные поля. В Карталинии деревню можно окинуть взором: границы людских поселений здесь очерчены четко. В Имеретии жилища раскинуты на большой площади, иногда деревня тянется на несколько километров.

В Восточной Грузии вы услышите речь размеренную и спокойную, в Западной — оживленную и горячую: речь имеретина льется быстро и непринужденно.

Селения Грузии разбросаны на большом расстоянии одно от другого, но это никогда не мешало сынам гор быстро объединяться, подниматься на защиту родных очагов. Стоило сторожевой башне подать сигнал тревоги, как весть об опасности с быстротой молнии передавалась из конца в конец и люди брались за оружие. Если опасность грозила очагам Западной Грузии, горцы занимали наиболее уязвимые места, чтобы не пропустить неприятеля. Если опасность грозила Восточной Грузии, центру страны, имеретинские дружины одна за другой спускались с гор, вливались в общенациональное войско и шли в бой с неприятелем. Ни в смелых сердцах, ни в патриотических чувствах недостатка не было. Так было при Тамаре, в эпоху Руставели (в XII—XIII веках), так было во времена, когда Грузия была потрясена чудовищными нашествиями арабов, монголов, турок. Но настала пора, когда военные и политические бури, пронесшиеся над страной, разъединили общенациональные и общегосударственные усилия людей. Каждая область жила обособленной жизнью. Так было во время упадка грузинской государственности, в период господства иранцев и турок.

Имеретия не избежала этой общей участи средневековых государств. В ней укрепились крупнейшие феодалы Грузии — князья Церетели. У них было свое войско, свои пушки. Главенство имеретинского царя, жившего в Кутаиси, они считали докучливой опекой,

вели настоящие войны с соседями, такими же феодалами, и разоряли край.

И не только Церетели, но и другие имеретинские князья — Абашидзе, Цулукидзе, Микеладзе и другие — были маленькими царьками, каждый в своей области, и их распрям между собой не было конца.

Так было до присоединения Грузии к России в начале XIX века.

Передовые люди Грузии того времени понимали, что это присоединение принесет стране спокойствие и оградит ее от непрерывных нашествий мусульманских государств — Ирана и Турции, — которыми в свое время были отторгнуты некоторые провинции Грузии (как, например, Аджария на западе и часть Кахетии и Саиншло на востоке). Разделенная на отдельные царства и княжества, Грузия объединится, и внутреннее мирное развитие всего грузинского народа станет возможным.

Так и произошло.

Сначала Карталиния с Кахетией, затем Имеретия и Гурия, позже Мегрелия, Абхазия и другие горные области присоединились к России. И несмотря на колониальную политику, проводившуюся царизмом в Грузии, все же в стране легче стало жить. Благодаря русским войскам, охранявшим Грузию, бесперывные нашествия захватчиков прекратились, и жизнь страны вошла в мирное русло.

Открылись школы, которые, несмотря на их руссификаторскую тенденцию, все же давали некоторую подготовку. Грузинская молодежь устремилась в русские университеты и, воспринимая там прогрессивные идеи передовой части студенчества, распространяла их по возвращении и у себя на родине. Под влиянием этих идей создавалась пресса, возникли театры и другие просветительные учреждения. В обществе возник интерес и к вопросам экономического развития страны.

Это была заря новой жизни Грузии.

В ряду видных деятелей этой эпохи был и великий поэт Грузии XIX века Акакий Церетели.

Акакий Церетели учился в Петербурге. Он был другом Тараса Шевченко и вместе с ним мечтал о грядущей светлой доле народной.

Демократические идеи, воспринятые Акакием Церетели в эти дни, и явились тем принципиально новым, что внес он в своих произведениях в грузинскую поэзию, до него не выходящую из рамок дворянско-феодалной лирики. Творчество Акакия Церетели было разносторонним. Поэт, прозаик, драматург, публицист, он с одинаковой силой отражал в своих произведениях революционно-освободительные стремления грузинского народа и звал его на борьбу за светлое будущее.

Его поэзия отличается народностью, доступностью языка, обилием поэтических красок, чарует своим изъ-

ществом и, главное, всегда ратует за угнетенных, за дружбу народов, за борьбу против всяческой тирании.

Лучшие произведения Акакия Церетели, переведенные на русский язык, давно уже являются достоянием всего нашего великого Союза.

В Грузии Церетели всегда пользовался общей любовью народа. Его стихи сейчас же перекладывались в песни, и эти песни до сих пор поются в Грузии. И не только в Грузии. Кто сейчас не знает популярной песни Церетели «Сулико», которую по всему Союзу распевают и не грузины?

ЛУЧШИЙ В МИРЕ МАРГАНЕЦ!

В летние месяцы Акакий Церетели любил бродить по окрестностям своего Схвитори, по деревням, в живописном беспорядке раскинутым в горах.

Однажды, во время одной из таких прогулок, Церетели обратил внимание на залежи какой-то руды, выходящей на поверхность земли. Руда заинтересова-

мысленная разработка залежей марганца, какую небезценную пользу она может принести народу.

Старому феодалу Абашидзе не нравились эти искания молодого человека.

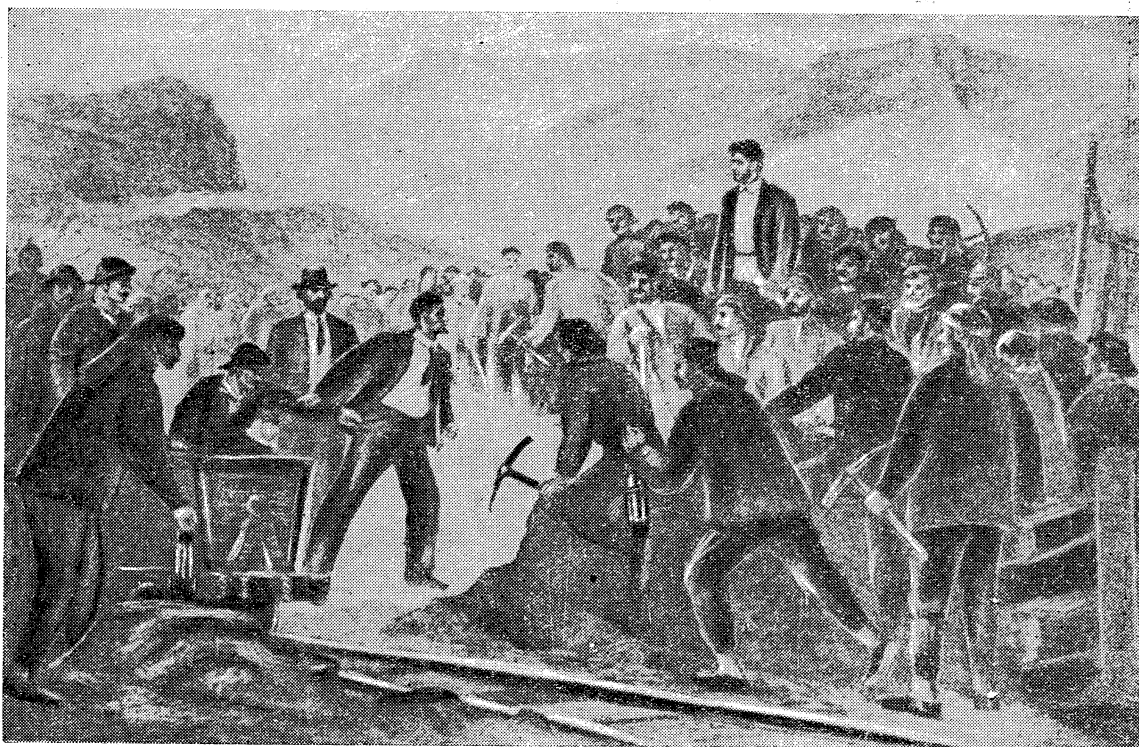
— Чем занят твой сын? — писал он отцу поэта. — Для того ли получил в Петербурге образование, чтобы лазить по горам, искать какие-то камни?

Абашидзе считал, что, получив образование, молодой человек должен был поступить на государственную службу, стать военным или гражданским чиновником, чтобы приумножить славу предков.

По инициативе Акакия Церетели, геолог Симанович тщательно обследовал руды на правом берегу Квирилы. Он нашел, что пласты, идущие к Чиатуре, особенно богаты марганцем.

Вскоре небольшая деревушка Чиатура, затерянная в горах Имеретии, приобрела мировую славу: началась промышленная эксплуатация недр окружающего ее района.

Велась она тогда примитивными, хищническими способами.

И. В. Сталин на митинге в Чиатуре разоблачает меньшевиков. Май 1905 года.

С картины худ. С. Надарейшвили

ла поэта. Он показал ее ученым — и узнал, что это марганец!

Церетели сразу оценил значение своей находки. Он понял, какой огромный толчок даст развитию края про-

¹ Марганец в природе встречается не в самородном виде, а в химических соединениях. По вычислениям ученых, этот элемент составляет 0,09 процента всей массы земной коры. Марганец — постоянный спутник железа.

До второй половины XVIII столетия он применялся лишь в стекольном и керамическом производстве. Но с 1830 года стало известно, что марганец пригоден для улучшения качества ковкого чугуна и литой стали.

Скоро марганец занял почетное положение в мировой промышленности. Современная металлургия черных металлов поглощает около 25 процентов всего количества марганцевой руды. Значение марганца можно охарактеризовать краткой фразой: марганец — это сталь высокого качества, а высококачественная сталь — грозное оружие.

Вскоре вслед за чиатурскими месторождения марганца были открыты и в Никополе, на Украине, затем в Британской Индии и в Бразилии. Но по богатству месторождений и по качеству руды Грузия стояла на первом месте.

В Чиатуре появились десятки предпринимателей — крупных и мелких капиталистов, занимавшихся разработкой недр. Рабочих беспощадно эксплуатировали. Техническое вооружение горняка состояло из кирки, лопаты, тачки и копилки. Работали по четырнадцать часов, жили в грязных бараках, в землянках.

Владельцы никопольских марганцевых предприятий на Украине были злейшими врагами чиатурского марганца. В свою очередь, владельцы чиатурских рудников были злейшими врагами никопольского марганца. Таков волчий закон капиталистической конкуренции.

Царское правительство в своих интересах поддерживало никопольских капиталистов и препятствовало быстрому сбыту чиатурского марганца. Долгое время оно не позволяло провести линию железной дороги к Чиатуре. Марганец возили на арбах.

Железнодорожная ветка, по которой чиатурский марганец стали доставлять на станцию Шорапани, находящуюся на магистральной Баку—Тбилиси—Батуми, была построена только в 1896 году.

Шумливая река Квирила делит Чиатуру на две части. Квирила черна от промываемой в ней руды.

— Чем чернее вода в Квириле, — говорят в Чиатуре, — тем лучше промыт добытый в рудниках марганец.

Чиатура стала наполняться шумом жизни.

Высокие горы, быстрые реки, древние башни на вершинах скал уже не служили помехой общению людей.

После митинга чиатурские рабочие устроили грандиозную демонстрацию против самодержавия.

Рабочее движение оказывало влияние и на крестьянство.

Грузинская литература насчитывает много произведений, в которых красочно описана жизнь деревни последних десятилетий перед революцией 1905 года.

Георгий Церетели дал яркие картины крепостнической жизни грузинского крестьянства во второй половине XIX века. Замечательные картины из жизни крестьян Западной Грузии дал в своих рассказах Эгнате Ниношвили. В рассказе «Писарь Мосе» Ниношвили, встретившийся в Тбилиси с Максимом Горьким, показал, как эксплуатируют крестьян старшины, писаря, полицейские чиновники и помещики.

Архивы судов Западной Грузии хранят сотни тысяч

И. В. Сталин в Чиатуре среди партизан. 1905 год.

С картины худ. С. Надарейшвили

ТОВАРИЩ СТАЛИН В ЧИАТУРЕ

В рабочем движении Грузии и Закавказья рабочие Чиатурских рудников заняли одно из выдающихся мест.

В 1905 году товарищем Сталиным был организован в Чиатуре уездный большевистский комитет. В то время Чиатура была наиболее крупным промышленным центром Западной Грузии.

В июле 1905 года в Чиатуре, на окраине города, у подножия горы, собрался многотысячный митинг. На митинг пришли чиатурские рабочие, из окрестных сел — крестьяне.

На митинге выступил товарищ Сталин.

Там, где происходил митинг, теперь разбит сквер. В сквере поставлен обелиск с надписью, в которой сказано, что «здесь в июле 1905 года на митинге чиатурских рабочих товарищ Сталин в дискуссии разгромил меньшевиков, анархистов и федералистов...»

дел, по которым можно судить о способах, применявшихся крупными и мелкими землевладельцами, а затем и народившейся буржуазией, чтобы выжать из крестьян все, что было возможно. Дворяне проводили большую часть времени в судах и административных учреждениях, хлопотали, вели нескончаемые тяжбы, оспаривали друг у друга и у крестьян клочки земли. Когда в 1905 году Западную Грузию посетил посланный наместником Кавказа один из чиновников — Султан Крым-Гирей, крестьяне заявили ему:

— Не хотим больше старшин, писарей, акцизных чиновников!

Промышленная Чиатура стала приобретать все большее значение. Рабочее движение росло и ширилось. Деревня брала пример с Чиатуры.

В то время Чиатура входила в Шорапанский уезд, центром которого был небольшой городок Зестафони. Полиция со своими стражниками, призванными на помощь воинским частям, была беспомощна в борьбе с

наравставшим революционным движением. В рабочих районах Чиатурских рудников систематически обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания. Собрания проводились чиатурским большевистским комитетом, организованным товарищем Сталиным. Сам товарищ Сталин часто выезжал в деревни: готовясь к вооруженному восстанию, приходилось вести ожесточенную борьбу против меньшевиков, разоблачать их предательскую сущность. И меньшевики всюду бывали биты: они не выдерживали сокрушительных ударов, которые им наносил товарищ Сталин и его соратники.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Чиатурский рабочий Г. Паркадзе так вспоминает об этом времени:

«Оружие доставлялось в Чиатура главным образом по железной дороге. Для того чтобы провезти его перед самым носом жандармерии, требовались особое умение и предусмотрительность. Чиатурские большевики, под руководством товарища Сталина, твердо взяли за это дело. В короткий срок были организованы и типография и нелегальный склад оружия».

Чтобы пополнить боевые припасы, чиатурские рабочие решили с боем вырывать оружие из рук противника. Красные дружинники напали на полицейские заставы, разоружали стражников, отбирали винтовки, револьверы и патроны. Царские чиновники и дворяне жили в постоянной тревоге.

«Вооруженные отряды чиатурских рабочих росли и крепились изо дня в день. Вооружались не только рабочие, но и революционные крестьяне. В самой Чиатуре под руководством товарища Сталина была сформирована постоянная боевая дружина при чиатурском большевистском комитете. Она систематически проводила военные учения, выступала и в деревнях, устраивала демонстрации».

Чиатурские большевики хорошо учли стратегическую обстановку.

Шорапани был важным узлом дорог и известен с глубокой древности. С шумом и грохотом соединяются тут речки Квирилы и Дзирула. На высокой горе стояла крепость. Предание говорит, что построил ее грузинский царь Парнаоз. Греческие и римские историки и географы упоминают крепость Сарабанда.

Плиний, римский историк, сообщает, что сухопутный путь между Сурами и Шорапани требовал пять дней пути.

С постройкой железной дороги у Сурами был пробит тоннель. С тех пор поезд беспрепятственно проходит сквозь горную цепь и в течение одного часа проделывают путь, на который караваны во времена Плиния тратили пять дней.

Готовясь к вооруженному выступлению, чиатурские большевики обратили особое внимание на Сурамский перевал. Как только был подан сигнал, Сурамский перевал был занят боевой дружиной, а тоннель был закрыт паровозом. Движение между Тбилиси и Западной Грузией приостановилось.

Это было в декабре 1905 года.

«...В конце декабря, — рассказывает Г. Паркадзе в своем очерке «Боевые большевистские дружины в Чиатуре в 1905 году», — происходила сильная перестрелка между большевистской дружиной и 12 ротой 77 Тенгинского полка, расположенной на станции Квирилы. На помощь 12 роте со станции Белогоры двинулась в это время 11 рота. Но белогорская боевая дружина вместе с частью чиатурской дружины настигла ее в пути, в гористой местности, и под сильным обстрелом заставила разоружиться и сдать все свое снаряжение. 12 рота в Квирилы также сдала оружие

Таким образом, весь этот участок, начиная от Сурамского перевала до станции Аджамети — Чиатура — Сацхери, находился в руках революционных рабочих и крестьян».

Выстрелы, раздавшиеся в тесных ущельях Шорапани, Чиатуры, Зестафони, гулким эхом отдались далеко за пределами Имеретии. Но еще быстрее пронеслось огненное сталинское слово, зовущее людей к новым боям и к новым победам.

ГОРОД СОВЕТСКОГО МАРГАНЦА

Город марганца, Чиатура, овеянный славой революционных битв, стал ныне одним из крупных промышленных центров Советской Грузии.

Не узнать грязного, запущенного, провинциального городка с кривыми улочками и множеством духанов, которым когда-то была Чиатура.

Жизнь здесь бьет ключом. За годы сталинских пятилеток вырос новый город. Появились прекрасные, асфальтированные улицы, скверы. Горный институт, несколько школ, клубы, центральный рабочий театр с хоршей труппой грузинских артистов, прекрасное специальное здание кинематографа, своя районная типография, редакция ежедневной газеты, отлично оборудованная больница, гостиница и другие учреждения для коммунальных услуг: водопровод, бани, почта и телеграф, радио — все это есть теперь в Чиатуре.

Рудники подверглись коренной реконструкции. Введены в эксплуатацию новые шахты. Построены обогащительные фабрики, очищающие марганец от примесей и обогащающие его. Очищенный марганец отправляется потребителю — металлургическим заводам.

Там, где раньше руду добывали примитивными способами, при помощи кирки и лопаты, при мерцающем свете горняцкой копилки, действует первоклассная техника: врубовые машины, электросверла, бурильные молотки. Руда на обогащительные фабрики доставляется по воздушным дорогам. Ярким электрическим светом залиты рудники, жилища рабочих, поселки, весь чиатурский промышленный район.

Раздвинулись границы, отделявшие Чиатуру от остального мира.

Чиатурские горняки соревнуются с горняками Никополья, добывающими марганец на Украине. Они с любовью и гордостью делятся с ними своими достижениями и опытом, рассказывают друг другу о своих успехах.

Добываемый в Чиатуре марганец идет на металлургические заводы юга, а также в Магнитогорск и Кузнецк.

Большую популярность в Чиатуре приобрели стахановские школы, в которых передовые люди рудников обучают горняков методам лучшей добычи руды. В этой области давно прославился Василий Самхаридзе — горняк, инициатор стахановского движения на марганцевых рудниках. Своим примером он увлек сотни рабочих Чиатуры, систематически, неуклонно повышающих добычу марганца.

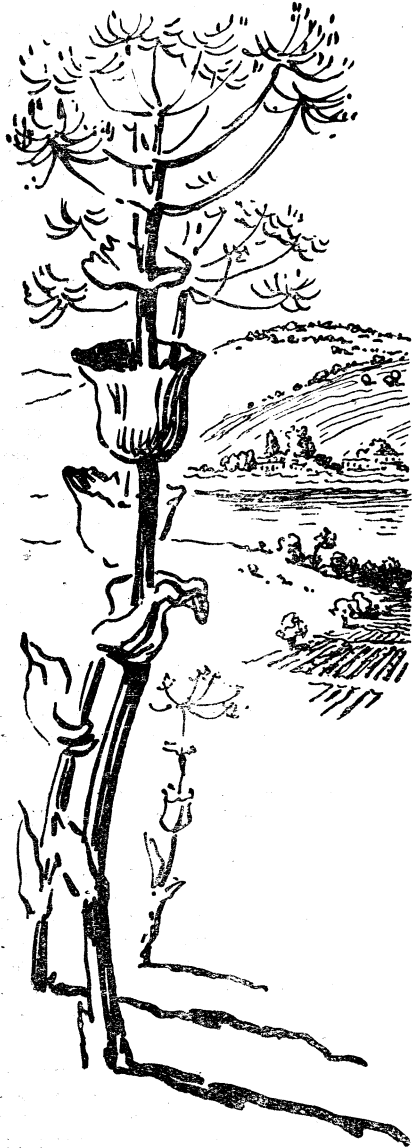
В один ряд с мужчинами становятся горняки-женщины. Маро Кереселидзе — первая женщина, начавшая работать на рудниках. За ней последовали десятки и сотни женщин, работой которых гордится промышленный город Чиатура.

В послевоенной сталинской пятилетке Чиатура по своим достижениям идет в первых рядах советских горнопромышленных районов.

Оазис Мургаба

ПЕТР СКОСЫРЕВ

Рис. Вс. Бродского

1

Река Мургаб начинается в Афганистане. Но большей своей частью она течет не за рубежами, а в пределах Советской страны.

Значение Мургаба в хозяйственной жизни Туркменской республики очень велико. Мургабская долина — сокровищница Туркмении. Это то, чем Фергана является для Узбекистана или долина реки Вахш для Таджикистана. Здесь собирается девять десятых выращиваемого на полях Туркмении длинноволокнистого хлопка.

В Мургабской долине нашли яркое проявление редкостные качества туркменского климата и лучшие свойства среднеазиатских лёссовых почв. В сочетании со значительно более отрегулированным течением реки, нежели в Теджене (другой важной реке Туркменской республики), эти особенности Мургабского оазиса и превратили его в хлопковую сокровищницу Туркмении.

Мургаб в три раза больше приносит пользы советской Туркмении, нежели Теджен. Река Теджен успевает растратить главные свои силы на полях чужеземной Гератской долины, а Мургаб за рубежом мчитесь по узким горным ущельям, где никто от него ничего не требует и где каждый горный ручей дает ему дополнительную силу. Лишь перед тем, как пересечь советскую границу, он теряет некоторую часть своей воды на афганских полях.

В пределах СССР Мургаб принимает несколько крупных притоков, главнейший из которых — Кушка — может считаться значительной рекой, тогда как Теджен в Туркмении не получает ниоткуда ни капли воды и только отдаёт ее.

И Мургаб имеет гораздо больше ирригационных сооружений, нежели Теджен. Строящаяся ныне плотина Тедженского водохранилища является, по сути, первой крупной плотиной на этой реке. А на Мургабе давно сооружены большие водохранилища, водосбросы, плотины. В Тедженской долине то и дело слышишь рассказы о буйстве весенних паводков, о летних засухах, о гибели посевов. На Мургабе такие разговоры могут быть лишь как исключение. Весенний паводок на Мургабе уже давно служит на пользу посевам, пополняя летнюю убыль воды в водохранилищах.

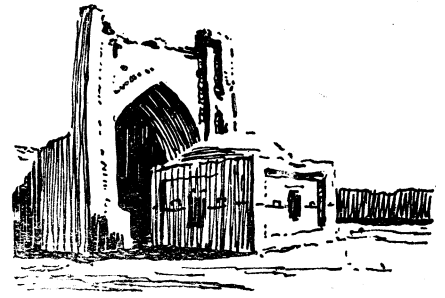
Теджен слабее Мургаба. Однако и Мургаб при всех его неоценимых качествах много слабее того, каким бы он должен был быть, чтобы дать орошение всем удобным землям его долины. Таких земель в долине Мургаба насчитывается шестьсот тысяч гектаров. А обработано и засеяно из них лишь до ста тысяч гектаров. Это больше того, что орошает Теджен, но меньше желаемого и возможного.

А желаемое, раз оно возможно, должно быть осуществлено.

2

С давних времен Мургабская долина имела огромное значение для всей Средней Азии.

Город в дельте Мургаба — древний Мерв — был в течение многих веков одним из самых богатых, обширных, красивых, могущественных и культурных городов Малой Азии, Ирана, Турана и Северной Индии.

Время основания его неизвестно.

В священной книге домусульманского Ирана «Зенд-Авеста» Мерв уже упоминается, как известный и богатый город. Значит, за тысячелетие до нашей эры он уже существовал.

Две с половиной тысячи лет назад в Мерве был убит основатель древнеперсидской империи царь Кир. Александр Македонский, придя в Среднюю Азию, застал в Мерве высокую культуру.

В VII столетии нашей эры Мерв перешел в руки арабов. Оросительная система, дававшая городу и его окрестностям воду, считалась в то время образцовой. Именно на Мургаб приезжали арабские техники из Мекки и Медины, чтобы учиться искусству строить плотины и проводить каналы. В арабских хрониках говорится о многочисленных поселениях вокруг Мерва, причем «численность их населения была равна каплям дождя в апреле».

В книге арабского историка и географа IX века Ахмед аль-Якуби — «Китаб аль-Булдан» — сказано про Мерв, что это самый известный из округов Хорасана.

Подробное описание Мерва X века дано в сочинении араба ал-Истахари «Китаб месалик аль-Мамалик».

В том же X веке поэтическое описание Мерва дал еще один араб, Мухаммед аль-Мукадасси, прославившийся своей книгой путешествий.

В течение XIX века в районе Мургаба текинцами и бухарцами было воздвигнуто два небольших укрепления — одно на месте нынешнего Мерва, другое в 28 километрах к востоку от него, возле развалин древнего Мерва. Это второе укрепление, построенное в 1840 году, получило название Байрам-Али.

В настоящее время советский город Мары, который до недавнего времени назывался Мервом, и Байрам-Али являются крупнейшими поселениями всего Мургабского оазиса. Мары — областной центр, третий по величине город Туркмении; Байрам-Али — крупный промышленный пункт, самый зеленый и один из самых благоустроенных городов республики.

Долина Мургаба — главный источник сельскохозяйственного богатства Туркменской республики.

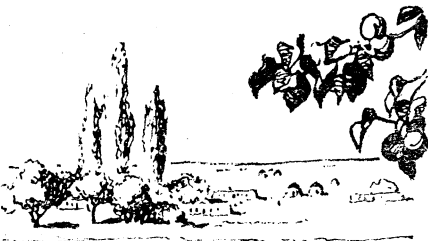
Современный Мары построен в 80-х годах прошлого столетия, в годы так называемой хлопковой лихорадки, когда дельцы из Средней России и Кавказа, любители легкой наживы, устремились в Среднюю Азию, торопясь настраивать хлопкоочистительные заводы, пооткрывать торговые склады, конторы, — повыгоднее и повернее набить карман.

Они не смотрели на город, который строили, как на место своего постоянного жительства. Не только эстетические — самые минимальные санитарные потребности горожан им казались баловством.

Для «господ ташкентцев» Мары был лишь временной останковкой на пути к большому богатству.

Но богатство приходило не сразу и не ко всем. Незнание местных условий приводило порой к роковым ошибкам, которые нередко кончались полным разорением новоиспеченных хлопковых предпринимателей.

Одной из таких ошибок был неправильный выбор сорта семян, кото-

рыми засеивались мургабские поля. О том, что местный марыйский сорт хлопчатника давно выродился и пользовался на мировом рынке дурной славой, было известно всем. Приходилось его менять. Но на что? Из Америки кто-то привез модный тогда сорт си-айленд, дающий дорогое мягкое волокно. Стали сеять си-айленд, но он совсем не подходил к этим местам, требовал для вырезывания совсем иных климатических условий, нежели те, что были в долине Мургаба.

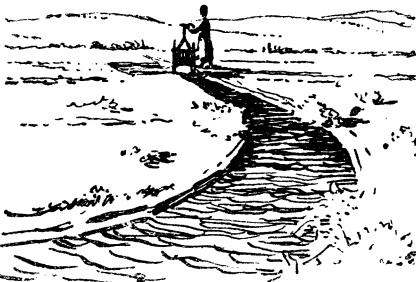
Позднее в Байрам-Али была открыта селекционная станция, которая в конце концов выработала сорт семян, гарантировавший рентабельность хлопкового дела в условиях Закаспия.

Город стал богатеть. Но богатство владельцев хлопкоочистительных заводов, ростовщиков, скупщиков хлопка, эксплуатировавших туркменское и русское трудовое население, не оказывало никакого влияния на внешний вид Мары. Город рос как большой каменный базар и как место постоянного пребывания доверенных всяких фирм да чиновников, вынужденных здесь жить по долгу службы. Через несколько лет после своего основания Мары стал уездным горо-

дом Закаспийской области. Жители сажали вдоль улиц деревья, копали арыки и огораживали сады при своих каменных приземистых домиках глупыми глиняными заборами.

На том заботы о благоустройстве города и кончались.

Между тем город продолжал расти. В Байрам-Али было учреждено большое хлопковое хозяйство. На реке Мургаб построили две большие

плотины. Площадь хлопковых полей непрерывно расширялась, а соответственно расширились и торговые обороты уездного города Мары.

Росту Мары много помогла постройка железнодорожной ветки, соединившей в 1896 году Среднеазиатскую магистраль с самым южным пунктом Российской империи — с крепостью и городом Кушка.

Мары стал узловой станцией с крупнейшими после кизыл-арватских железнодорожными мастерскими.

Таким он и оставался вплоть до Октябрьской революции — город чиновников, город торговцев и промышленников, город авантюристов, город скороспелых богачей и разорившихся предпринимателей, город крупных сделок с афганскими и персидскими купцами, город изнурительной малярии и город постепенно крепнущей прослойки русских рабочих-железнодорожников. Они жили своей семьей, не смешиваясь с остальным буржуазно-мещанским населением города, и постепенно накапливали силы для революционных битв, близость которых уже предчувствовал каждый, кто хоть немного разбирался в направлениях и законах жизни.

А кругом лежала золотоносная земля, жаждущая влаги.

Отличительным признаком мургабской воды является ее замутненность. На литр воды, почерпнутой из Мургаба, приходится иной раз до 24 граммов ила. От этого цвет воды в реке такой, точно в бутылку кипятка бросили столовую ложку какао. Мельчайшие частицы песчаной и глинистой почвы, размывтой Мургабом, совершают с рекой весь путь, какой для нее приготовил человек.

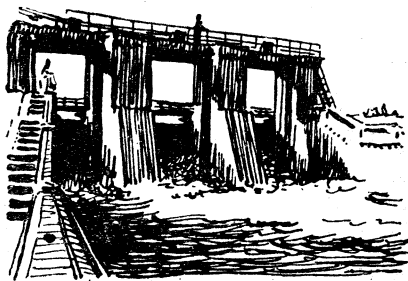
Вместе с водой мургабский ил попадает в водохранилища, построенные для уловления весенних паводков. Из водохранилищ ил выносятся в каналы, из каналов — в арыки, а из арыков — на поля. На всем про-

тяжении этого пути ил постепенно осаждается, причем осаднение его идет тем скорее, чем медленнее течение воды в канале или арыке.

Ил, который несут среднеазиатские реки (не один Мургаб), — это их добро и зло. Добро потому, что наносы, попадая на поля, увеличивают плодородность почвы, являясь первым и естественным ее удобрением. Кроме того, ил изменяет в полезном направлении и чисто физические свойства почвы. Попадая на поля вместе с водой, он связывает рассыпчатую землю и уменьшает ее водопроницаемость. Жители Мургабской долины специально выводят мургабскую воду в пески, заливая котловинки между барханами, чтобы получить добавочные участки для посевов. После спуска воды на поливных участках остается корочка, скрепляющая песчинки и позволяющая корням растений укрепиться.

Таким образом, мургабский ил может рассматриваться как несомненное добро, хотя по химическим своим свойствам он и менее ценен, чем, например, ил аму-дарьинский. Качество мургабского ила портится его засоленностью. Это происходит от того, что два больших притока Мургаба — Кашан и Кушка — являются одними из самых соленых рек мира. Но все же ил Мургаба служит целям удобрения, и, следовательно, он — добро.

Но вместе с тем он и зло. Он — зло потому, что если на каждый килограмм мургабской воды приходится до 24 граммов твердых частиц, то это значит, что в водохранилищах, где собираются десятки и сотни миллионов тонн воды, скапливается и колоссальное количество ила, который эти водохранилища засоряет. Для того чтобы построить Тедженское водохранилище, нужно вынуть 2,5 миллиона кубометров земли. Эта цифра поражает своей громад-

ностью. Как же мы должны быть удивлены, узнав, что уже существующие на Мургабе водохранилища мургабская вода ежегодно засоряет миллионами тонн земли и песка, сводя на-нет созидательную работу человека.

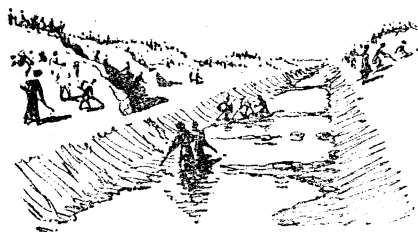
На Мургабе в настоящее время действуют четыре больших водохранилища: Ташкепринское, Иолатанское и два Гиндукушских.

Общий объем их — 275 миллионов кубометров воды. По самым скромным расчетам емкость этих четырех водохранилищ ежегодно умень-

шагся от заиливания на 2 миллиона кубометров.

Заиливаются не только водохранилища. Ил оседает и на дне арыков и каналов. Каждый год в арычной системе Мургабской долины оседает миллион тонн ила. Эти наносы делают каналы непроточными. Для того чтобы обеспечить нормальным орошением один гектар посевов, надо ежегодно вычерпывать из русел арыков десять кубометров ила.

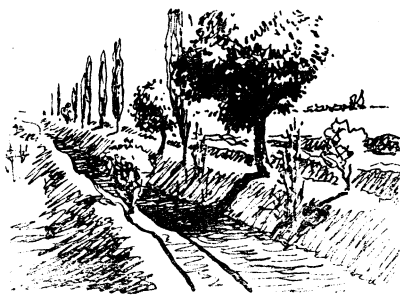
Очистка оросительной системы называется хошар. Она входит в расписание самых насущных и обязательных сельскохозяйственных работ Мургабской долины, как и всех других районов Средней Азии, получающих искусственное орошение. На хошар ежегодно затрачиваются сотни тысяч трудодней.

Выброшенный во время хошара из арыков ил постепенно наращивается на их берегах. Поэтому арыки в Туркмении всегда окаймлены высокими валами. Эти глиняные валы из года в год, от хошара к хошару все увеличиваются и, наконец, становятся так высоки, что во время очередного хошара начинает уже не хватать физических сил, чтобы лопатой выбросить ил со дна арыка наверх. Тогда старый обвалованный арык бросают и рядом с ним роют новый. Первый год он течет в ровных берегах, но проходит шесть-семь лет, и после шестисемью хошар на берегах его опять нарастают валы, которые еще через несколько лет снова заставят забросить и этот арык и рыть рядом с ним третий. А там придет время забросить и третий арык и копать четвертый, пятый. Вся равнина Мургабского оазиса загромождена высокими сухими валами, тянущимися параллельно друг другу на всем протяжении вдоль каждого арыка.

Эти валы составляют характерную черту мургабского пейзажа. Мутно-коричневая вода бежит в канавах между высокими берегами. Валы поросли осокой и сухими длинными травами. На воду арыков кидают тень карагачи, ива, лох и другие деревья, всюду сопутствующие человеку, едва его усилиями будет орошена земля.

Засеянные поля разделены невысокими валиками на ровные плоские делянки. Выравнивание делянок, подлежащих одновременному заполнению водой при поливе, — это тоже одна из обязательных забот туркменского

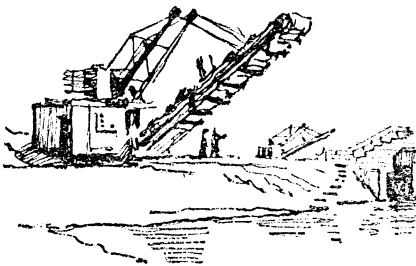

колхоза. Ведь если поле окажется не вполне ровным, а волнистым или покатым, то, когда пустят воду из арыка, вода скопится в низких местах и оросит только их, а посевы на покатои и возвышенной части засохнут. На мургабских полях нет и не должно быть косоогоров, холмов, откосов, таких обычных в Средней России. Мургабский оазис, так же как оазисы Тедженский, Приамударьинский, Серахский, Ташаузский, — это идеальная плоскость, разрезанная невысокими валиками на квадраты полей и пересеченная валами арычных берегов.

Хошар в течение тысячелетий был одной из самых жестоких повинностей земледельца Средней Азии.

Советский человек, как только он стал хозяином всех вод и земель своей родины, не захотел мириться с таким положением. На каналы древних оазисов пришли землечерпалки. Первое время эти машины доставляли из других районов страны, а теперь их начинают производить в самой Средней Азии. В годы Великой Отечественной войны было налажено производство землесосов в Ашхабаде.

Там, где прежде работали тысячи человек, там теперь ту же работу выполняет одна машина. В отдельных районах хошарные работы механизированы на 50 и больше процентов. В Туркмении это особенно относится к северному, Ташаузскому оазису, где Аму-Дарья еще больше, чем

Мургаб, держала в плену труд земледельца миллионами тонн своего ила.

Механизированы, конечно, не только хошарные работы. На полях Туркмении работают тысячи тракторов, множество разнообразных сельскохозяйственных машин. Работы над

хлопком — пока за исключением его сбора — в значительной степени уже механизированы.

При оросительных сооружениях строятся гидроэлектростанции; возводится, в частности, Каушут-Бентская гидростанция на Мургабе.

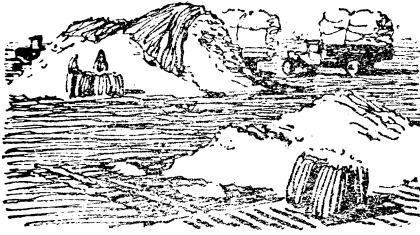
5

Календарь работ мургабского колхозника в большой мере определяется потребностями развития хлопкового семени.

Сев хлопка начинается в марте. К этому времени должны быть закончены все хошарные работы на всем протяжении всех каналов и арыков. Задерживать сев нельзя. Хлопок для полного его созревания нуждается в длинном вегетационном периоде, занимающем в условиях мургабского климата все безморозное время. Если запоздать с использованием этого периода хотя бы на неделю, это приведет к самым тяжелым последствиям. Дней, упущенных с весны, нехватит в конце лета, — ударят заморозки, и все затраченные труды десятков тысяч людей, занятых на хлопке, пойдут прахом. Поэтому время, предшествующее севу, и самый сев для всего населения Мургабской долины являются авральным временем, когда невозможно и преступно отвлечение внимания на какие-либо посторонние дела.

Кончится сев, наступит летняя страда — поливы, прополка, чеканка. А к началу осени вновь разгорается аврал, связанный с приближением времени уборки. К концу сентября хлопчатник превращается в рослый куст, несколько напоминающий куст картофеля, и на нем во множестве набухают твердые крупные коробочки с волокном. Если волокно дозрело, коробочки раскрываются — и вата выходит на свет. Ее надо оборвать — ей нельзя дать перестояться, как нельзя собирать и незрелое волокно. Первыми раскрываются коробочки на нижних ветках куста. Это затрудняет технику сбора. Стараясь не поломать верхних, еще не созревших коробочек, рука сборщика проникает в самую гущу куста, чтобы быстро и ловко снять созревшую вату. А завтра к этому кусту надо вернуться снова, так как на нем раскроются новые коробочки, сегодня еще закрытые. К нему нужно вернуться и через день и через два. Сбор длится 30, 40 и больше дней. И все эти 30 и 40 дней сборщик должен каждый день навешиваться к каждому кусту посева. А ведь в долине Мургаба под хлопок отведены десятки тысяч гектаров, и на каждом гектаре кустов хлопчатника не меньше, чем кустов картофеля на гектаре картофельного поля.

Перед советским хлопководством сейчас стоит задача механизировать сбор хлопка с помощью вновь конструируемых машин. В Туркмении предполагается к концу послевоенной пятилетки механизировать сбор хлопка почти на треть.

Весной — посев, летом — поливы и чеканка, осенью — сбор хлопка, а зимой — приведение в порядок оросительной системы — вот тот круговорот неотложных забот и дел, в который вовлечено все население долины Мургаба.

Южнее Мары расположен город Ислатань — центр селекционной и опытной работы по созданию новых сортов длинноволокнистого и естественно окрашенного хлопка.

Длинноволокнистый, или, как его прежде называли, египетский, хлопок не может произрастать в любых условиях. Для него нужен особенно длительный безморозный период. Мургабский оазис представляет сочетание всех условий, необходимых для вызревания этого нежного сорта. Но просто засеять поля египетскими семенами недостаточно. Надо учесть особенности местного климата и почву, которые требуют известного приспособления к себе тех сортов «египтянина», которые двенадцать-пятнадцать лет назад впервые были опробованы на Мургабе. Работой по выведению улучшенных, советских сортов длинноволокнистого хлопка и ведет опытно-селекционная станция в Ислатани.

В последние годы внимание сотрудников Иолатанской станции было обращено также на выращивание естественно окрашенного хлопка. На опытных полях уже можно видеть целые участки зеленого и коричневого хлопчатника. Особенность его в том, что волокно такого хлопка может идти на текстильные фабрики, не нуждаясь в какой-нибудь дополнительной окраске.

Внедрение естественно окрашенного хлопка на колхозные поля сохранит стране громадные средства, затрачиваемые на окраску пряжи и тканей.

Когда на полях будет расти коричневый, зеленый, голубой, красный хлопок, разительно изменится даже пейзаж страны, поскольку хлопковое волокно занимает значительное место в среднеазиатском пейзаже.

Сбор хлопка заканчивается к ноябрю. Тогда возле каждого колхоза, возле каждого аула, возле любой железнодорожной станции, по всем дорогам движутся арбы, автомашины, караваны, нагруженные белым, как весенние облака, хлопком. На складах, на дворах хлопкоочистительных заводов, на площадках у товарных станций каждую осень растут горы ваты, достигающие порой такой высоты, что чуть не за километры видны их остроконечные, как бы снежные вершины. Хлопкоочи-

тельные заводы, очищающие машины — джинами — хлопковое волокно от семян, работают с осени по весну. Все это время к ним подвозят сырье с полей и вывозят с заводов готовую продукцию. Идет ли железнодорожный состав, на платформах которого лежат кипы очищенного хлопка, везет ли хлопок арба по дороге, или через спину верблюда перекинуты большие чувалы, туго набитые волокном, — хлопок в Туркмении всегда и всюду на виду. Как голубизна туркменского неба, как красные одеяния женщин, как очертания фиолетовых гор на горизонте, — непревзойденная белизна хлопчатника сопутствует путешественнику во всех его передвижениях по дорогам республики.

Окрашенное волокно внесет новую ноту в цветовую симфонию туркменского пейзажа. И эта нота прозвучит, как новая песня победы советского колхозного хозяйства, строящего свою работу на научной основе.

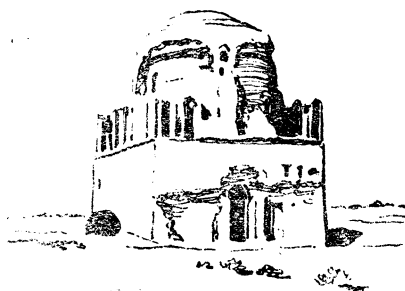
За годы сталинских пятилеток колхозники Туркмении одержали много побед. Тридцать лет назад под хлопчатник отводилось около 70 тысяч гектаров туркменской земли. А в первый послевоенный год было засеяно значительно больше. Сильно увеличилась и урожайность. Общий сбор туркменского хлопка за годы советской власти возрос в несколько раз.

Дальнейшее развитие туркменского хлопководства определено специальным постановлением партии и правительства и пятилетним планом. В ближайшие годы будет перекрыт тот ущерб, который нанесла хлопководству война. Скоро хлопковое хозяйство станет еще более культурным, механизированным и продуктивным, чем было до войны. Двадцать лет назад считалось хорошим, если один гектар посева давал 7 центнеров волокна. А по принятому плану средний урожай хлопка в 1950 году составит в среднем 17 центнеров с гектара.

Во всех победах туркменского народа, достигнутых под руководством партии в области хлопководства, почетная роль, несомненно, принадлежит мургабским колхозам.

6

На пути от Мары до Байрам-Али с северной стороны полотна все время видны многочисленные признаки того, что на этом участке железная

дорога пролегла по кладбищу многовековой культуры. Остатки башен, холмов, стен, ров занимают площадь чуть не в сто квадратных километров. Едва ли на земном шаре есть другие древние развалины, площадь которых была бы настолько велика. Но не нужно думать, что площадь столицы султана Санджара действительно равнялась ста квадратным километрам. Просто у народов Средней Азии было принято после разрушения города восстанавливать его не точно на старом месте, а немного отступая в сторону. Это было даже не обычаем, а одним из способов разрушения технических затруднений, связанных с расчисткой строительной площадки от обломков зданий. Таким образом, пресезжая мимо развалин старого Мерва, мы проезжаем фактически мимо развалин нескольких Мервов. Вот развалины греческой Антиохии. Вот обломки зданий столицы периода халифата. Вот руины величественного города Санджара.

Не всегда можно точно разграничить, где кончался более древний город и где был воздвигнут более поздний. Тот же перед глазами битый кирпич. Те же рытвины, те же осыпавшиеся стены, обломки башен. Те же тени отбрасывают на песок холмы, сложенные из черепков посуды и многоцветных кирпичиков, покрытых глазурью.

В чисто художественном отношении развалины старого Мерва, включая сюда и остатки мавзолея Санджара, производят меньшее впечатление, чем мечеть Аннау под Ашхабадом.

В остатках мавзолея Аннау замысел зодчего, как и художника, соболевшего зданию красочность, виден, поскольку остались нетронутыми ценные комплексы цветных орнаментов и мозаичных покрытий. Постройки же старого Мерва разрушены настолько, что видеть, что именно представляли собой эти здания в прошлом, нельзя. Аннау пострадал лишь от времени, а старый Мерв — от злой человеческой воли. И последнее оказалось сильнее и безжалостнее первого.

7

Неизгладимое впечатление производит переход от безжизненности древних городов, лежащих среди мертвого пустыря, к многоцветности торжествующей жизни, которая открывается перед каждым, кто, оставив историю, переступил через железнодорожное полотно и оказался в Байрам-Али.

Этот городок, как бы захлебнувшийся в зелени садов, стоит на границе оазиса и пустыни как вещественное доказательство того, что творящие силы природы неиссякаемы, лишь бы к ним прикоснулся всеоживляющий человеческий разум.

Город-сад, город-парк, город-

лес, Байрам-Али способен возбудить зависть у любого другого города Средней Азии. Если бы города, как люди, могли ездить друг к другу в гости, в прихожей у Байрам-Али нельзя было бы протолкаться от посетителей. Каждому поселенню этих жарких мест было бы любопытно повидать своего счастливого собрата, арыки которого вечно полны водой, дома просты, скромны и изящны, тротуары и мостовые, даже в самые нестерпимые часы июльского зноя, повиты тенью, а на улицах то и дело слышно соловьиное щелканье и свист, ибо птицам в этом городе очень трудно разобраться, что здесь считается парком, а что городским проспектом. В весенние месяцы на улицах Байрам-Али можно услышать даже кукушку. Как необычна симфония городских звуков, в которой тоскующий крик кукушки перемешивается сиреной автомобиля или ревом верблюда! А затем раздаются трубный, внезапный, всякий раз поражающий непривычного человека, протяжный крик осла. И вдруг все это перекрывает низкий заводской гудок.

Небольшое укрепление Байрам-Али было воздвигнуто в середине

XIX века как опора текинских племен против набегов бухарских сарбазов. После присоединения Мургаба к России в Байрам-Али и на близлежащих землях было учреждено так называемое «Мургабское государево имение». Доходы с этого имения шли непосредственно в карман царю.

Теперь Байрам-Али — центр одного из богатейших районов Марьинской области.

Как и в Мары, в нем все подчинено хлопку, может быть даже еще в большей степени. В Мары расположены многие учреждения и предприятия, не имеющие порой прямого касательства к хлопковым полям и связанные с другими отраслями окрестного хозяйства. Там есть, кроме хлопкоочистительного, заводы кожевенный, пивоваренный, рыбокопильный, мотороремонтный. Есть крупнейшая в Средней Азии

фабрика первичной обработки шерсти. Есть железнодорожное депо. В Байрам-Али таких разнообразных учреждений и предприятий пока нет. Промышленное лицо города определяется масложиркомбинатом, очищающим хлопковое волокно и производящим из хлопкового семени масло и мыло.

Сухой климат Байрам-Али вызвал создание здесь санатория для почечных больных. Он развернут в здании бывшего дворца, в котором до революции жил генерал, управляющий мургабским имением.

Именно та часть города, которая прилегает к санаторию, и создала Байрам-Али славу самого озелененного, самого красивого, самого благоустроенного города в республике. Здесь, помимо многих садов, пали-

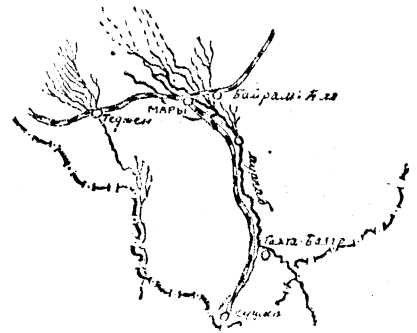
садников, цветников, находится величественный старый парк, засаженный редкими деревьями, завезенными сюда из разных южных стран.

Когда будет осуществлен грандиозный план пополнения Мургабского и Тедженского оазисов аму-дарьинской водой, тогда и в других поселках и городах будут созданы условия, которые позволят им превратиться в такие же города-парки, как сейчас является этот небольшой городок, раскинувший свои сады неподалеку от мертвых камней древнего Мерва.

8

Схема дельты Мургаба, если ее изобразить на бумаге, напомнит изображение метелки. Река на протяжении почти 200 километров имеет одно неширокое, извилистое русло, а достигнув города Иолатани, распадается на бесчисленное количество рукавов, которые в виде пучка метелки расходятся на северо-восток, на север и на северо-запад и затем теряются в песках. Перегороженная плотинами река севернее Иолатани выбрасывает несколько магистральных каналов, от которых ответвляются распределительные каналы, в свою очередь, дающие начало арыкам, доводящим воду до посевов.

Общая протяженность всех каналов и арыков в дельте Мургаба равна 5 тысячам километров, при длине дельты в 100 километров. Таким образом, на один километр протяжен-

ности дельты приходится не меньше 50 километров арыков и каналов.

Именно район дельты обычно и имеют в виду, когда говорят о Мургабском оазисе, хотя южнее Иолатани расположен и еще один оазисный район, получающий орошение из Мургаба.

Это Пендинский оазис с центром в городе Тахта-Базаре.

Он занимает самую южную часть Марьинской области, являющейся самой южной областью Туркмении, которая, в свою очередь, занимает наиболее южное положение во всем Советском Союзе.

Южнее Тахта-Базара в нашей стране расположен только один город Кушка.

Пендинский оазис вытянулся вдоль Мургаба на 65 километров богато орошенной, хорошо возделанной, не очень широкой полосой. Огромное значение для его хозяйства имела постройка в 1940 году Таш-Копринского водохранилища, неподалеку от железнодорожной станции Таш-Копри. Это крупнейшее на Мургабе гидротехническое сооружение советского времени повысило роль и значение Пендинского оазиса, введя его в число передовых районов области. Как и в дельте, в прибрежной пендинской полосе ведущее место принадлежит культуре хлопка, а на землях, неудобных для хлопчатника, сеют зерновые культуры и разводят богатые фруктовые сады.

Сейчас в оазисе ведутся большие ирригационные работы, которые значительно увеличат поступление воды на колхозные и совхозные поля. Так за годы сталинских пятилеток неузнаваемо преобразился Мургабский оазис, превратившись в крупнейший центр передового хлопководства.

Е. ШИСТЕР

Фото оператора кинохроники
лауреата Сталинской премии С. Когана

22 марта¹

Погода не совсем благоприятствует охоте. Дует сильный ветер, большие волны поднимаются над океаном. С гребешков их летят брызги, затрудняя видимость.

Легкий китобоец швыряет с волны на волну, заливая соленой водой. Мы нападаем на финвала. Начинается погоня. Итти за китом трудно: мешает большая волна, которая то и дело скрывает от нас зверя, появляющегося на поверхности. Гарпунер выходит к пушке. Соль выступает на лице, бороде, одежде гарпунера. Но он не замечает этого. Все его внимание сосредоточено на ките, ныряющем впереди судна. Рука гарпунера лежит на рукоятке пушки, готовая в любой момент произвести выстрел.

Сгущаются сумерки. Кит уходит. Мы ложимся в дрейф.

23 марта

Наш китобоец вышел во льды. Ярко светит солнце. Прекрасный день,—такой редко бывает в Антарктике. Вдали на многие десятки миль виднеются льды отчетливо и ясно. Судно плывет в самой глубокой и удивительно прозрачной воде. Мы проходим мимо огромных айсбергов; на них ясно можно видеть многочисленных пингвинов и тюленей, греющихся на солнце и отражающихся в воде, голубоватый цвет которой кажется более интенсивным при сравнении со льдом.

24 марта

Нашему китобойцу надо бункероваться. К полдню мы подходим к базе, берем горючее, продукты, пресную воду и опять уходим на охоту. Пройдя полосу сплошного льда, где стоит база, судно выходит на чистую воду. Перед нашим взором открывается зеркальная поверхность океана. Полный штиль. Такую картину за все время плавания мы впервые наблюдаем в этих местах.

Вдали на горизонте видим плавающего убитого кита. Идем к нему. Вокруг кита вьется много птиц. На спине кита сидит очень большая утка. При нашем приближении она спрыгивает в воду и разбегается, оставляя массу кругов, затем поднимается в воздух.

25 марта

С утра такая же, как и вчера, прекрасная солнечная погода. Мы то и дело встречаем греющихся на соли-

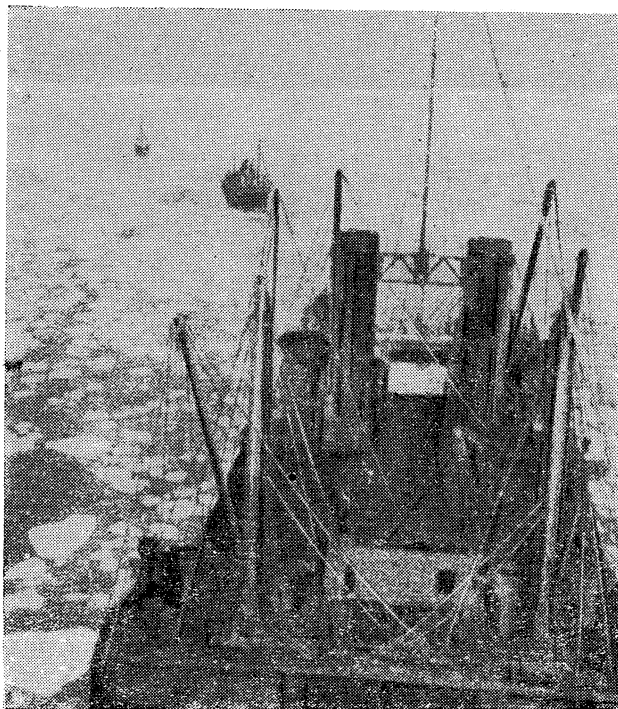
це пингвинов и тюленей, которые здесь совершенно не напуганы и подпускают к себе на очень близкое расстояние.

Весь день ходим во льдах. Но фонтанов не видно. Только к вечеру на горизонте заметили двух китов и безуспешно гонялись за ними среди льдов до наступления темноты.

За день прошли свыше 150 миль.

К вечеру стало качать, поднялись волны. Ветер сбивает пену, солеными водяными брызгами обжигает глаза. С упорством борются китобой со стихией. Не легко, но крепкая товарищеская спайка во многом помогает им в этой борьбе.

...Мы вошли во льды — дожидаться рассвета.

В Антарктике наступила зима. Флотилия медленно выходила изо льдов.

¹ Окончание. См. «Вокруг света» №№ 10 и 11.

26 марта

Сегодня с самого утра, как только мы вышли на чистую воду, сильно качает. Ветра сильного нет, но тяжелые волны с глухим шумом ударяют о борт судна. Нет ни одной спокойной минуты. Наш капитан охотится за двумя финвалами. Он стоит на мостике у пушки в продолжение всей охоты. Холодные брызги разлетаются по всему судну, окатывая капитана с ног до головы. Вот мы уже настигли китов. Наше судно очутилось между двумя блювалами. Выстрел — и кит загарпунен.

Выстрел для кита смертельный. Он вытянул около 600 метров троса, вдали от нас сделал несколько взмахов своим могучим хвостом — и замер. Сразу слетелись, как будто почувствовали смерть, сотни морских голубей.

Лебедкой подтягиваем кита к судну и с добычей возвращаемся к базе.

3 апреля

С каждым днем все больше и больше чувствуется приближение антарктической зимы. С утра плохая видимость, идет мелкий снег, туман застилает поверхность воды. К середине дня начинается сильный норд-вест. Он поднимает большие волны. Сильно качает.

К вечеру ветер усиливается. Он дует силою до 9 баллов. Настоящий шторм в Антарктике. Такой качки мы не ощущали еще ни разу за все время рейса.

Штормит всю ночь. Мы подкладываем на койки подушки и одеяла, чтобы не упасть, но это мало помогает. Крен настолько велик, что мы перекатываемся и через эти «укрепления».

Вся ночь проходит в тревоге.

4 апреля

Поздно вечером пришла телеграмма от министра товарища Ишкова, адресованная личному составу.

В связи с выпуском 5 тысяч тонн китового жира министр поздравлял весь коллектив китобойной флотилии с достигнутыми успехами, желая здоровья и успешного завершения работы.

Эту телеграмму министра сейчас же передали через радиозузел базы на все суда.

5 апреля

Наступило резкое понижение температуры. Сильный мороз. На палубе работать становится труднее. Холодный ветер пронизывает насквозь. Но люди, здоровые, сильные, работают, несмотря на эти невзгоды, с подъемом, выполняя ответственное правительственное задание, сознавая, что за их работой следит вся страна. Об этом они знают по телеграммам из дома, в которых мать, отец, жена, брат, родные и знакомые сообщают, что слушают по радио или читают в газетах о деятельности нашей флотилии. Это внимание народа к судьбе флотилии поднимает настроение нашего экипажа, повышает ответственность каждого за выполнение почетного задания родины.

12 апреля

Регулярно в полночь наши радисты устанавливают связь с танкером «Кремль». Сегодня от капитана танкера Фомина на имя Воронина пришла радиограмма.

Фомин сообщает, что 12-го они входят в район, где могут быть айсберги, и просит сообщить ряд практических сведений.

Воронин, хорошо знакомый с условиями плавания в северных водах, прошедший путь до Антарктики нередко среди сплошных ледяных гор, не замедлил с ответом. Сейчас же на танкер пошла радиограмма.

Владимир Иванович сообщал, что, следуя на промысел, суда флотилии первые айсберги встретили около 40° южной широты. Сначала редкие, а чем дальше на юг — тем больше и чаще. По температуре заборной воды судить о приближении к айсбергу нельзя, так

Началось обледенение. Матросы целые дни были заняты откалыванием льда.

как она понижается только в непосредственной близости к нему. Во время тумана и ночной темноты, во избежание столкновения с айсбергом, ход судов всегда уменьшается. Айсберги выделяются своей белесоватостью, особенно ночью. В хорошую погоду их можно заметить не меньше чем за милю, а в снежные заряды и туманы они видны плохо. Это время особенно опасно. В таких случаях лучше остановиться: рисковать не следует.

14 апреля

Прошли всего одни сутки, а температура резко изменилась. Сегодня дует резкий ветер с юга, из Антарктики. С утра температура 21 градус мороза. Идем на северо-запад.

Закутавшись в тулуп, все время стоит на мостике Владимир Иванович. Его брови и усы покрылись инеем. Ему не страшны суровые ветры этих широт: в Арктике не раз приходилось проводить суда в пургу, метель, в суровые морозы. Здешние условия для него не новы.

Флотилия продвигается сквозь блинчатый лед. Надо скорее выбираться на чистую воду. Лед заметно смерзается, образуя огромные ледяные поля. Все реже и реже встречаются разводья.

К вечеру мороз усиливается и температура понижается. Забортная вода — минус 3 градуса. А сутки назад, в другом районе, севернее, температура воды была на градус ниже.

16 апреля

Мы держим курс к берегам Южной Америки. В 150 милях на северо-запад от нас — Южные Сэндвичевы острова.

Сегодня уже гораздо теплее, чем в прошлые дни. Температура воздуха — минус 5 градусов.

Китобойцы, производя разведку зверя, идут по обеим сторонам от нас веером.

23 апреля

Ночь была очень тяжелой. Дул ветер силою до 9 баллов, поднимая большие волны. Флотилия шла среди огромных, часто встречающихся льдин. Бесперывно работал радиолокатор, при помощи которого предотвращали столкновение со льдами. У него всю ночь дежурил Володя Захаров.

Днем погода изменилась. Из облаков вышло солнце, но ветер не успокоился. После непродолжительной стоянки, во время которой бункеровался китобоец «Слава-4», взяли курс строго на норд. Несколько раз выходили на разводья, но затем вновь и вновь оказывались среди сплошного, толстого, многолетнего льда. Он не дает нам идти полным ходом. То и дело слышатся глухие удары о корпус. Идем самым малым. Задул сильный ветер, характерный для этих мест. Он не утих в течение всей ночи.

24 апреля

Сегодня, оставив справа Южно-Оркнейские острова, мы покинули Антарктику и легли курсом на север к берегам Южной Америки. Наша флотилия строгой кильватерной колонной направляется к берегам Патагонии, в район, где, по данным статистики, китобойного промысла не было свыше двадцати пяти лет. Там водятся киты, называемые сейвалами. По внешнему виду они больше похожи на блювалов, но гораздо меньше их по своим размерам. Спинной плавник у сейвалов расположен ближе к середине спины, чем у других китов. Ус мягче и эластичнее и ценится дороже. Число пластин уса на каждой стороне челюсти — 320 — 340.

Взрослые сейвалы достигают 16 метров в длину. Мясо их съедобно и вкуснее, чем у других китов.

До 1881 года сейвалов не промыслили, они встречались редко. Бить их стали только в 1882 году у Финмаркенского побережья Северной Норвегии. Впоследствии сейвалов стали промысливать и на восточном

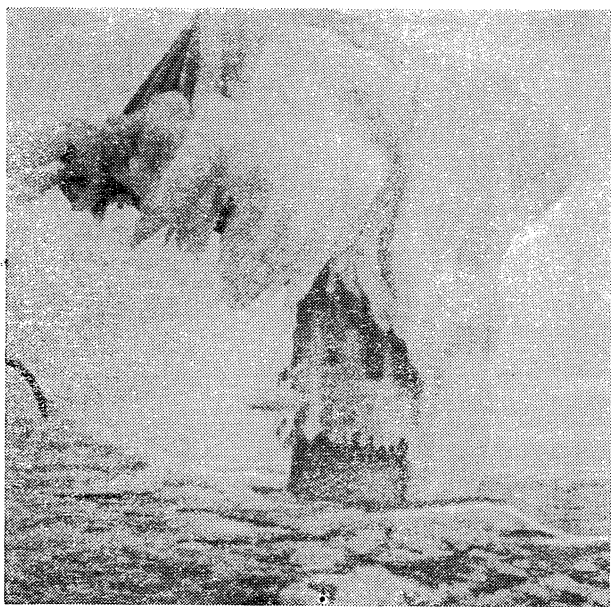
В жестокие морозы, закутавшись в меховую шубу, нес вахту полярный капитан В. И. Воронин, указывая путь кораблям флотилии.

побережье Африки, у Бразилии, но в настоящее время там их не бьют.

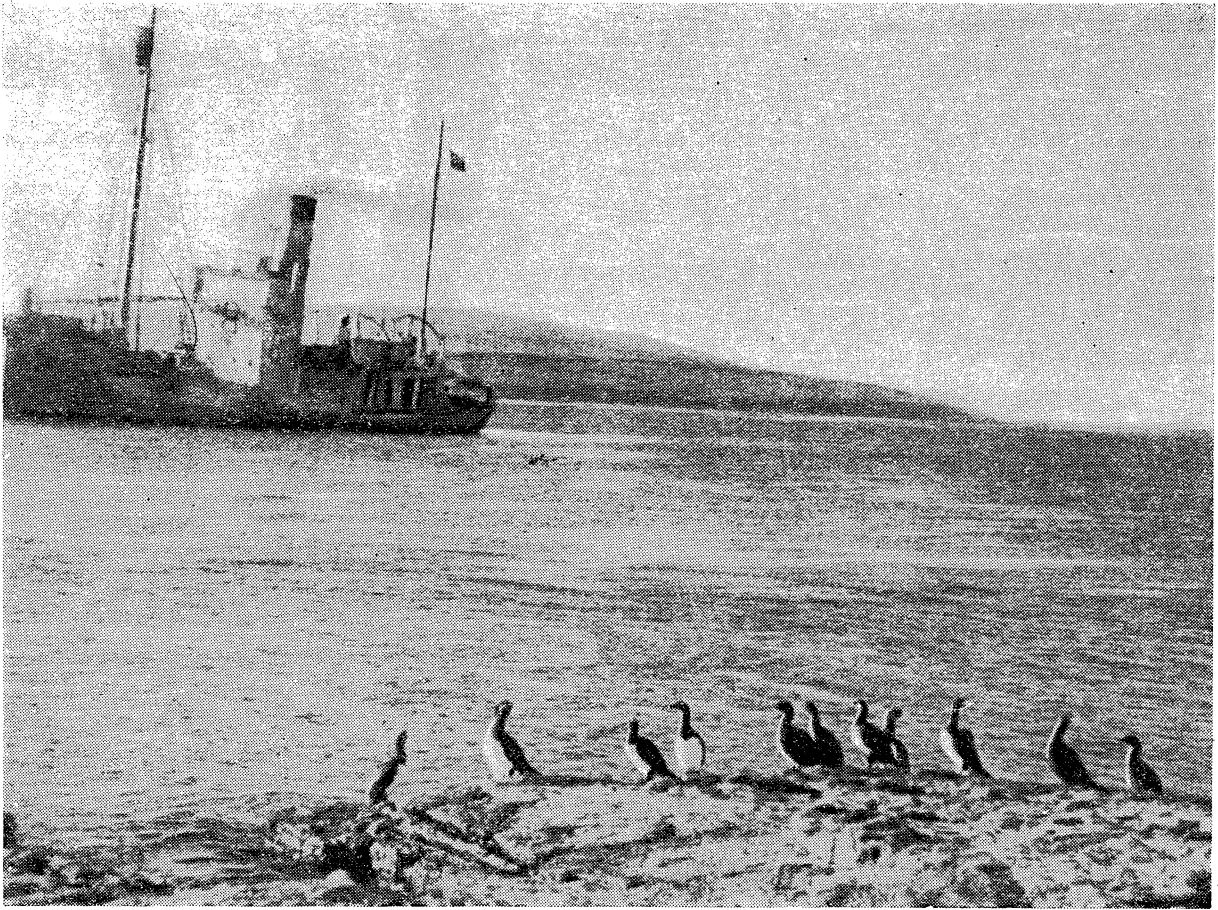
В Антарктике сейвалы встречаются у Южно-Шетландских островов, где их промыслиют в небольшом количестве, и у берегов Южной Георгии.

На юге Атлантического океана местами промысла сейвалов может служить побережье Патагонии и Фолклендские острова, куда и держит курс наша флотилия.

...Атлантический океан встречает нас неприветливо. Шторм силою 9 баллов. Ветер дует со скоростью 20 метров в секунду. Такого шторма у нас не было за все время рейса. Тяжелые волны заливают палубу базы, сметая все на своем пути.

Лед покрывал все надстройки китобойцев, образуя красивые причудливые формы.

Поклядая воды Антарктики, флотилия для встречи с танкером «Кремль» остановилась у Фолклендских островов. Китобоец «Слава-8» в заливе у острова Новый.

Мы идем проливом Дракона, между Огненной Землей и Южно-Шетландскими островами.

Шторм не утихает, а с наступлением темноты даже усиливается.

27 апреля

Тепло. Утром ярко светит солнце. Ветер — 6 баллов.

15.00. Эхолот показывает глубину 110 саженей. Открылся остров Эстадос, принадлежащий Аргентине. На 92-й день непрерывного нахождения в море экипаж флотилии увидел землю. Все на палубе с интересом рассматривают остров. В его районе много опасных мест. Здесь чрезвычайно сильны приливно-отливные течения. Мы идем на значительном расстоянии от острова. Многочисленные стаи самых разнообразных птиц сопровождают пароход.

От острова Эстадос мы взяли курс на острова Огненной Земли. Они были в 30 милях от нас.

28 апреля

В полдень по левому борту показались берега Огненной Земли — самого большого архипелага южной оконечности Южной Америки. Острова, так же как и остальные, встречавшиеся нам, очень гористы. Некоторые вершины достигают двух километров в высоту. Они покрыты снегом. Но часто встречаются здесь и зеленые долины — прекрасные пастбища для овец. На островах, обычно вдали от берегов, живут индейцы.

Весь экипаж, как зачарованный, любуется заходом солнца. Солнце прячется за облака и окрашивает их и небо во всевозможные цвета: багряный, оранжевый, золотой, лиловый. Когда солнце скрылось за гори-

зонтом, над ним встало желтое зарево. Казалось, где-то в горах разложен огромный костер.

29 апреля

21.00. Подходим к берегам Фолклендского архипелага. Бросаем якорь у острова, где будем производить приемку горючего с танкера «Кремль».

Фолклендских островов — около ста, общей площадью 4618 квадратных миль. Они впервые были замечены в 1592 году, но только в 1710 году на острова высадились французы и назвали всю группу Мальви-нас. Позже эти острова были захвачены Англией.

Кругом видны совершенно безжизненные кусочки земли, как будто выросшие из воды.

30 апреля

У борта базы собрались все китобойцы, чтобы вместе со всем экипажем флотилии отметить первомайский праздник.

С утра ярко светило солнце, но вдруг задул ветер, небо заволокло тучами, пошел снег. Позже сильный ветер прогнал тучи, и снова стало тихо и пасмурно.

В Москве уже праздничный вечер — концерты, спектакли, а у нас еще полдень. Подготовка к празднику в самом разгаре.

15.00. Из-за острова показался танкер «Кремль». Весь экипаж флотилии вышел на палубы, раздались приветственные гудки.

Вечером в празднично украшенной столовой состоялось торжественное собрание всего экипажа. Под бурные аплодисменты было принято приветствие товарищу Сталину.

После заседания все вышли на палубу. В воздух

взвилось множество разноцветных ракет. Зажглись огни у большого портрета товарища Сталина.

1 мая

Мы находимся на 51 градусе 42 минутах южной широты и 61 градусе 14 минутах западной долготы.

Впервые советские люди отмечают Первое мая в этих широтах. Погода явно не майская: идет дождь, который быстро сменяется снегом.

Танкер подошел к борту, и сразу же началась приемка горючего.

С наступлением темноты с богатой добычей вернулись на базу наши охотники, уехавшие утром на острова. Они убили свыше 70 штук различной дичи.

3 мая

С базы остров, который на карте называется Новым, кажется совершенно безжизненным. Но когда сойдешь на берег, он выглядит иначе. По одну сторону сопки — три небольших селения, по три-четыре дома в каждом. На островных просторах пасутся огромные отары овец, никем не охраняемые. Большое количество животных, повидимому, погибает, так как нередко встречаются их кости и скелеты.

На берегах острова находят себе убежище многочисленные стаи самых разнообразных птиц. У самой воды разгуливают дикие утки, кулики, а по зеленой траве важно ходят огромные гуси, напоминающие по окраске фазанов.

В низком кустарнике, похожем на наш северный, встречаются кролики. Вблизи берега очень много довольно больших нор. Один раз удалось увидеть животное вроде дикобраза, скрывшееся в такую нору.

С заходом солнца с океана начало слетаться множество птиц, поднявших нестерпимый крик. Затем большими группами начали подплывать пингвины. Они собирались по 150—200 штук на песчаном берегу и огромной колонной, растянувшейся от подножия почти до самой вершины, двигались на самую высокую сопку острова на ночлег. Пингвинов было свыше 2 тысяч. Впереди их важно выступал вожак и все время что-то выкрикивал, будто отдавал слова команды.

5 мая

Сегодня день большевистской печати. Наша флотилия отмечает юбилей своей газеты — первой русской печатной газеты в Антарктике. Эта газета невелика по своим размерам и еще очень молода: вышло всего 36 номеров. Газета пользуется любовью и уважением всего экипажа, играет большую роль в воспитании личного состава.

В газете, как и в каждом мероприятии командования, активное участие принимают коммунисты.

Партийная организация флотилии, деятельностью которой повседневно руководит помощник капитан-директора по политической части Б. Г. Куликов, во многом обеспечила выполнение ответственного задания. На все участки, где требовались напряжение и мобилизация сил, направлялись коммунисты. Когда отставала разделка китов, этот вопрос обсуждался на партийном собрании. Было принято решение о мобилизации на разделочные палубы всех свободных членов экипажа. Призыв организации на другой же день стал достоянием экипажа. На разделку вышло работать много людей, и это способствовало ускорению обработки китов. В последнее время по инициативе коммунистов развернулось соревнование за успешное выполнение плана ремонта механизмов. Коллектив завода обязался выполнить на 20 процентов работ больше, чем намечено.

Вдали от родины, выполняя ответственное правительственное задание, коммунисты флотилии являются руководящей и организующей силой всего экипажа.

6 мая

К вечеру танкер полностью разгрузился. Поднялся сильный ветер, и в 22.00 были отданы швартовы, после чего танкер отошел.

8 мая

Сегодня снялись с якоря и двинулись в дальнейший путь. Опять началась качка, от которой мы все уже немного отвыкли. Идем вдоль Фолклендских островов. Они очень гористы, берега недоступны, хотя и отлоги. Морские волны многие годы омыают каменные берега островов, образуя пещеры, различные причудливой формы заливы.

Нас сопровождают большие стаи птиц. Здесь гуси, утки. Огромные морские темнокоричневые орлы спокойно парят над волнами.

Сильный ветер не стихает до вечера и дует с большой силой всю ночь.

9 мая

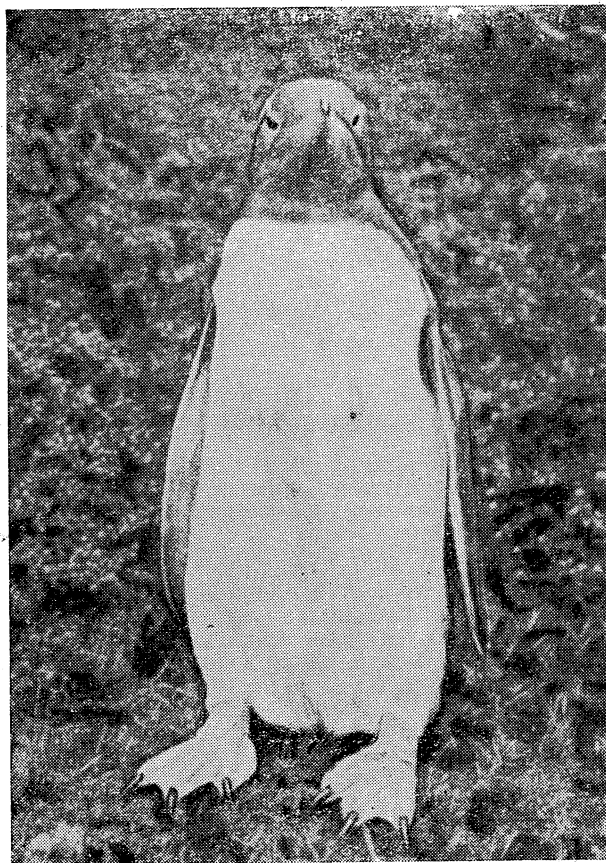
Наши координаты — 51 градус южной широты и 61 градус 35 минут западной долготы. Здесь, вдали от родины, мы отмечаем еще один знаменательный день — День Победы над фашистской Германией.

В полдень наша флотилия подошла к порту Стэнли, расположенному на Фолклендских островах. Здесь находится правительство этой английской колонии, которому подчинены, кроме Фолклендских, острова Южная Георгия, Южно-Оркнейские, Южно-Шетландские, Южные Сандвичевы и земля Грахам. Город раскинулся посреди высоких гор, окаймляющих остров. Вершины гор вечно закрыты густыми облаками.

10 мая

Сильная волна качает нашу базу, несмотря на то, что мы стоим под прикрытием. На небольшом катере, прибывшем из порта, отправляемся на берег.

Стэнли — городок, в котором проживает около 3 тысяч жителей. Однообразные небольшие дома, пустынные улицы. Отвратительный климат; резкие

Пингвин — один из пернатых обитателей Фолклендских островов.

смены погоды отражаются на городе, придавая ему непривлекательный вид. Типичный портовый городок, каких много разбросано во всех частях земного шара.

11 мая

6.00. Владимир Иванович дает команду сниматься с якоря и двигаться в дальнейший путь — на Одессу. Курс на норд-вест по восточному берегу Южной Америки.

13 мая

Идем вдоль берегов Аргентины. Аргентина была открыта в 1508 году и заселена испанцами в 1535 году. Сейчас мы продвигаемся вдоль одной из ее провинций — Патагонии. Это самая южная часть страны. Здесь очень суровый климат с частыми штормовыми ветрами. Зимой здесь холодно, ежедневные снегопады, сильные морозы, сковывающие почти все реки.

19 мая

К вечеру вышли на траверз границы Уругвая с Бразилией.

Ярко светит солнце, с каждым днем все больше и больше чувствуется близость тропиков.

20 мая

Сегодня — солнечное затмение. Лучше всего его будет видно у берегов Бразилии, там, где сейчас находится наша флотилия. По радио мы узнали, что для наблюдения солнечного затмения прибыла сюда на пароходе «Грибоедов» экспедиция советских астрономов.

С утра почти все члены экипажа начали коптить стекла. У некоторых запасливых товарищей находятся даже специальные очки.

Мы на 30-м градусе южной широты.

В 8 часов 35 минут началось затмение. Мы видели, как диск солнца постепенно закрывался тенью луны. Сразу задул сильный ветер, поднялись большие волны. Мы наблюдали за этим явлением около часа. Видимость была хорошей.

25 мая

В 11 часов 45 минут наша флотилия прошла тропик Козерога. Мы все еще идем вдоль берегов Бразилии. Проходим мимо красивых островков, сплошь покрытых густой растительностью. Ландшафт этих островков не имеет ничего общего с виденным нами в южных широтах. Там — голые, почти безжизненные, суровые берега, омываемые бурными водами Южного Ледовитого океана; здесь — тропическая растительность, огромные стаи разных птиц, стада дельфинов, а порой и огромных акул, сопровождающие нас в пути.

Подходим к заливу Ильна Гранде, расположенному между островов этого же названия и Бразилией. Здесь будем вести бункеровку китобойцев.

26 мая

Бункеровка идет полным ходом.

В бинокль можно разглядеть небольшие белые домики, разбросанные на берегах залива среди густой растительности. Ею покрыты почти до самой поверхности воды и крутые берега островов. Даже небольшие островки, всего в несколько десятков метров длиной, почти сплошь заросли кустарником. А на вершинах высоких гор растут огромные пальмы. Здесь их много.

Очень спокойно. Солнце стоит высоко и сильно греет. Ни малейшего ветерка. На рассвете вся флотилия снимется с якоря и двинется в дальнейший путь.

28 мая

Ночью мы стояли на траверзе столицы Бразилии — Рио-де-Жанейро. Здесь мы немного пополнили свои

продовольственные запасы. Один китобоец ушел в порт.

Рио-де-Жанейро — большой порт, построенный по европейскому образцу. В городе свыше 2 миллионов жителей. В центре красивые многоэтажные дома с красными кафельными крышами, а в пригородах в жалких лачугах ютятся местные индейцы и множество безработных. Порт этот посещают суда почти всех стран земного шара. За год в него заходит свыше 4 тысяч судов.

К вечеру китобоец вернулся из порта, и наша флотилия легла курсом к берегам Африки.

Спасаясь от духоты, большая часть экипажа перебирается на палубу. Теперь здесь получить место очень трудно.

5 июня

Все ближе и ближе экватор. Свыше четырех месяцев наша флотилия плавала в южных широтах. Теперь мы уже с каждым днем больше и больше приближаемся к родному порту.

6 июня

Раннее утро. Флотилия находится на 1 градусе 50 минутах южной широты и 26 градусах 18 минутах западной долготы. Последние десятки миль в южном полушарии. Ярко светит солнце, но к полдню густые облака заволакивают небо. Мы думали, что на экваторе температура будет самой высокой, но оказалось обратное. Флотилия проходит штилевую и дождевую полосу.

После обеда облака сгустились, горизонт закрылся завесой дождя. Сильный тропический дождь встретил нас на подходе к экватору.

16.30. Пять традиционных протяжных гудков известил экипаж о переходе экватора. Через две минуты подал сигналы китобоец «Слава-5», илущий у нас на буксире. Мощным прожектором показала база линию экватора. И все китобойные суда, пересекая это место, давали пять гудков.

Девятимильным ходом экипаж советской антарктической китобойной флотилии второй раз перешел экватор. Теперь мы продвигаемся в северном полушарии. Густые облака нависли над нами, но попрежнему жарко. В северном полушарии теперь лето, и теплая погода будет у нас до самого прихода в Одессу.

7 июня

Северное полушарие нас встретило не особенно приветливо. С утра воздух пропитан густым зноем, нечем дышать. К полудню все небо закрыла громадная иссиня-буряя, чешуйчато-слоистая туча. Потемнело. Пошел сильный дождь. Только к вечеру ветер снова разогнал тучи, над океаном поднялась луна. Вдали по корме мы еще отчетливо видели созвездие Южного Креста, которое в продолжение нескольких месяцев было почти в зените над нами. На северо-запад открылся северный небосклон. Мы наблюдали Большую Медведицу и яркую Полярную звезду, которых не видели очень долго. Они дали нам почувствовать приближение к берегам родной земли.

14 июня

Океан попрежнему мертв. Давно мы не встретили в пути ни одной птицы, ни одного живого существа.

Погода совсем не тропическая. Почти все небо заволокло тучами, сильными порывами дует ветер.

15 июня

С каждым днем вступает в строй все больше и больше отремонтированных механизмов и агрегатов. Особенно успешно идут работы на заводе. Здесь выполнено больше половины всех работ, намеченных на время перехода в советский порт.

Пока флотилия бункеровалась, члены экипажа сошли на остров, где их ожидала хорошая охота. С богатой добычей возвращались они на базу.

Уже полностью закончен ремонт двадцати агрегатов. Все они тщательно смазываются и ставятся на консервацию до следующего промысла.

18 июня

Мы опять подходим к местам, где уже проходили по пути в Антарктику. Как только забрезжил рассвет, по левому борту в дымке показались Канарские острова. Мы шли примерно на расстоянии 10 миль от них, и нам хорошо были видны в бинокль затерявшиеся в глубине среди пышной зелени небольшие постройкы.

19 июня

Многие часы и дни уходят у Владимира Ивановича на изучение итогов рейса. Он подолгу просиживает за картами, внимательно изучает течения в районах, где промыслила флотилия, восстанавливая и фиксируя путь нашего движения в Антарктику.

У Владимира Ивановича много разнообразных записей. Он ведет несколько журналов: в одном отмечает метеорологические данные, в другом — сведения о бое китов, в третьем — о работе завода. В этих журналах он делает отметки, вносит свои замечания и оценку работы флотилии за каждый день.

За иллюминаторами пронзительно дует ветер, который не успокаивается уже в продолжение нескольких дней. Сегодня он дует с силою до 7 баллов. Итти довольно трудно, ветер ударяет прямо в нос судна, замедляя движение.

21 июня

Утром мы близко проходим вдоль берегов Африки, изменяем курс на запад и входим в Гибралтарский пролив.

В тумане открывается вершина Гибралтара. Мы входим в порт в конце дня. Десятки парусных яхт, отвалив от берега, выходили в залив, а отсюда брали курс к берегам Испании. Совершенно не было ветра, и небольшие яхты мягко скользили по зеркальной поверхности залива.

22 июня

Стоять в порту нам придется еще два дня. Капитан базы разрешил радистам остановить гирокомпас впервые со дня выхода из Ливерпуля. Мотор этого прибо-

ра делает по 20 тысяч оборотов в минуту. Сколько же он сделал оборотов за семь месяцев нашего плавания? Цифра астрономическая!..

24 июня

В 22.00 раздается команда капитана:
— Вира якорь!

Флотилия покидает порт. Мы выходим из бухты, огибаем полуостров и входим в Средиземное море.

Скоро на горизонте скрываются огни испанского берега. Мы постепенно набираем ход.

4 июля

Рано утром вошли в Дарданеллы. Впереди идет база, за ней — китобойные суда.

Готовимся к возвращению в свой порт. Осталось около 500 миль. Это для нас очень мало, если принять во внимание, что позади десятки тысяч миль, несколько морей, Атлантика, Антарктика.

Настроение у всех приподнятое, бодрое. Через день мы будем снова ходить по родной земле!

5 июля

Наша флотилия приближается к родному порту. Идем полным ходом.

Утром пароход «Сталин» передал нам первую приветственную телеграмму: поздравление с возвращением на родину.

6 июля

Флотилия медленно приближается к Одессе. Мы проходим Тендеровскую косу. Вдали уже показались заводские трубы города, очертания порта, множество кораблей на рейде.

Мы входим в порт. У причала лозунг:

«Привет отважным морякам антарктической китобойной флотилии «Слава»!..»

И сразу, как по команде, все пароходы в порту протяжными гудками приветствуют суда нашей флотилии, наш экипаж. Несколько минут продолжается эта величественная и торжественная симфония гудков.

В порту состоялся большой митинг. Первый рейс советских моряков в Антарктику закончился успешно!

Конец

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Рис. П. Павлинова

Самолет прошел над лагуной, сиенной так, как будто не была она восемь месяцев в году забита льдом, моторы вдруг перестали шуметь, и самолет, сделав полукруг, как чайка, сел на воду. От берега отделился и пошел к самолету катер, и Кирдецов снова увидел знакомые фигуры зимовщиков, стоявших в катере и махавших поднятыми ружьями и шапками.

Неужели был и он тоже когда-то зимовщиком, делил здесь с другими суровый труд, полярную ночь и одиночество? Катер подошел ближе, самолет закачался, и Кирдецов спрыгнул с трапа, обнимая знакомых и незнакомых, сменивших год назад прежних зимовщиков. Потом катер пошел к берегу, оставляя на лагуне две округлые складки, которые не могли потревожить ее спокойствия. Гранитные скалы, поросшие лишайником, стали нарастать в тысячеголосом шуме птичьего базара.

Чайки, гагары и кайры, точно разбрызгиваемые, взлетали, ныряли в гнезда, падали на воду и плыли, как домашние утки, покачиваясь на плоской волне лагуны. Кирдецов смотрел на весь этот мир, который покинул он в самом начале войны, мир, волновавший когда-то, полный неожиданных радостей и открытий.

Но каким бездейственным казался ему теперь этот мир после четырех лет войны!.. Не преувеличил ли он, Кирдецов, свои силы, решившись снова стать полярником, променяв полную движения жизнь на эти скалы с птичьими базарами, на повседневный, незаметный труд, на редкие радости и воспоминания об оставленном?

Катер прошел совсем близко от гигантских ледниковых плит, на которых, казалось, застыли века, и земля зимовщиков встретила вновь его, бывшего лейтенанта артиллерии Кирдецова.

Час спустя он сидел в знакомом домике, как будто не уходил никогда отсюда; и исполнявший за время его отсутствия обязанности начальника Михаил Сергеев, или попросту Миша, сидел напротив него за столом и рассказывал полярные новости.

— Вот, — сказал Кирдецов, узнав все подробно о тех, кто убыл и кто прибыл сюда за годы войны, — вот снова я здесь, точно не было и войны, точно не входил я когда-то в Берлин, не поднимался по ступеням рейхстага... Куда только не заносит человека жизнь, Мишенька!

— Мы за вами следили, не думайте, — ответил Миша. — Все сводки Инфрмбюро заносили в дневник. У нас тоже свои салюты здесь бы-

ли! — улыбнулся он, и Кирдецов подумал: «Какая отдаленность, как непохоже все это на ту полную бушевания жизнь, к которой привык я за годы войны».

— Что же, — сказал он погодя, — придется заново привыкать к жизни полярника. Конечно, Мишенька, что тут говорить, вроде лагуны это для меня после моря. Вроде лагуны!

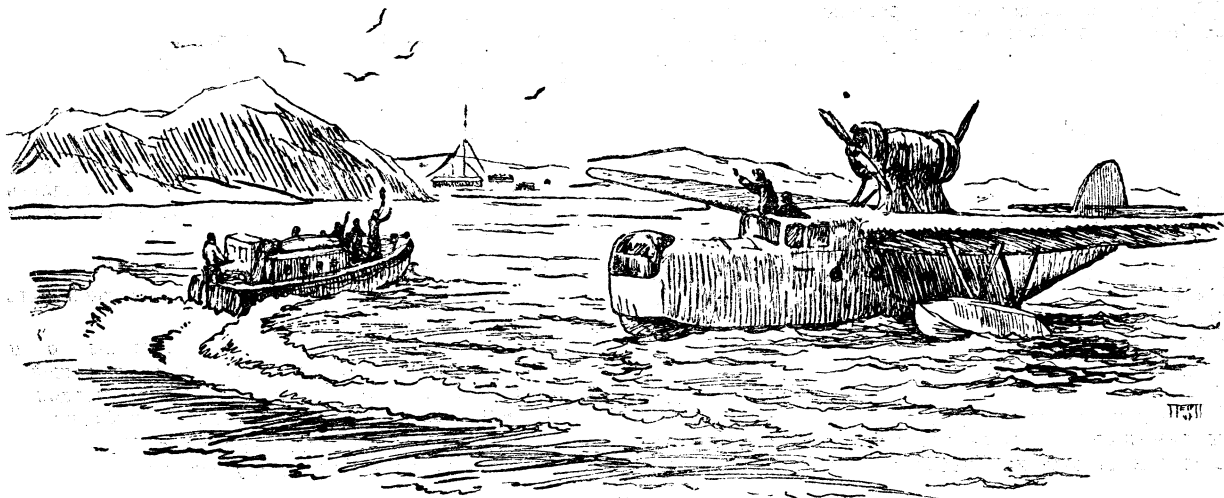
Миша Сергеев посмотрел на него и не сразу ответил. Его успевшее зареветь за короткое полярное лето лицо возмужало за эти годы; и казалось, нет уже в Мише прежней юношеской восторженности и влюбленности в Север.

— Ну, а ты как, Мишенька, не поостыл? — спросил Кирдецов испытующе. — Не поднадоело тебе одно и то же: те же скалы, те же птичьи базары, та же дикость вокруг?

Миша опять не сразу ответил и катал хлебный шарик по столу.

— Как же можно к этому остыть?.. Мы тут большую работу за это время затеяли, — сказал он. — Мы тоже фронту, всем вам помогали, как могли, конечно.

Кирдецов смотрел мимо него сквозь окно на синюю воду лагуны и не захотел его больше испытывать или даже разочаровывать. Что же, если думает тот, что можно было отсюда, за тридевять земель, чем

нибудь помогать той великой борьбе, участником которой был и он, Кирдецов, — пусть утешается этой иллюзией. Каким отдаленным казался теперь этот мир, к которому надо было так долго лететь, и Кирдецов слушал Мишу Сергеева снисходительно, как человек огромного опыта и превосходства в этом опыте.

Потом, когда основное было рассказано, Миша повел его по острову показывать хозяйство.

— Ты даже и не представляешь себе, что мы тут развели, — говорил он, оглядывая по-хозяйски неродящую землю, как если бы это была пахота, и показывая на скалы со вскипающими у их подножья белыми султанами прибой. — Ведь у нас здесь теперь вроде птицефермы. Мы заставили и кайр и гаг служить нам.

Они поднялись на мыс, откуда широко была видна вся лагуна, отвесные срывы скал, как бы дымящиеся от взлетающих птиц, и самолет на лагуне, похожий отсюда на смирную уточку или чистика.

— Ну, как же вы заставили служить гаг? — спросил Кирдецов, усмехнувшись.

— Послушай, Кирдецов, — сказал Миша, — я понимаю тебя. Тебе кажется после того большого, что пришлось пережить на войне, ты теперь закинут снова нивесть куда. Но, поверь мне, целый мир тут в твоих руках, и мир этот не в стороне от жизни. Помнишь, как в первую нашу зимовку мы питались здесь яйцами кайр? Когда началась война и ты уехал отсюда, мы стали думать: «Чем можем мы, заброшенные так далеко, помочь вам?» Мы начали собирать яйца кайр. Мы собрали их, наверно, не одну сотню тысяч, и многие госпитали на Севере всегда снабжались яйцами кайр. Перед кладкой яиц гага выщипывает из своей груди пух для подстилки. Мы забрали для опыта из некоторых гнезд пух и первую кладку яиц и убедились, что гага вторично выстилает гнездо и может вторично снести яйца. Пух, который мы собирали, шел на зимние костюмы летчиков и парашютистов, — нам писали об этом. Посмотри-ка сюда, — он указал рукой в сторону отвесных скал над водой, как на опытную и давно хозяйственно прибранную к рукам птичью ферму, — ведь это всё гнезда гаг. Мы попробовали увеличить это хозяйство и построили инкубаторы для гагачьих яиц. Почти из всех заложённых яиц вывелись птенцы гаги. Мы пересадили их в гнезда к диким птенцам, и гаги принялись их воспитывать. Тогда мы построили еще ряд инкубаторов, и теперь это большое хозяйство, целая полярная птицеферма.

Он стоял с непокрытой головой, все так же или даже еще больше влюбленный в Север. И Кирдецов почувствовал вдруг, что давнее, с чем впервые он прибыл на Север, вновь пробуждается в нем. Суще-

ствуют ли малые дела, когда все направлено к единой цели, и могли ли в великом устройстве страны затеряться хотя бы одно начинание, одно разумное действие? Как на войне, где во взаимной поруче и взаимодействии не было ничего второстепенного и все было главным, так не мо-

жет быть ничего второстепенного и в послевоенном устройстве жизни.

— Сознаюсь тебе, Миша, — сказал он, охваченный нежностью к этому восторженному Мише Сергееву, — когда я летел теперь сюда и все дальше и дальше оставалась Москва, я спрашивал сам себя: «Не променял ли я большие дела на малые: и даль такая и полярная ночь скоро». А ведь это большие дела вы здесь затеяли!

Они стояли плечо о плечо на высоком мысу, и лагуна лежала глубоко внизу, густосиняя, с плывущими в ней облаками.

— Мы помогаем и вылову рыбы, — сказал Миша Сергеев деловито. — Мы ведем наблюдение, где скапливаются чайки и поморники: это значит — появились косяки рыбы, — и даем знать промысловым судам.

Потом они пошли дальше, и Миша Сергеев показал построенные инкубаторы с заложёнными в них яйцами гаг и склад, где лежали тючки с приготовленным для отправки на самолете пухом.

— Нам еще надо поднять гагачье хозяйство, — говорил он между тем, словно занимаясь уже разведением гаг, как домашней птицы. — Мы уже ведем борьбу с главными хищниками — крупными чайками и поморниками, но дело это еще не поставлено как следует.

Они шли по острову, и огненно-красные цветы, которым дан короткий срок для цветения, бросали как бы отсвет зарева на все вокруг; и казалось, что это не далекий север, а дивные долины юга, и они остановились, чтобы еще раз взглянуть на лагуну. Солнце уже опускалось, и лагуна была теперь не синей, а перламутровой; потом голубые краски стали уступать розовым, и все внизу начало наливать-ся огнем, лагуна маслянисто запылала, похожая на горы, над которыми, как искры, взлетали перистые лучи заходящего солнца. В великолепии и широте лежал мир, и Кирдецов глядел на солнце, которое опускалось все ниже, и думал, что нет в великой его стране глухих, заброшенных мест, как не может в ней быть малых дел, а все приближено и все самое главное.

— Я вернулся в родной дом, Миша, — сказал он, глядя на выгорающие краски заката. — Если бы ты знал, какое счастье это почувствовать!

Лагуна бледнела, пожар на ней затухал; слитая на горизонте с небом, она казалась теперь уже не лагуной, а морем или даже океаном, и Кирдецов вновь чувствовал себя участником великих дел, для которых прошел долгий путь от Вольги до Берлина.

В голубых Саянах

Н. ФЛЕШЕК

Рис. Б. Езинева

САЯНЫ С ВОЗДУХА

Самолет, как муха в знойный день, почти неподвижно повис над громадами черных, словно из чугуна отлитых, гор и вдруг стремительно скользнул вниз. Сердце замерло...

Вглядываюсь вниз, напрягая зрение. Решительно некуда сесть. Под крылья самолету быстро несутся снизу вверх темные шершавые спины скалистых лысых гор, изрезанных глубокими тесными ущельями, на дне которых изредка поблескивают речки. Не видно ни одной площадки, годной для приземления.

А горы все ближе... Их острые ребра там и сям, словно солью, посыпаны белым снегом. Вот уже можно различить и отдельные вершины. Крутые склоны освещивают желтеющей листвой осенней тайги.

Самолет продолжает быстро снижаться. Пилот нацеливается как будто в ту узкую, глубоко врезающуюся в горы долину. Кажется, что в нее с трудом можно въехать даже на автомобиле. Но пилот, не смущаясь, устремляется в эту узкую щель, и долина по мере нашего снижения становится шире. Несколько секунд — и по обеим сторонам от нас мелькают покрытые лиственницей буро-зеленые склоны.

Подскакивая и переваливаясь с боку на бок, самолет недолго катится по зеленому кочковатому лугу к домику-коробочке, стоящему у самой реки.

Рядом с домиком возвышается мачта с полосатым черно-белым ветроуказателем, похожим на сачок для ловли бабочек. В стороне стоят два наших, ранее прибывших самолета. Их уже разгружают. Это Покровский аэродром.

Мы в сердце Восточных Саян, в удивительной стране Тофаларии — одном из самых необжитых уголков нашей обширной родины, расположенном на юге Иркутской области.

Сюда от Нижнеудинска, находящегося на трассе великой сибирской железной дороги, связывающей Москву с Владивостоком, мы лете-

ли всего сорок минут. Попробуйте пробиться сюда по суше, тайгой. Летом это отнимет у вас около месяца. Дорог нет. Не везде есть и охотничьи тропы. Тонкие болота, первозданная лесная глушь, бурные потоки, непроходимые лесные завалы. Но и здесь идет бурная стройка. Растет золотая промышленность, ведутся разведки полезных ископаемых, разрабатываются лесные массивы, широко развит промысел ценного пушного зверя.

Восточные Саяны...

По школьным представлениям — это ширская коричневая дуга гор на карте Союза, где-то юго-западнее Байкала, севернее Монголии.

ВОСТОЧНЫЕ САЯНЫ

Между тем Восточные Саяны — огромная горная область, во много превосходящая Швейцарию, с бесконечным разнообразием форм живописнейшего высокогорного рельефа. Отдельные вершины в Саянах превышают три тысячи метров. Снеговая линия там лежит по северным склонам на высоте около двух с половиной тысяч метров, на южных склонах — на высоте около трех тысяч метров. Выше двух тысяч метров леса уже кончаются. Они сменяются кустарниками, каменными и моховыми болотами, тундрами, альпийскими лугами и, наконец, безжизненными каменными россыпями. Кое-где группами и в одиночку у верхней границы леса растут корявые, искривленные кедры и лиственницы, иногда не более метра высотой. Ветви у таких деревьев сохраняются лишь с одной стороны, противоположной холодному дыханию горных вершин.

Глубокие, темные каньоны с беснующимися на дне порожистыми речками завалены гигантскими, поросшими мохом стволами умерших деревьев. Руслу горных потоков загромождены сажеными глыбами белого, как сахар, камня... Пестротканые альпийские луга освещены ослепительным горным солнцем... Среди камней суетятся снежно-белые

полярные куропатки. Непуганные, они близко подпускают охотника... Высоко в небе парят орлы... И всюду, куда не кинешь взгляд, — плавающие волны гор, уходящих в голубую даль и где-то на горизонте замыкающихся серебряным гребнем острых снежных вершин главного хребта — Тархок-Тайга.

Голубые Саяны...

Кто, хоть раз побывавший здесь, забудет неповторимую прелесть этих горных картин!.

Саяны, с их обилием минеральных источников, превосходными климатическими условиями — вся саянская горная страна — это подлинный природный музей для географа, геолога, зоолога и ботаника. Недаром здесь устроен один из крупнейших в СССР заповедников.

Но не только своими пейзажами славятся Саяны. В недрах их, как и во многих других краях нашей необъятной родины, заключены несметные, неслучайные богатства. Золото, медь, железо, уголь... Бирюсинские золотые прииски существуют свыше ста лет и уже дали стране десятки тысяч килограммов золота. Всему миру известно знаменитое Алиберовское графитное месторождение (на территории Бурят-Монгольской АССР), дающее один из самых высоких мировых сортов графита.

Здесь есть слюда, асбест, изумительные по красоте и прочности сорта строительного камня и, наконец, нефрит.

Нефрит — сказочный камень, «бумага вечности», как его называли китайцы. В Китае на нефрите искусные резчики записывали целые строфы стихотворений величайших поэтов, чтобы сохранить их для потомков.

В древнейшие времена этот драгоценный камень, имеющий свойства стали — ее вязкость и прочность, служил материалом для изготовления оружия и украшений. И сейчас высоко ценятся изящные статуэтки, кубки, кольца из зеленого или белого нефрита, чуть просвечивающие, желтые. Кроме Саян, месторожде-

ния нефрита известны только в немногих местах в мире.

За последние годы в Саянах побывало немало научных экспедиций: геологов, ботаников, гидрологов. Богатства Саян по-хозяйски изучаются и осваиваются. У Саян большое экономическое будущее.

Нашей небольшой группе предстояло впервые в истории климатологического изучения Саян проникнуть в их высокогорную зону и провести здесь большие научные исследования. В метеорологическом отношении Саяны до сих пор освещены очень мало.

Чтобы выполнить программу наблюдений, мы должны были провести около трех месяцев в необжитой тайге, в горах — в гольцах, выше пояса леса.

Снег здесь выпадает рано. Уже в конце августа нередко бушуют метели. Почти непрерывно дует резкий ветер. Летом часты грозы, ливни. Горы большую часть суток на этих высотах сплошь закрыты облаками. Холодно и неуютно. Всюду голый камень — громады камней — результат далеко зашедшего процесса разрушения горных пород внешними силами: морозом, ветром. Но едва ли не самое страшное на гольцах — отсутствие всякого леса. Ни послена дров! За дровами надо спускаться вниз, до границы леса, по торфянистым болотам, каменным осыпям, потом с вязанками валежника на плечах карабкаться вверх, на вершину гольца.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ САЯН

Геологи утверждают, что в истории и строении Саян еще много неясного. Но, пожалуй, для нас, климатологов, в Саянах не меньше зага-

док. Самый безобидный, почти угасший воздушный фронт — граница воздушных масс — при пересечении Саян оживает и «звереет» буквально на глазах. Он вдруг возмущается, грохочет грозами, шумит ливнями и создает такие условия погоды, при которых дежурный синоптик аэропорта в досаде ерошит волосы и скрепя сердце дает категорический запрет на вылет или посадку самолета. Между тем ценнейшие грузы ждут отправки. Рвутся к районам работ исследователи, геологи, инженеры. Помимо воздушных, других дорог в Саяны летом нет. Частые туманы, низкая облачность, грозы, а в холодном сезоне, с осени, метели, сплошной снегопад преграждают путь самолетам.

Нам нужно было разгадать причины появления и режим горных туманов и низкой облачности в Саянах, с тем чтобы дать рецепт для предсказания этих отрицательных для авиатранспорта условий погоды.

Были и другие интересные загадки, предложенные Саянами синоптикам и климатологам. Так, давно было замечено, что в ряде пунктов, расположенных километров на триста к северу от подножья Саян, зимой иногда отмечается (несоответственно с прочими местами Сибири) высокая температура. Словно теплая тень ложится к северу от Саянских гор. Это было непонятно. Причиной этого климатологического феномена является, по видимому, то обстоятельство, что воздух, переваливая через хребты Саян, по известным физическим законам, сначала остывает, поднимаясь по склонам, и отдает свою влагу горным вершинам. Затем, опускаясь с другой стороны гор, воздух по тому же закону, — «адиабатически», как говорят физики. — нагревается и несколько «оте-

пляет» пространства, лежащие за Саянами, к северу.

Нам нужно было выяснить механизм этого и многих других климатических процессов. Мы должны были осветить тайны образования погоды по всей воздушной трассе над Саянами, разгадать тактику и стратегию стихий, которые в подобных горных районах еще могут мешать человеку пересекать голубые просторы атмосферы. Нашему небольшому научному коллективу необходимо было самостоятельно и в короткий срок решить эту задачу.

Необходимо было тщательно подготовиться к поездке, продумать каждую мелочь. Эту подготовку мы начали за целый год. Была разработана, применительно к географическим особенностям района исследований, методика высокогорных метеорологических наблюдений. Впервые мы попытались приспособить самопишущие приборы, употребляемые в авиации, для непрерывной записи наблюдений над температурой, давлением и влажностью воздуха. Эти маленькие умные приборы не только сами наблюдают, но и ведут запись всех элементов погоды на особых лентах, которые могут быть потом легко расшифрованы метеорологами.

Мы подобрали также целый ассортимент других приборов и инструментов, среди которых одним из основных был так называемый психрометрический термометр Ассмана. Этот прибор настолько чувствителен, что реагирует даже на температуру тела наблюдателя, если он держит термометр в незначительном удалении от себя. Мы вооружились также приборами для измерения температуры почвы, скорости и направления ветра, определения высоты местности, компасами и т. п.

Существенно важной для нас бы-

Кое-где группами и в одиночку у верхней границы леса растут корявые, искривленные кедры и лиственницы.

Тонкие болота, первозданная лесная глушь, бурные потоки, непроходимые лесные завалы.

ла и проблема питания. Мы должны были жить в полном безлюдье. На случайные плоды охоты надеяться было трудно.

Эту задачу мы решили, составив наши будущие рационы главным образом из концентратов мяса, овощей, круп и жиров.

Двойные комплекты теплой одежды и обуви, вместе с железной печкой-лиллипутом, должны были надежно предохранять нас от альпийских морозов. Две большие палатки, набор медикаментов, посуды, легкие пятязарядные карабины и дробовые ружья дополнили наше снаряжение.

ВЫЕЗД В ТАЙГУ

Сделав посадку на Покровском аэродроме, мы уже к вечеру перевезли весь наш груз на прииск.

Дорога проходила сначала руслом отведенной в сторону реки Бирюсы: в поисках золота с рекой здесь делают, что хотят. Она, вероятно, и сама давно забыла, где ее настоящее русло. Валуны величиной с хо-

Куда ни помотришь, везде бесконечные застывшие пространства то одетых тайгой, то голых каменных гор.

роший астраханский арбуз, через которые переваливались колеса телег, были еще влажны. Каких-нибудь два дня назад там, где мы шагали, ревелись хариусы и форели.

Далее нам выпала переправа и через полноводную бешеную Бирюсу — довольно рискованная. Хрупкие и наиболее ценные приборы мы перенесли по легкому, дрожащему мостику, повисшему над потоком. Остальные грузы перевезли через реку вброд.

Поразила нас храбрость местных лошадей. Осторожно выбирая место для каждого шага, спотыкаясь и фыркая, лошади, по броху в воде, в пене и брызгах, перекачивали через поток тяжелые телеги.

Отдохнув дня два-три на прииске и совершив несколько тренировочных походов с инструментами в горы, мы, навьючив снаряжение и месячный запас продовольствия на лошадей, отправились из Покровского в тайгу. Мы решили подниматься в горы с лошадьми. Затем мы предполагали, отпустив лошадей и проводников, в несколько приемов перетащить наш груз на вершину намеченного для стационарных наблюдений гольца.

Ближайшим моим помощником был Вадим Трайнин. Собираясь в экспедицию и подыскивая синоптика, я без колебания выбрал Вадима: он прекрасно знал свою специальность. Были с нами и три девушки-комсомолки: Ната Колокольчикова, Ольга Бездорожная и Таня Воскресенская. Ната ведала нашими полевыми книжками, дневниками, картами, планшетами, помогала мне в методической и общей организационной работе. Ольга хранила приборы экспедиции, Таня с Вадимом вели хозяйство.

Мы вышли рано утром. Солнце только что поднималось. В лощинах и долинах медленно плыли густые облака тумана. Вершины далеких гор тонули в розовато-голубой дымке. Небо было ясным и густо-синим, каким оно бывает, кажется, только в горах, воздух — прохладным и заметно разреженным. Но дышалось легко.

Извилистыми тропами мы поднимались все выше, углубляясь в тайгу. К полудню мы достигли плоского травянистого уступа на склоне одной из ближайших к прииску гор — безыменной, как и многие горы в этом редко населенном краю. Здесь мы сделали наш первый привал. Я подошел к обрыву и окинул взглядом далекую перспективу гор, спускающихся к Бирюсинской котловине.

В густой зелени кедровника голубела извилистая полоса Бирюсы. Отсюда хорошо был виден прииск.

Кучка домиков, словно высыпанных из мешка, громоздилась на склоне горы. В бинокль можно было разглядеть черные шпили радиантенны.

Прииск Покровский — центр старейшего Бирюсинско-Саянского приискового района. Здесь всего около двухсот жителей. По преимуществу — это рабочие приисков и старатели. Местную интеллигенцию составляют

ляжнееры, врач, фармацевт, учительница, работники радиостанции и приискового управления. В поселке есть клуб с кинопередвижкой и роялем, есть школа и даже своя радиостудия.

Позавтракав, мы снова двинулись вверх по каменистой, местами совсем исчезающей тропе. Тяжелые рюкзаки изрядно оттягивали плечи. Солнце палило все жарче. Казалось, оно было ближе к нам здесь, в горах. Из-за каждого поворота тропы перед нами открывались все новые и новые чудесные горные пейзажи. Мы шли то по краю головокружительного обрыва, то по плоским перевалам и лугам. Куда ни помотришь, везде бесконечные застывшие пространства то одетых тайгой, то голых каменных гор.

ЖИЗНЬ В ОБЛАКАХ

После длительного и трудного путешествия на лошадях по торфянистым плоским и заболоченным склонам, которые сменялись крутыми уступами и каменистыми осыпями тонкого плитняка, мы, наконец, достигли вершины гольца. Поднимался буря. Колочий снег бил в лицо, мешая открыть глаза. Вершина оказалась покрытой каменными плитами, которые навели нас на мысль устроить из них бруствер — защитную стену подковообразной формы, прикрытую от ветра, за которым можно было установить палатку.

Мы скоро привыкли к нашей жизни в облаках. Ясные дни здесь выдавались редко. Почти все время нам приходилось жить в сплошном молочном-белом тумане. Дыхание затруднялось, и мы быстро уставали.

Скучать нам было некогда. Ежечасные наблюдения над всеми элементами погоды, инструментальные и визуальные (то есть бесприборные) ежедневные переходы по маршруту с микроклиматологическими съемками и различного рода хозяйственные работы занимали все наше время. Чувствовали мы все себя превосходно. Никто ни разу не заболел.

Иногда мы наблюдали близкое прохождение грозовых облаков, редких в это время года. Однажды нам случилось видеть, как похожее на дреднот грозовое облако, остановившееся недалеко от нас, неожиданно заблестало молниями. В то же мгновение грохот, похожий на пушечный, разорвал воздух. Молнии били в камень, спекая его. Потом облако снялось с «якоря» и, не торопясь, двинулось в нашу сторону. Стало жутковато. Однако облако изменило направление и медленно и величаво проплыло в стороне от нашего лагеря.

Через несколько дней мы уже порядком изучили привычки и обычаи наших соседей: облаков и туманов. Оказалось, что места образования так называемых «стратусов» — облаков нижнего яруса и туманов, остаются довольно постоянными, так же как и пути их скитаний в горах. Мы зараннее могли сказать, сообразуясь с на-

правлением и скоростью ветра, куда поползут облака в тот или другой час суток, как долго будет держаться туман в той или иной долине. Возвращаясь на вершину гольца с грузом дров за спиной, мы выбрали путь, как по улицам знакомого города; среди лежавших неподвижно на склонах гор облаков и клубов тумана.

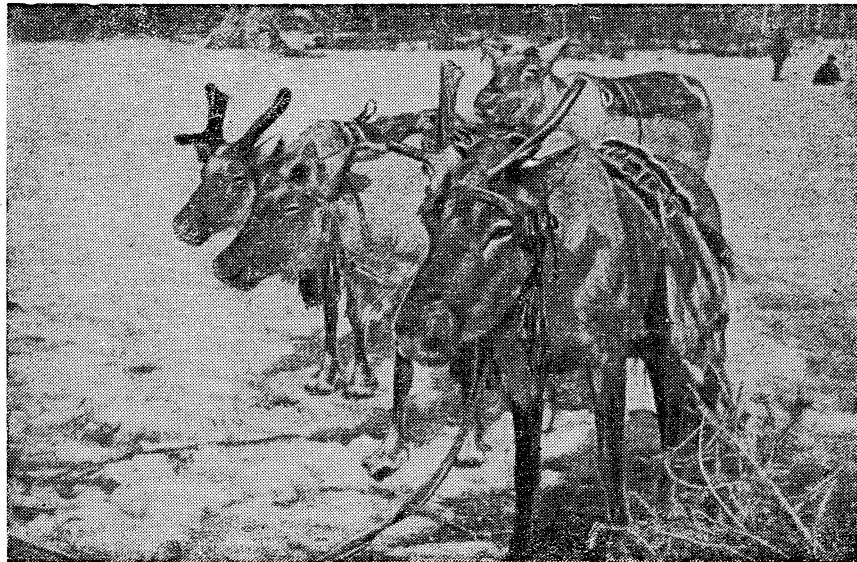
В ясные ночи необычен был вид неба над горными вершинами. Небо казалось необыкновенно темным, почти черным. Звезды были непомерно большие и лучистые, близкие. Казалось, до них можно было дотянуться длинным шестом. В темноте, подобно огромным допотопным зверям, проплывали мимо нас, иногда не надолго заглядывая нашу палатку, густые серые облака.

Мы совершили много походов по всем склонам от вершины до низа нашего гольца и дали названия многим соседним гольцам. Тут были: к северу от нас — гонец «Таборный» (у подножия его находился наш нижний лагерь-табор), гонец, поднимавшийся рядом с нашим, — «Лысый брат». К западу от нас возвышался гонец, названный нами «Обкусанным» за его изрезанные, словно обглоданные склоны. В один из наших походов мы забрели в настоящую «Долину чудес». Это название мы так и закрепили за нею. Это была долина реки Мокрый Мирючун.

В «ДОЛИНЕ ЧУДЕС»

Свершено особенный мир нашли мы в долине Мокрого Мирючуна. По сравнению с гольцовой зоной растительность была здесь гораздо богаче. Тайга забиралась под защиту склонов долины высоко в царство пустынных гольцов. Особенно пышно развития достигали травянистые растения. Гигантские зонтичные поднимались вокруг, закрывая нас с головой. Бодак, похожий на банан, высокие, как деревья, дудники, увенчанные снежно-белыми кронами цветов, поражали своими размерами. Здесь, в этом хорошо защищенном от холодных ветров уголке, был, несомненно, свой собственный климат: более теплый, но не менее влажный. Объяснялся он довольно значительной высотой долины над уровнем моря и почти постоянным присутствием облаков. Удивительно, до какой степени в ландшафте высокогорья сказывалась защищенность того или иного микрорайона от холодного, стекающего с вершин выжуженного воздуха. Долина Мирючуна была лучшим подтверждением этой замеченной нами климатической особенности Саян.

В пышных зарослях кустарников и гигантских трав мы казались себе гулливерами, попавшими в страну великанов. Несомненно, богатству этой своеобразной растительности способствовало, помимо особых климатических условий, также и интенсивное накопление так называемого делювия.

Транспортные олени.

то есть размельченных продуктов разрушения горных пород. Делювий медленно сползал по склонам долины и отлагался на ее дне. Накопление делювия благоприятствовало развитию растительного покрова, образованию мощных и плодородных почв.

Мы медленно пробирались по темному лесу, перебираясь через стволы упавших деревьев. Иногда с помощью топора одолевали сплошные заросли кустарников. Деревья здесь были огромные. Они возвышались вокруг нас, как колонны, прямые и ровные. Сучья и ветви начинались с высоты около десяти метров. Это был превосходный «корабельный», прямоствольный лес, дающий высококачественную строевую и поделочную древесину.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОКРОВСКОЕ. В ГОСТЯХ У ТОФАЛАРОВ

В Покровском, куда благополучно вернулась наша экспедиция, мы провели несколько дней: отдохали, ремонтировали приборы и снаряжение. Теперь нам предстояло маршрутное пересечение Саян по направлению воздушной трассы — от прискового района до железнодорожной магистральной. Для этого необходимо было раздобыть лошадей или оленей, так как трехсоткилометровый путь через тайгу требовал перевозки значительного количества продовольствия и почти всего нашего снаряжения, включая палатки. Мы решили часть нашего груза отправить на самолетах, оставив при себе лишь необходимый запас продуктов, снаряжения, оружия и инструментов. За оленями нужно было поехать в глубь Саян, в национальный тофаларский колхоз «Кызыл-Тофа», в Гутарской долине.

В колхоз мы отправились с Вали-

мом. Путь туда проходил сначала по долине Бирюсы, пересекая речку в нескольких местах. Затем мы поднялись на высокий хребтовый водораздел Бирюсы и Гутары и снова спустились вниз по лесистому склону. Мы проезжали мимо двух горных озер, окруженных близкими и крутыми горами. Над зеркальной поверх-

Олень — друг тофалара. На нем охотники едут в тайгу на охоту, в гости друг к другу. Дети с раннего возраста приучаются сидеть верхом на олене. Хорошо быть вместе со своим другом-оленьем, который безустали может бежать десятки километров, не боясь ни лесных загалов, ни тяжелых трупоб, ни каменных россыпей.

Легче жилище тофалара — дубяной чум. Варка чая для охотников.

В КОЛХОЗЕ «КЫЗЫЛ-ТОФА»

Национальный колхоз «Кызыл-Тофа», к которому мы сейчас подъезжали, был организован в 1930 году. За это время члены его, бывшие бедняки и середняки — охотники, прошли огромный и славный путь.

От родовой общины, шаманства и векового кочевья к оседлой культурной жизни современного колхоза, к дипломированным участникам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, от первобытного пастбищного оленеводства, от случайного сбора дикорастущих ягод, орехов и черемши к хорошо организованному молочно-товарному оленеводству и огородничеству — таков путь, пройденный этим маленьким самобытным народом за годы советской власти.

Свой годовой план по добыче пушнины (главный предмет охоты — соболь) колхоз «Кызыл-Тофа» из года в год выполняет теперь за восемь-девять месяцев и уже имеет несколько почетных грамот. В колхозе до 160 человек, живущих в 20 домах. Молочно-товарная ферма колхоза вырабатывает оленье масло и творог. Оленье стадо в колхозе составляет около 700 голов. Кроме оленей, у колхоза есть 39 коров. Колхоз рассчитывает в короткий срок снабдить всех членов артели коровами.

Пшеницы, ржи здесь не сеют. Пока даже овес и ячмень удаются еще не важно. Но опыты упорно продолжают. Зато огороды колхоза дают неплохие урожаи картофеля, капусты, турнепса (его очень любят местные жители), моркови, брюквы. Помимо охоты, оленеводства и огородничества, колхозники занимаются рыбной ловлей и сбором кедрового ореха.

В колхозе есть больница, ясли, детский сад, школа-четырёхлетка, изба-читальня, баня. В поселке имеется своя рация, связывающая его со всей страной.

От центра Тофаларии — Алягдже-ра — колхоз «Кызыл-Тофа» отстоит в шестнадцать километров. Туда ведет охотничья тропа, иногда теряющаяся в болотах и тайге.

Черемша — дикий лук, вернее чеснок.

ностью озер тучами носились утки. Но охотиться было некогда. Вскоре мы были в поселке Верхняя Гутара, находившемся на самом берегу быстрой и порожистой речки. Еще издали мы заметили странное смещение хорошо построенных из нового леса домов с многочисленными островерхими юртами, покрытыми звериными шкурами, похожими на вигвамы индейцев. Не только в период вынужденного пребывания в тайге в сезон охоты, но и в родном поселке многие тофалары не могут обойтись без «дачи» — юрты, еще недавно бывшей для них единственным жильем. Эти юрты у них тут же, во дворах новых, хороших домов. «В избе хорошо, — говорят тофалары, — тепло, но в юрте дышать свободнее. Ребятишки лучше крепнут на воздухе, в юрте». В домах поселка не редкость балалайки, гитары, патефоны. Многие из тофаларов — прекрасные охотники. Они хорошо одеты и обуты.

Нешадно эксплуатируемое в годы царизма, совершенно бесправное маленькое племя, заброшенное в глубину почти необитаемых Саянских гор, тофалары только с установлением советской власти вышли на путь самостоятельного национального, культурного и экономического развития.

В прошлом тофалары были типичным кочевым народом.

Извечные охотники, они зимою кочевали вместе с семьями по тайге, промысля зверя и перевоза с собой почти весь свой домашний скarb на оленях. На лето тофалары угоняли оленей высоко в гольцовую зону, где они паслись на сытых ягельниках. В августе, с началом нового сезона охоты, тофалары возвращались в зону тайги.

Интересно, что все хозяйственные работы при этом лежали на обязан-

ности женщин. Они должны были вычить и развьючить оленей, ставить и убирать юрту, готовить пищу. Мужчины только охотились.

Советской властью был навсегда отменен непосильный и унижительный налог — «ясак». Когда темные и забитые в прошлом люди впервые узнали об отмене ясака, они сначала не могли этому поверить. Старики посоветовали все же отправить 120 белок уполномоченному уездного исполкома. Уполномоченный наотрез отказался от подарка. Тогда тофалары послали белок в дар прямо в уездный исполнительный комитет. И, только получив беличьи шкурки обратно, с предложением продать их и деньги употребить на общественные нужды, тофалары с удовлетворением заявили, что «новая власть — хорошая власть...» В настоящее время среди тофаларов почти нет неграмотных. Многие тофалары — участники Отечественной войны, отмеченные правительственными наградами. Среди коренного местного населения есть люди с высшим образованием, занимающие ответственные посты.

Пышные заросли кустарников и гигантских трав.

Юрты тофаларов тут же, во дворах новых, хороших домов.

Почта, газеты и журналы доставляются на Покровский прииск самолетами вместе с луком, мукой и медикаментами и развозятся потом на оленях и лошадях — вьюком. Мука забрасывается главным образом зимой на лошадях, обозами, когда замерзают таежные непокорные реки, когда по главной водной артерии Уде (приток Ангары) прокладывается санный путь до районного центра — Алигджера.

Во главе колхоза стоит уже много лет Василий Ильич Пустохин, степенный, вдумчивый человек лет сорока с небольшим. Он пользуется исключительным уважением и авторитетом в крае.

Под его руководством колхоз преуспевает. Это Василию Ильичу принадлежит идея ввести в обиход запряжку оленей в легкие санки — нарты, что заметно улучшило условия оленьего транспорта. До той поры олень ходил только под вьюком. Никаких саней тофалары не знали и не применяли. Между тем грузоподъемность вьючного оленя очень невелика: всего 30—35 килограммов.

За время нашего пребывания в колхозе, где мы были приняты с чисто таежным радушием, нам удалось довольно хорошо познакомиться с его людьми и хозяйством и узнать немало интересного. Национальные пляски и песни тофаларов разнообразны и самобытны. Незадолго до нашего приезда в колхозе происходил смотр художественной самодеятельности. В колхозе мы отведали

оленьего молока и масла. Молоко оленей отличается завидной жирностью и похоже на сливки. Масло очень вкусное, слегка оливкового цвета и с запахом кофе.

НАЗАД, В НИЖНЕУДИНСК. ПРОЩАНИЕ С САЯНАМИ

Нам без всяких затруднений удалось нанять в колхозе девять оленей. Найти проводника оказалось гораздо труднее: сезон охоты был в разгаре. Наконец с помощью председателя колхоза мы получили согласие одного пожилого, но еще крепкого охотника — Саганова Василия Иннокентьевича, ранее уже бывавшего в проводниках в нескольких экспедициях геологов и дорожников.

Наше обратное путешествие через тайгу на оленях к трассе железной дороги продолжалось более двух недель. Пересекая вслед за неутомимым «Кентьичем» топи и болота, перебираясь вброд через порожистые ручьи и реки, поднимаясь на каменные спины гольцов или спускаясь в густо заросшие лесом долины и распадки, мы прошли девственной тайгой около трехсот километров, ночуя у костра и непрерывно ведя маршрутные наблюдения.

На пятнадцатый день мы уже подходили с нашим караваном вьючных оленей к Нижнеудинску. До города оставалось не больше тридцати километров, но быстро наступающий ве-

чер заставил нас остановиться на ночлег в тайге.

Это была последняя ночь в Саянах. Она запомнилась мне надолго.

Как всегда, мы выбрали место для лагеря у ручья. Прежде всего развьючили оленей. Все было привычно рассчитано: в первую очередь были сняты палатки и печка, потом ящики с инструментами и мешки с продовольствием. Пока остальные развьючивали оленей, мы с Натой приступили к установке палатки. Кентьич отправился в тайгу, свалить «смольевую лесину» для ночного костра. Дежурившая в этот последний вечер Оля готовила ужин.

Каждый для начала получил по миске мясной похлебки. Утомившись за день, все энергично и в молчании работали ложками. После ужина засиделись у костра. Кентьич, попыхивая трубкой, рассказывал нам о проказах медведей, об уме которых здесь ходит много всяких историй: то медведь мох собирает и сушит для берлоги, то ягоды заготавливает, то в охотников лесины швыряет. Я немного отошел в сторону от костра и оглянулся.

Метущееся пламя костра ярко озаряло фигуры и лица людей, выхватывая из кромешной тьмы то стволы ближайших деревьев, то бок или безучастную морду олега, медленно жующего жвачку, то полотно палатки.

Это был наш последний вечер в Саянах...

С. ВЛАДИМИРОВ, В. ЕЛАГИН

Рис. Л. Таранова

«В целях отвоения от дикой природы новых и новых полезных растений надо принимать все меры к неутомимым поискам растений для культуры, стараясь использовать накопленный опыт исследователей, с одной стороны, и всемерно увеличивать этот опыт путем научных исследований гор, лесов, степей и болот наших необозримых окраин и в особенности горного Кавказа и дальневосточных районов страны, тающих в своих недрах великое множество неиспользованных ценных видов растений».

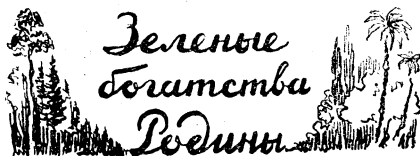
И. В. Мичурин

Обычно под зелеными богатствами страны мы подразумеваем посевы злаков, технических культур, овощей, посадки садов и виноградников, то есть культурные растения. За годы советской власти была проделана огромная работа по приумножению этих богатств.

Советские селекционеры дали стране десятки новых высокопродуктивных сортов злаков, овощей, технических культур. Всему миру известны работы крупнейших советских ученых Мичурина и Лысенко, чьи методы переделки природы растений обеспечили возможность продвижения на север южных культур, увеличение урожайности, борьбы с вырождением картофеля на юге и т. д.

Об этих достижениях можно было бы написать много увлекательных страниц.

Но сейчас мы хотим остановиться на изучении и освоении дикой флоры СССР.

Необычайно разнообразна растительность нашей страны. У нас есть

Окончание. См. «Вокруг света» №№ 10 и 11.

Г. Д. Лысенко, академик, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

и карликовые деревья тундр и стройные субтропические эвкалипты, достигающие 150 метров высоты; растения высокогорных альпийских лугов и экзотические лотосы на территории Астраханского заповедника и в Уссурийском крае. Всего ученые насчитывают у нас около 2 тысяч видов растений. Многие из них были описаны только в годы советской власти. О ценности многих диких растений мы также узнали совсем недавно. Только теперь мы научились широко использовать наши леса, заросли кустарников и диких трав,

До 1931 года никто у нас не знал о существовании замечательного каучуконосного растения — кок-сагыза. Оно было найдено советскими учеными в предгорьях Тянь-Шаня. В корнях кок-сагыза оказалось до 25 процентов каучука. В настоящее время кок-сагыз занял тысячи гектаров на колхозных полях Украины, Белоруссии, а также Ивановской и других областей Центральной России. Советские ученые, изучив горную местность, где был обнаружен кок-сагыз, установили, что климат, почва и другие условия тяньшанских высокогорных долин мало чем отличаются от условий средней полосы СССР.

И действительно, высокогорный кок-сагыз быстро прижился на среднерусских равнинах. Создана невиданная в мире агротехника кок-сагыза. Его урожай сейчас достигают 35 центнеров корней с гектара. Вес корни усилиями советских селекционеров и колхозников увеличили в несколько раз. Таким образом, этот недавний дикарь стал основным источником натурального каучука в СССР.

Во время гражданской войны в 1918—1921 годах прекратился ввоз к нам из Канады желтокорня — растения, из которого готовят кровеостанавливающие лекарства. Тогда врачи стали изучать литературу о народных медицинских средствах и нашли, что канадское растение с успехом заменялось народными лекарями вытяжкой (экстрактом) из растущего у нас водяного перца. А теперь установлено, что сорное растение «пастушья сумка» также является прекрасным кровеостанавливающим средством. Среди дикой флоры ботаниками и врачами за годы советской власти обнаружены десятки отличных лекарственных растений, которые теперь заготавливаются тысячами тонн ежегодно и являются основным сырьем при изготовлении многих лекарств.

Есть на наших полях зловонный сорняк — пырей.

По латыни его называют «агропирум», что значит огонь полей. Этот многолетний сорняк замечателен своей выносливостью и плодовитостью. Пырей не боится морозов, не подвергается почти никаким болезням; растет он по всей стране, легко мирясь как с засухой, так и с излишней влажностью. Даже на солончаках он умудряется приносить семена.

Все эти качества пырея и натолкнули академика Н. В. Цицина на мысль скрестить его с пшеницей, чтобы пырей передал пшенице свои полезные качества. После долгих трудов Н. В. Цицину удалось получить от скрещивания пшеницы с пыреем целый ряд новых сортов пшеницы, и в том числе многолетнюю пшеницу. Внедрение в практику сельского хозяйства этого замеча-

тельного растения сулит блестящие перспективы: раз обработанное поле, раз зазеленевшая пашня будет приносить урожай несколько лет подряд. Так зловонный сорняк послужил материалом для работы советского ученого-селекционера.

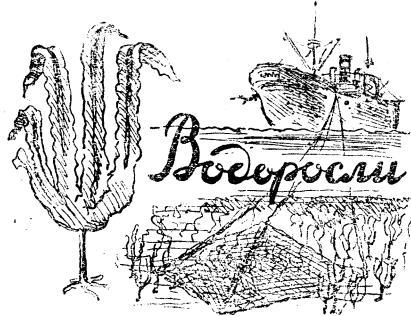

По всему СССР на различные ловушки для рыбы, на корзины для сбора грибов, ягод, овощей, фруктов, разных технических и лекарственных растений, а также для изготовления плетеной тары для стекольной, фарфоро-фаянсовой, спичечной промышленности, для плетеной мебели и ряда других производств расходуется огромное количество прутьев ивы и других растений.

Только ленинградский Госрыбтрест в 1933 году потребовал свыше 365 тысяч штук плетеных корзин.

Установлено, что один гектар естественных ивняков дает 2—3 тонны прута. В 1934 году у нас эксплуатировалось 15—20 тысяч гектаров ивняков. Всего же площадь ивняков у нас равняется двум с половиной миллионам гектаров. Постепенно налаживается и их освоение.

Но уже сейчас бурно растущая промышленность не удовлетворяется дикорастущими ивняками. Поэтому советский ученый академик В. Н. Сукачев вывел целый ряд новых культурных сортов ивы, разводимых на специальных плантациях. Такие плантации уже существуют в БССР и в других областях нашей страны.

В дни блокады в Ленинград удалось завезти несколько вагонов водоросли — «морской капусты», которая спасла жизнь многим тысячам его защитников. Из этой водоросли

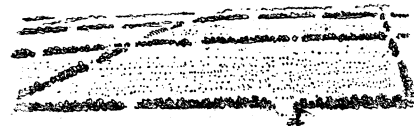
готовились запеканки, соусы, желе, супы.

Водоросли являются богатейшим источником витаминов. Из них добывают йод, альгинсую кислоту (из которой получают прекрасный шелк). Водоросли служат источником углевода агар-агара, очень полезного в кондитерском производстве и в бактериологических лабораториях.

В СССР создана крупная промышленность по переработке морских водорослей и трав.

Растительные богатства наших морей очень велики. Только пять видов водорослей Белого моря ежегодно могут давать нашей промышленности около 1,5 миллиона тонн ценного сырья.

Защита урожая

В 1696 году в урочище Большая Черепаха, возле города Таганрога, Петр Первый произвел посев жолудей. Так возникла в открытой и безлесной степи дубовая роща.

За два с лишним века — до 1917 года — в степных районах России было создано всего около 10 тысяч гектаров лесных полос.

Огромные облесительные работы проводятся теперь в СССР. С 1931 по 1946 год — только за пятнадцать лет — в нашей стране было засажено лесом более 600 тысяч гектаров.

Установлено, что полезные лесные полосы повышают на одну треть урожай огородных и бахчевых растений и в два-три раза повышают урожай кормовых трав.

Еще резче сказывается положительное влияние лесозащитных полос на урожай в засушливые годы. Под влиянием лесных полос снижается скорость ветра, а это обстоятельство имеет решающее значение в борьбе с суховеями, метелями и пылевыми бурями. Там, где ветры слабее, растения испаряют меньше влаги. Наблюдения советских ученых обнаружили, что в зоне лесозащитных лесных полос уменьшается испарение влаги также и почвой. Лесные полосы задерживают снег на полях, и водный режим растений резко улучшается под воздействием лесонасаждений.

Вот почему в Законе о новом пятилетнем плане записано:

«Восстановить в колхозах и совхозах степных и лесостепных районов лесозащитные лесонасаждения и

обеспечить увеличение закладки защитных лесных полос из быстрорастущих древесных и плодовых пород, кустарниковых и ягодных насаждений, а также посадку лесных и плодовых приовражных насаждений».

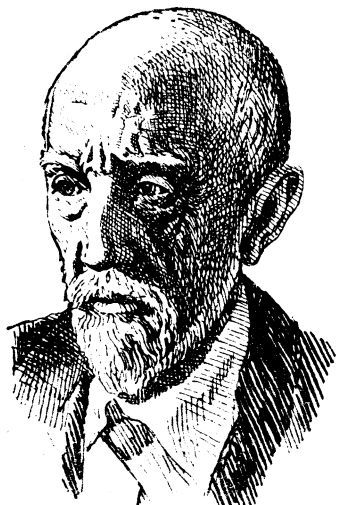

Однажды в лабораторию высокогорной станции на Памире принесли первые образцы выращенных здесь советскими агрономами культурных растений. Химический анализ обнаружил, что клевер, выросший на Памире, столь же богат сахаром, как и лучшие сорта сахарной свеклы. Еще больше сахара было обнаружено во ржи и пшенице. Оказалось, что в тканях всех высокогорных растений содержится много сахара, предохраняющего их от замерзания. Так была решена загадка необычайной питательности трав альпийских лугов. Выяснилось, что и качества высокогорного сена определяются большим содержанием в нем сахаристых веществ. Уже сейчас на Памире начинают сеять травы, чтобы тысячи тонн лучшего в мире сена собирать для колхозных и совхозных скотоводческих ферм.

В делях Уссурийской тайги растет мало приметное дерево — дикая уссурийская груша. Плоды она приносит мелкие и безвкусные. Но эта-то груша и послужила знаменитому селекционеру И. В. Мичурину исходным материалом при выведении новых, замечательных сортов груш. Скрещивая уссурийскую грушу с культурными южными сортами, Иван Владимирович получил несколько отличных сортов груш для средней полосы. Уссурийская груша передала новым сортам свою неприхотливость, устойчивость против морозов и болезней.

Особенно удачным получился сорт — потомок уссурийской груши — «бере-зимняя» Мичурина. Деревья этого сорта дают огромные урожаи крупных вкусных плодов. Плоды

И. В. Мичурин.

крепко держатся на ветках и не опадают до самой уборки урожая: они хорошо переносят лежку и не портятся при перевозках. Таких сортов груш до Мичурина не знали наши сады. Сам Иван Владимирович признал этот сорт перворазрядным.

В своих работах И. В. Мичурин использовал и других «дикарей» для выведения новых сортов фруктовых деревьев и ягодных кустарников. Он же ввел в культуру актинидию — дикую ягоду дальневосточных лесов. Новые мичуринские сорта актинидий обладают отличными вкусовыми качествами, и не зря актинидию называют теперь конкурентом винограда.

Наша страна — самая богатая по запасам диких пушных зверей, птиц и рыб. Дикая фауна СССР неизмеримо разнообразна. В наших лесах, степях и горах насчитывается свыше 100 видов пушных промысловых зве-

рей, на нашей территории обитает свыше 120 видов охотничьих птиц. Ценнейшие виды рыб населяют наши моря, озера и реки.

Истари славятся по всему миру русские меха и пушнина. Но до самой Великой Октябрьской социалистической революции самые ценные дикие звери так хищнически преследовались и истреблялись, что начали быстро исчезать.

Так, почти начисто были истреблены лоси, речные бобры, морские бобры, соболь, норка, выдра, выхухоль и др.

Советская власть положила конец хищническому разорению и истреблению ценной дикой фауны. Были введены охотничьи законы с точным определением сроков охоты на каждого зверя, на каждую птицу. А на таких зверей, как лоси, бобры, каланы, соболи и ряд других, массовая промысловая охота вообще была запрещена.

Для охоты на этих зверей требуются специальные лицензии.

В специально созданных заповедниках зоологи не только размножают ценных диких зверей, но и терпеливо изучают их, проводят огромную работу по одомашниванию диких зверей. И теперь уже сотни колхозов наряду с животноводческими фермами имеют у себя фермы серебристых лисиц.

В нашей стране водится очень ценный пушной зверь — енотовидная собака, или так называемый уссурийский енот. Шкурки енотов ценятся очень высоко и заготавливать их нужно как можно больше. Но енотовидная собака обитала лишь в одном уголке нашей страны — на Дальнем Востоке.

Решено было вмешаться и в жизнь енотов. Почему бы им не обитать в огромных лесах Европейской части нашей страны, — здесь они могут жить ничуть не хуже, чем в Дальневосточном районе.

И вот партии живых енотов, отловленных в Уссурийской тайге, прибыли на самолетах в Калинин, Ленинград, Мурманск, Ярославль, Горький, Смоленск. За четырнадцать последних лет было выпущено свыше 3 тысяч енотов. Как и предполагали ученые и специалисты, енот быстро освоился и прижился на многих новых местах. Уже сей-

Час енотовидная собака стала обычным охотничьим зверем в лесах Калининской, Ярославской и других областей, хотя до сих пор в этих местах никогда енот не водился. Заготовка шкурок енота идет теперь не только на Дальнем Востоке, но и во многих других местах СССР.

Обитатель болот

Ондатра — житель болот. Этот ценный пушной зверек питается почти исключительно болотными растениями. В СССР его раньше никогда не было, хотя подходящих мест для его обитания у нас миллионы гектаров.

Советские ученые, в частности профессор Б. М. Житков, доказали, что ондатра может буквально озолотить наши болота. По их предложению несколько сот экземпляров ондатры было выпущено в различ-

ных местах нашей страны. Ондатра быстро прижилась у нас и стала размножаться. В местах первоначальных выпусков ее стали отлавливать и расселять по всей стране. С 1928 по 1944 год расселено по различным областям, краям и республикам Союза свыше 40 тысяч этих зверьков. В некоторых областях ондатра уже вышла на первое место в пушных заготовках. В целом по стране ондатра в пушных заготовках занимает четвертое место после белки, лисы и горностая.

В СССР организованы десятки ондатровых промхозов. Специалисты утверждают, что скоро мы будем получать десятки миллионов ценнейших шкурок ондатры.

Ондатра.

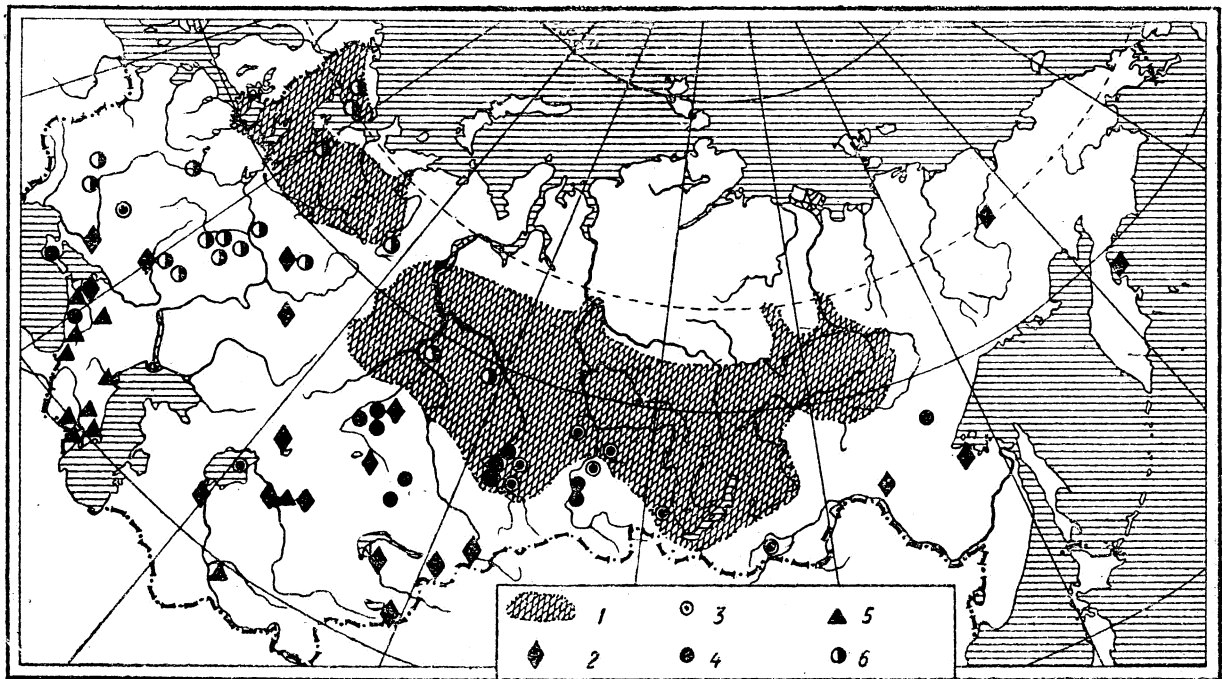

Путешествие русака

Еще совсем недавно заяц-русак обитал главным образом в центральных и южных районах Европейской части России. Совершенно не было русаков на огромных просторах Сибири, хотя условия для его жизни там совершенно такие же, как и в Европейской части страны.

Советские ученые решили заселить русаком Сибирь, так как сам он пробраться туда не мог, — слишком много преград на пути: Уральский хребет, степи, леса, реки.

Русаков отлавливали живьем в центральных областях Союза и на поездах, а то и на самолетах перевозили в Новосибирск, Красноярск, Читу. Всего было переселено более 1 300 русаков. Зайцы быстро прижились на новых местах. Так, в Алтайском крае было выпущено 165 штук, а уже через два года охотники добыли здесь больше 600 шкурок русака; в Красноярском крае было вы-

1. Область современного обитания ондатры. 2. Места выпуска ондатры вне этой области. 3. Места выпуска русака. 4. Места выпуска белки. 5. Места выпуска нутрии. 6. Места выпуска бобра.

пушено 312 русаков, а спустя три года добыто 1500 шкурок.

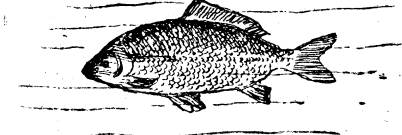
Русак прочно заселил Сибирь, и уже сейчас добыча шкурок и мяса этого зайца растёт из года в год.

Мы рассказали о переселении только трех ценных зверьков. Зоологи Советской страны уже несколько лет ведут огромную, невиданную в мире работу по обогащению нашей полезной дикой фауны. Кроме зайца, ондатры и енота, расселяются по новым местам кроты, выхухоль, лисицы, песцы, соболи, куницы, белки, бобры, колонки, каланы и десятки других ценнейших пушных зверей. Достаточно взглянуть на карту этих переселений, чтобы понять все величие этой работы.

А ведь это только начало. Работы по переселению и размножению ценных диких зверьков будут разрастаться с каждым годом.

Фермы на прудах

В нашей стране ведутся огромные работы по одомашниванию ценных диких животных. Уже почти домашними животными стали черно-серебристая лиса, енот и др. Многие колхозы строят у себя зверофермы и выращивают ценных зверей в неволе. Почти так же используются и водоемы. За годы советской власти освоено или создано трудом людей несколько тысяч прудов для искусственного разведения рыбы. Эти пруды-фермы занимают площадь в 77 тысяч гектаров. В них разводят главным образом быстрорастущих рыб, чаще всего зеркальных карпов.

В 1939 году колхоз «Отрада» Куйбышевской области создал у себя пруд, и колхозники выпустили в него 40 тысяч мальков зеркального карпа. Осенью 1940 года в пруду было выловлено 140 центнеров рыбы.

Замечательная, вкусная рыба кефаль водилась лишь в Черном море. В Каспии кефали никогда не было. Как известно, сообщения между этими морями нет, и кефаль не могла сама перебраться в Каспий. Советские ученые-ихтиологи подробно исследовали оба моря и решили, что кефаль отлично может жить и в Каспии: вода такая же, корма имеются одинаковые и в Черном и в Каспийском морях. За четыре года, с 1930 по 1934 год, в Каспийское море было выпущено около 3 миллионов молодых кефалей. Рыба быстро прижилась на новом месте. Уже в 1937 году в Каспии был разрешен лов кефали. Сейчас в Каспийском море ежегодно вылавливается по нескольку тысяч центнеров этой ценной рыбы.

Советские ихтиологи ведут удачные опыты по переселению и других рыб. Так, например, в Северную Двину и в Белое море выпущена амурская кета. В свою очередь, в Амур вот уже несколько лет подряд выпускаются мальки многих камчатских лососевых рыб.

Часто из водоема в водоем переселяют не только рыб, но и мелких животных, которыми переселенные рыбы питаются. Так, в 1938—1939 годах из Азовского моря были переселены в Каспийское некоторые черви и моллюски. Сейчас они прижились в Каспии и служат кормом для многих рыб.

Переселение рыб, как и зверей, ведет не только к обогащению водоемов и угодий разными породами, но и повышает общую продуктивность угодий.

Там, где может прожить миллион рыб одной породы или тысяча зверей одной породы, могли бы в то же время прокормиться и несколько миллионов рыб или несколько тысяч зверей разных пород, питающихся разными кормами.

Например, среди сельдей существует сельдь-пузанок, питающаяся исключительно микроскопическими животными. Но известны и другие сельди, питающиеся мелкой рыбой. Ясно, что в одном и том же бассейне легче уживутся миллион пузанков и миллион крупных сельдей, чем два миллиона крупных сельдей.

Советские ихтиологи стремятся к тому, чтобы каждый водоем давал как можно больше рыбы, как можно полнее использовался для нужд народного хозяйства.

Природные богатства нашей родины изучаются систематически и планомерно. Ежегодно десятки экспедиций тщательно обследуют и изучают леса, поля, дуга, озера, болота, пустыни. Тщательному анализу и исследованию подвергается каждое растение с целью его использования для нужд народа. С таким же вниманием изучается и фауна СССР.

В 1946 году состоялась сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик.

Участники заседания заслушали и обсудили отчеты академий наук о научной деятельности за 1946 год. Вот некоторые итоги работы ученых только по исследованию флоры и фауны.

Составлены карты распространения промысловых видов зверей и птиц Азербайджанской ССР. Выяснен видовой состав основных вредителей субтропических культур.

В БССР составлен проект изготовления препарата корня белладонны из отечественного сырья.

Проведена большая работа по изучению флоры Грузии, по размножению различных пород растений, завезенных из других стран.

В Латвийской ССР продолжалось изучение болот и обрабатывался материал обследования 10 тысяч гектаров болотной площади.

Закончена большая работа по инвентаризации птиц Литовской ССР.

Подготовлен к печати очередной том большого труда — «Флора Украины». Установлена закономерность расширения дубовых лесов на территории УССР. Разработан эффективный метод посадки леса.

Успешно изучались полезные растения Узбекистана: тау-сагыз, медоносы и др. Большая экспедиция по изучению территории Кызыл-Кумов установила возможность широко использовать пастбища южных Кызыл-Кумов, что позволит значительно увеличить поголовье каракулевых овец.

Не менее значительные работы были проведены и в других республиках. Особенно интересны результаты комплексной экспедиции Академии наук СССР, обследовавшей уникальные ореховые леса Южной Киргизии.

На этом мы заканчиваем наш далеко не полный рассказ о том, как за тридцать лет советской власти

коревным образом улучшилось изучение и использование естественных богатств нашей страны.

Замечательные успехи, достигнутые в освоении новых земель, в разведке недр, в строительстве новых заводов, перерабатывающих железную руду и нефть, каменный уголь и древесину, фрукты и рыбу, в переселении животных и использовании диких растений, — все это не случайные, не единичные успехи. Все это — результат планового, социалистического развития народного хозяйства.

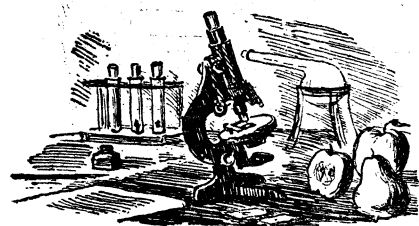
Социалистическое плановое хозяйство основано на научных методах, предполагает широкое использование всех научных достижений и огромный размах исследовательских работ. Поэтому рост культуры, рост научных учреждений и научных кадров Советской страны происходит так же стремительно, как и рост промышленного производства и сельского хозяйства, как рост всего народного хозяйства.

В то время как в США 90 процентов всех затрат на научные исследования было в 1946 году израсходовано на военные цели, в то время как вся буржуазная наука переживает тяжелейший кризис и научно-технический прогресс приобретает уродливый, противоречивый и противонародный характер, в СССР мы видим бурный расцвет социалистической культуры и науки в интересах народа.

За годы советской власти были созданы академии наук в Украинской, Белорусской, Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Узбекской и Казахской союзных республиках. Ныне также воссоздана Литовская Академия наук и организованы академии наук в Латвийской и Эстонской ССР.

Во много раз выросло число научных сотрудников в передовом штате советской науки — в Академии наук СССР.

Окруженные сталинской заботой, передовые советские ученые смело идут по пути новаторства, успешно разрешая труднейшие задачи, поставленные перед наукой пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства СССР.

В „прекраснейшем“ штате

Прогрессивный американский писатель Эрскин Колдуэлл в очерке, посвященном одному из 48 североамериканских соединенных штатов — штату Джоргия — рассказывает:

«Свое первое впечатление о «великом значении» штата Джоргия я получил, когда зашел в один из многочисленных кинотеатров в Атланте, где меня приветствовала следующая надпись на экране:

«Помните, что мы живем в городе Атланта, в штате Джоргия, — прекраснейшем городе прекраснейшего штата в мире».

Местная пресса также постоянно вбивает всем в голову, что Джоргия — штат, текущий молоком и медом, а его население — сливки земли. Я приведу выдержку из передовицы, напечатанной в «Сайнс Монитор», журнале, который издается в Атланте.

«Ни один штат не дал Америке такого множества выдающихся мужчин и женщин, как штат Джоргия: величайшие государственные деятели, писатели, музыканты и дельцы крупного масштаба родились и выросли в этом славном штате.

Ни в одном штате Америки в жилах его населения не течет столь чистая и благородная англо-саксонская кровь».

Таким высокомерным взглядом заражены многие и многие в штате Джоргия. Во всех уголках штата, на всех перекрестках дорог всегда можно встретить «дельцов крупного масштаба», которые высоко держат знамя подобного хвастовства и пустозовства.

Но я посетил Георгию в качестве журналиста и потому, что бы ни думали граждане этого штата, как бы они ни старались повлиять на людей со стороны, я увидел истинное положение вещей.

Образованию и просвещению в штате Джоргия придается мало значения. Здесь не думают о затрате средств на высшие школы и университеты, — деньги ведь, знаете, нужны для рекламирования этого штата. К лицам, стремящимся получить среднее образование, в городах с большим населением относятся терпимо, но на тех, кто пытается проникнуть в колледж или университет, смотрят с подозрением.

Религия занимает первое место в умах и сердцах «истинных сыновей и дочерей» штата Джоргия. Особенно много здесь всяческих сект — баптисты, методисты, пресвитерианцы. Среди сектантов немало отъявленных мошенников и проходимцев. Если не считать штатов Алабама и Миссисипи, Джоргия кормит больше «священных прыгунов», «укротителей змей» и тому подобных шарлатанов, чем всякий другой штат в Америке.

Многочисленные факты бесчеловечного обращения с заключенными в тюрьмах штата неоднократно вызывали возмущение в печати, и законодательные органы вынуждены были назначить

специальную комиссию для расследования этих фактов.

Начальник одной из тюрем, Р. Х. Робертс, показал членам комиссии в своем лагере приспособление, установленное, как заявил он, согласно указаниям властей. Заключенных в наказание за любую провинность подвешивают здесь руками, скованными наручниками, к металлической балке, причем ноги жертвы едва касаются земли.

Этот факт был приведен в докладе комиссии, обследовавшей тюрьмы, и тем не менее ничего не было сделано для того, чтобы облегчить участь заключенных.

Яркой иллюстрацией ко всему, что сказано выше писателем о правах штата Джоргия, может послужить следующий пример, подтвержденный официальными документами.

Не так давно произошел один из наиболее возмутительных случаев суда Линча над неграми, широко практикуемого в штате Джоргия, как, впрочем, и во многих других штатах. Когда негритянка Мэри Турнер была линчевана в штате Джоргия, она была на восьмом месяце беременности. Легко можно себе представить состояние ее здоровья всего за месяц или меньше до родов, но этот факт никак не повлиял на дикую толпу. Ноги Мэри крепко скрутили веревкой, женщину привязали к дереву головой вниз. Затем ее облили бензином и маслом, принесенным из автомобиля, и пока она корчилась в агонии, а толпа редела в диком восторге, кто-то поднес свичку к ее платью. Когда она представляла собой пылающий факел, но еще не лишилась сознания, пожом, которым режут свиней, ей расправили живот и ударом каблука разложили голову ее ребенка. Вслед за тем сотни пуль прозили тело уже мертвой женщины, и суд Линча был свершен.

«Преступление» Мэри Турнер заключалось в том, что она посмела сказать, что если бы она знала имена тех, кто за неделю до этого линчевал ее мужа, то она возбудила бы против них судебное дело. В этом только и состояло ее «преступление», за которое она понесла такую страшную кару.

Свой очерк, полный справедливого негодования по адресу лицемеров, восхваляющих «прелести» американской жизни, в особенности в штате Джоргия, Эрскин Колдуэлл заканчивает следующими словами:

«...Вот вам штат Джоргия, где господствует варварство в просвещении, в религии, в правосудии, где известный класс населения совершает жестокие, недостойные цивилизованных людей дела; штат, которым заправляют сепаратские шарлатаны, обманщики и демогаги; руководство политикой которого находится в руках напитанных идеями ку-клукс-клана баптистов; и самый большой город которого возвещает о себе, что он является «прекраснейшим городом прекраснейшего штата в мире».

ЯН ДРДА

Рис. В. Ванидина

Неуклюжая фигура в плохо выглаженном костюме провинциального покроя, лицо в глубоких рябинах, неизменный портфель, туго набитый произведениями классиков, откуда он цитировал длинные периоды, упиваясь красотами текста и забывая о своем скрипучем голосе, — все это давало семиклассникам обильную пищу для насмешек. Наружность учителя хотя и напрашивалась на множество хлестких прозвищ, но он и

в этой школе носил ту же кличку, что и во всех других, где преподавал в течение двадцати лет.

«Высший принцип» называли его ученики уже на третий день, выслушав несколько раз подряд восторженные комментарии учителя на уроках латинского и греческого языков. И это прозвище вскоре ссверщено заменило его настоящее имя.

— Высший принцип.. гм... нравственности, который

В полуоткрытую дверь они увидели, что у большого светлого окна коридора стоят три человека...

вам всем необходимо усвоить, просто не допустит такого смешного и подлого поступка, как списывание у соседа, — говорил он в этот день, склоняясь над синевато-лиловыми тетрадами латинских сочинений.

Он так сосредоточенно продумывал в последние дни отдельные фразы перевода, которым намеревался закончить годовые занятия седьмого класса, что весь мир, полный страшных событий, проходил мимо его сознания. Как раз в ту минуту, когда он поднял костлявый, всегда измазанный чернилами указательный палец, возвещая со старомодной торжественностью, что начинает диктовать первую фразу: «Eripei ostionem ripiam...», раздался нервный стук в дверь. Дверь приотворилась и быстро захлопнулась снова, пропустив директора школы. Превозмогая припадок удущья от страшного прилива крови, как перед апоплексическим ударом, он прислонился спиной к двери и слабым движением руки разрешил ученикам не вставать.

— Спартанцы, я спешу из Фермопил! — прошептал семиклассник Рышанек своему соседу Моучке, стараясь шуткой заглушить охватившую его в эту минуту внутреннюю тревогу. Но Моучка, бледный, испуганный внезапным предчувствием, оставил без всякого внимания шутку товарища.

Он бесцельно обмакнул перо в чернильницу и так же бессмысленно положил его на верхний край тетради. Ручка покатила по чистой странице, оставляя за собой мокрый, черный след.

— Гавелка... Моучка... Рышанек... идите за мной, — прозвучал ослабевший от волнения голос директора.

Учитель «Высший принцип», собравшийся начать диктант и застывший на месте в нелепой позе с поднятым пальцем, теперь энергично запротестовал:

— Господин директор, мы как раз приступаем к латинскому переводу, а посему, согласно высшему принципу, отсутствие именно этих учеников...

Трое семиклассников в растерянности поднялись, шурша листами тетрадей, оглянулись на товарищей, словно пытаясь увидеть знамение своей будущей судьбы, и у всех трех одновременно в памяти встали вчерашние безрассудные споры на речном пляже.

Рышанек, неутомимейший болтун в классе, бросил тихо:

— Так, значит какая-то новая каверза!

Директору стало невыносимо дальнейшее пребывание в классе. Он быстро вышел в коридор. Но «Высший принцип» не мог стерпеть, что именно эти три лучших ученика, чьи латинские работы он ждал с каким-то детским, нетерпеливым любопытством, не будут присутствовать на уроке, и он побежал за директором, взволнованно жестикулируя.

В эту минуту семиклассники Гавелка, Моучка и Рышанек поняли свою судьбу. В полуоткрытую дверь они увидели, что у большого светлого окна коридора стоят три человека в кожаных серо-зеленых куртках. Моучка оглянулся на класс, пылливо окинул его глазами, словно не выучил урока и теперь просил товарищей подсказать ему ответ на страшный вопрос. На его лбу выступили капельки пота. Френтишек Гавелка, сидевший на первой скамейке, еще раз подбежал к своему месту, испуганно, почти машинально захлопнул крышку чернильницы и снова возвратился к Рышанеку, который выходил из класса, не оглядываясь, не простоясь.

Когда двери за ними захлопнулись, все оставшиеся семиклассники содрогнулись от ужаса, ибо это был июнь 1942 года.

«Высший принцип» вернулся в класс через пять минут. Ноги у него подкашивались, он едва дошел до кафедры, опустился на стул, сжал свой огромный выпуклый лоб костлявыми пальцами и совершенно незнакомым семиклассникам, по-детски жалобным голосом тихо простонал:

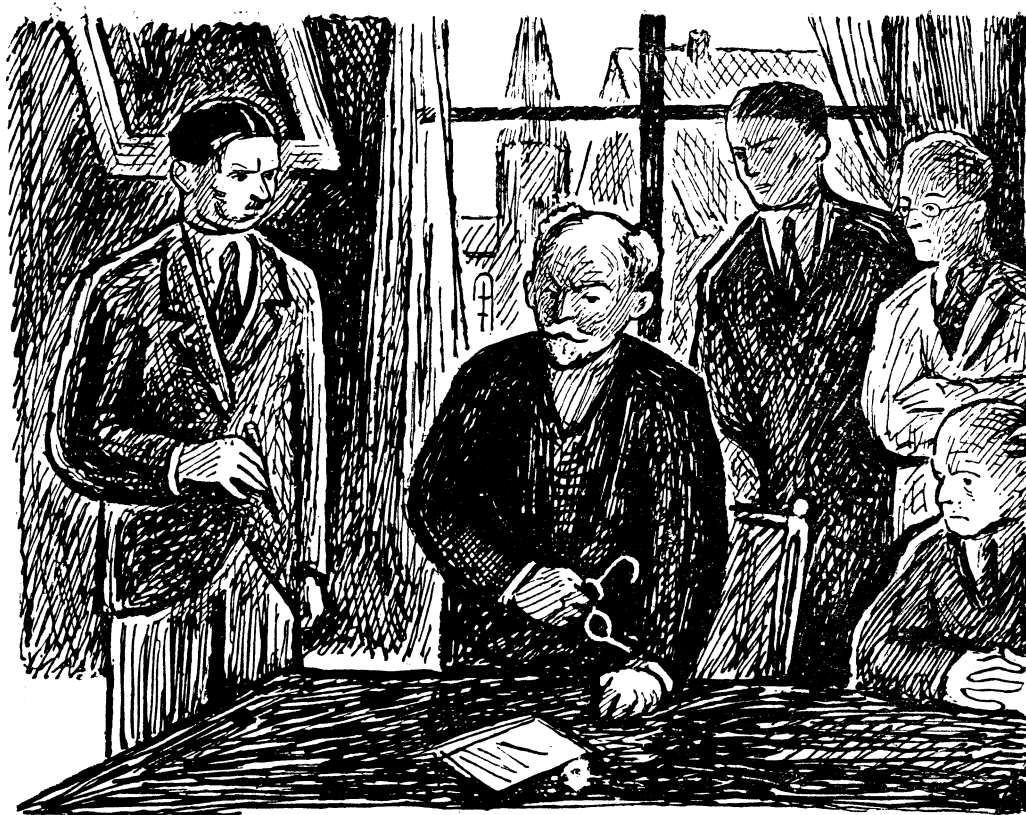
— Неслыханно!. Неслыханно!..

Потом собрался с силами, поднял глаза на свой класс и, леденея от страшного предчувствия, заикаясь, хрипло выговаривал:

— Ваши... ваши соученики арестованы. Какая нелепость... Какое дикое недоразумение!.. Ученики мои...

...В семь часов вечера уличный громкоговоритель сообщил имена тех, кто в этот день был расстрелян за то, что одобрил покушение на Гейдриха: Френтишек Гавелка, Карел Моучка, Властимил Рышанек.

— Я — старый человек. На склоне лет мне не пристало лгать...

Молча, не в состоянии выговорить слова, собрались преподаватели с семи часов утра в учительской. Лучи июньского солнца падали на стол, рассеянные пылинки золотились в потоках света. Двадцать человек, совершенно ошеломленных ужасом, бродили в ярком свете, словно в непроглядной тьме. Приход каждого увеличивал чувство бессилия. Учитель чешского языка Кольтнер, черноволосый малый мрачной наружности, писавший патристические вирши к празднику 28 октября¹, прохаживался между окнами, заслоня солнечный свет. Неожиданно он остановился спиной к окну, схватил стул, сжал руками его спинку, словно ища опоры для мысли, созревшей под низким лбом, и, невидимый в лучах утреннего солнца, обливавших его со всех сторон и слепивших глаза своим нестерпимым блеском, начал истерически кричать:

— Вот вам ваша масариковщина! Всех нас перестреляют! Как в Таборе!

Директор школы слабо застонал, преодолевая сердечный припадок. Остальные молчали. У них перехватило дыхание, словно все они уже были обречены. Только учитель истории, толстогубый тихоня, нашел в себе решимость для выступления. Он вынул из портфеля вчетверо сложенный листок бумаги, положил его на стол и вкрадчивым голосом, зауценную слащавость которого не мог стереть даже страх, провозгласил:

— Господа коллеги, я считаю необходимым немедленно послать изъяснение нашей искренней преданности господину государственному секретарю и госпо-

дину министру Моравцу. Я позволил себе набросать проект...

В жуткой тишине он прочитал двадцать строчек, полных подлости и низкопоклонства. Потом развинул вечное перо и услужливо подsunул бумагу для подписи старейшему члену учительского коллектива. Учитель закона божьего, семидесятилетний старец, бог знает сколько лет прислуживавший богу, взял трясущимися руками бумагу и обстоятельно перечитал текст, скандируя каждый слог. Окончив, положил бумагу на стол.

— Я — старый человек. На склоне лет мне не пристало лгать...

И было решено не собирать подписи под документом, а обратиться к ученикам седьмого класса, осудить безнравственный поступок их товарищей и запротokolировать это заявление в классном журнале.

— Но, ради бога, кто же должен это сделать?

Учитель чешского языка и учитель истории в один голос сказали:

— Конечно, классный наставник!

Все вздохнули, когда это бремя спало с их плеч. «Высший принцип» молча сосредоточенно рассматривал суставы своих стиснутых пальцев. Он был классным наставником седьмого класса.

Назалось, за дверью с цифрой «VII» было пусто.

Где непрестанное жужжание пчелиного роя, еще вчера гудевшего, как в улье? «Высший принцип» открывает двери своего класса. Но юноши, вступающие со школьных парт навстречу ему, уже совсем не те, что были вчера. Он только смутно различает их по силуэ-

¹ День установления республики.

там, по обычным местам на партах, которые прочно утвердились в его памяти. Каждый из них за эту ночь мысленно переплыл Ахерон, провожая тех трех, чьи места опустели. Когда он сел за кафедру, они опустились на свои места, как автоматы. Это был уже не класс, не коллектив. Каждый был сам по себе, замкнулся в скорлупе страха или ненависти.

— Друзья мои, — сказал он, но голос его прервался на первом же слове. Он задохнулся. Встал, чтобы расправить грудную клетку. Жалкий старый холостяк в помятом костюме с пузырившимися на коленях брюками, обезображенный оспой уродец стоял на возвышении кафедры.

— Друзья мои, — выдавил он из себя, чувствуя, что воротник его душит, — коллектив учителей поручил мне... гм... разъяснить вчерашнее печальное происшествие в правильном направлении с точки зрения... высшего нравственного принципа.

В это мгновение на него устремилось двадцать пар глаз. Казалось, эта привычная, избитая фраза приобрела новый, страшный смысл, новое звучание. Казалось, она стала преградой между ним и ими. Или... Он с величайшим усилием перевел дух. А потом вдруг с торопливостью утопающего, который боится, что захлебнется и не успеет договорить, крикнул своим ученикам:

— С точки зрения высшего нравственного принципа я могу вам сказать только одно: убийство тирана — не преступление!

И сразу же одной этой фразой он избавился от напряжения и смятения. В его голове прояснилось. С небывалой четкостью и ясностью видел он каждого из этих двадцати юношей, которыми руководил с пятого класса и глаза которых сейчас не отрывались от его губ. Здесь были простаки, упрямцы, ловкачи; добросовестные и тихие мальчики рядом с дикарями и лентяями; тупицы и пройдохи, медлительные зубрилы и неповоротливые увальни. Возможно, был среди них и тот, кто выдал Рышанека. Возможно, пустячная ссора, недоразумение или тайная ненависть принесут новые страшные плоды. И все же, кому из них он может солгать прямо в глаза? Его охватило страстное желание сказать именно тут, этим мальчикам, те слова, которые он таил в себе еще со вчерашнего дня, едва не произнес утром в учительской и должен был сказать во всеулышание, чего бы это ни стоило. Медленным, тихим, спокойным голосом сказал он их своему классу, всецело предавая себя в его руки:

— И я тоже... одобряю покушение на Гейдриха!

Он почувствовал, что этим сказано все. Повернулся к кафедре и начал делать записи в школьном журнале. Но не успел он коснуться пером страницы, как в классе послышался неясный шум. «Высший принцип» медленно обратил к нему взгляд. Двадцать семиклассников стояли перед учителем, вытянувшись по-военному, с поднятыми головами, с горящими глазами.

Перевод с чешского С. Шмераль и Н. Касатниной

Двадцать семиклассников стояли перед учителем...

ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

ИСКАНДЕР ФАЙЗУЛЛИН,
мастер спорта СССР

Рис. В. Чернецова

Сокровища морского дна — жемчуг, кораллы, янтарь и губки — привлекали к себе внимание человечества еще в седой древности. Добыча жемчуга как промысел получила широкое распространение в древней Руси XVI—XVII столетий. У славян были свои отличные ловцы жемчуга, нырявшие за жемчужными раковинами в глубокие водоемы или ловившие их в прозрачных водах рек нашего северного края.

Особенно искусными ловцами жемчуга считались крестьяне Олонецкой и Новгородской губерний. «Бурминское зерно», как в древности на Руси называли жемчуг, было самым древним украшением русского народа. Большое внимание промыслу жемчуга и делу его развития уделял Петр I.

Но не у одних русских жемчуг был предметом промысла. Морской лов жемчуга производился также в Австралии, Персии, Греции, в Японии, у берегов Индии и Калифорнии, на Цейлоне и на многих островах Тихого океана. Так, пустынные и мало обитаемые острова Черальбо и Св. Духа, расположенные у входа в бухту Ла-Пац в Калифорнии, в июле каждого года служат сборным

местом для искателей жемчуга и ловцов черепах.

В это время года там собирается значительное население, состоящее из ловцов-водолазов, скупщиков жемчуга и агентов различных компаний, комплектующих водолазные партии среди индейских племен, живущих по берегам Калифорнии.

С начала ловли, буцó, то есть водолазы, становятся предметом неусыпного надзора со стороны промышленников, эксплуатирующих дешевой, полурабский труд индейцев. Надзор этот поручается капатацу — начальнику водолазной партии. На должность начальника, которому принадлежит почти неограниченная власть над жизнью и смертью рабочих, назначается обычно человек, отличающийся силой, ловкостью, решительностью и умением внушать уважение и страх своим подчиненным.

Ловцы жемчуга являются на промысел всегда не только в сопровождении своих семей, но и различных заклинателей из индейских племен. Эти старые колдуны обязаны заклинать акул и спрутов, «оберегать» от них несчастных водолазов.

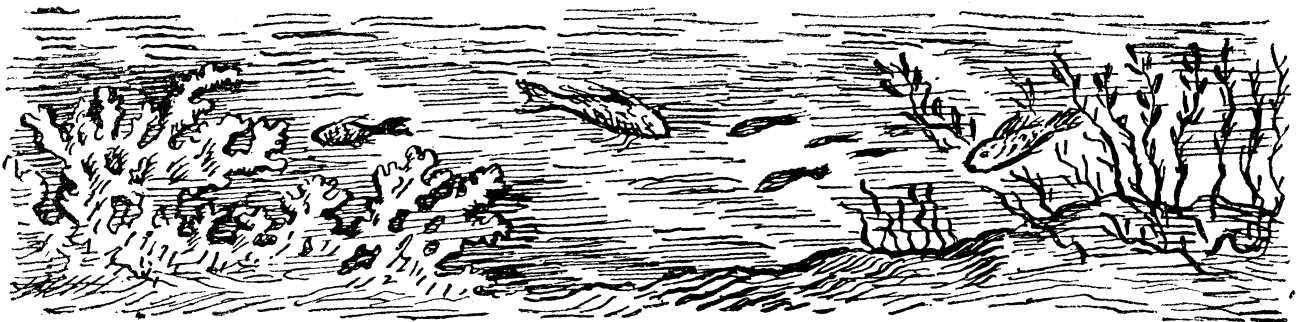
Кроме того, на острова являются

раскаторы — маклеры, которые скупают у водолазов принадлежащую им часть драгоценной добычи. За ними следуют спекулянты, которые раскдывают на островах питейные и игорные шатры. А так как в одно время с ловлей жемчуга происходит и охота на черепах, то на островах Черальбо и Св. Духа, почти совершенно безлюдных в остальное время года, собирается летом временное население в триста-четыреста душ на каждом.

Ловцы ныряют за жемчужными раковинами с лодок; работают они попарно с восхода солнца до полудня. Пока один из ловцов ныряет, другой отдыхает.

Чтобы быстрее погрузиться в воду, водолаз защемляет между пальцами ноги веревку, к концу которой привязан довольно большой камень. Другой конец веревки прикрепляется к лодке и помогает ловцу подняться на поверхность, когда он возвращается со дна, нагруженный раковинами. Небольшим молоточком он откалывает их от подводных рифов на глубине 10—15 метров и складывает в сетку, повязанную вокруг галии.

Водолаз остается под водой обыч-

не от двух до четырех минут и подымается на поверхность в полном изнеможении, а затем, после короткого отдыха, ныряет снова — и так ст тридцати до сорока раз за одно утро! По окончании дневной работы добытые водолазами раковины складываются на берегу. Происходит их дележ и распределение. Только одна десятая часть улова идет в пользу водолазов и отбрасывается в отдельную кучу.

Капатáц наблюдает за дележом, вскрывает раковины и промывает их в больших деревянных бадьях, как это делают с золотым песком. Моллюски быстро разлагаются на солнце, отчего в воздухе стоит удрушающее зловоние. Найденные в раковинах жемчужины очищаются и передаются надсмотрщику. По окончании ловли жемчуга все население островов возвращается на материк, в свси селения, до следующего сезона.

Предприниматели охотнее всего набирают водолазов из племени гиакки. Они известны своею смелостью, ловкостью и искусством.

Несмотря на то, что около жемчужных россыпей собираются в множестве акулы, водолазы ныряют с удивительным бесстрашием, хотя разружены они одной только «эстаккой» — куском так называемого железного дерева, заостренным с обоих концов. Его вместе с угонянутым выше молоточком водолаз носит за поясом своих коротких кожаных штанов.

Известно, что у акулы нижняя челюсть очень коротка, и потому хищница должна опрокидываться на спину, чтобы схватить добычу. Этим моментом и пользуются водолазы, всаживая твердую, как сталь, эстакку в пасть чудовища, которое после этого не может сомкнуть челюстей.

Но у ловцов жемчуга существует враг, перед которым трепещет даже самый отважный гиакки. Враг этот — тинторера, особая порода акул. Раз отведав человеческого мяса, тинторера не уходит с облюбованного места и продолжает нападать на водолазов до тех пор, пока ее самое не убьют. Недаром тинтореру называют «тигром океана». По счастью, это чудовище попадает довольно редко, но зато, как только тинтореры появляются, — а они ходят всегда попарно, — самые смелые водолазы не отваживаются опускаться в море. Если же не удастся сразу убить чудовище, приходится (иногда на длительное время) отказываться

от ловли раковин на известной стели.

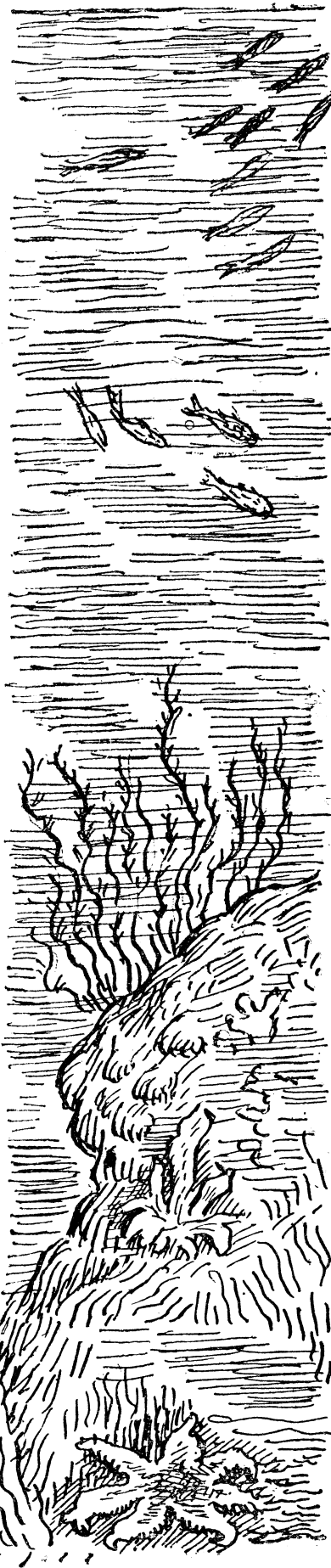
Вот как описывает свою ночную смертельную схватку с тинторерой один из водолазов — гиакки с острова Св. Духа, Антонио Ракунья:

«Поздней ночью я возвращался через пролив с острова Черальбо. Дул сильный ветер, и уже на полпути я пожалел, что не подождал до утра. Шторм крепчал, сверкали молнии, сильные раскаты грома сотрясали воздух. Маневрируя среди волн, я вел свой челнок к огоньку, мигавшему на пристани родного острова.

Неожиданно совсем близко показались две световые полоски и потянулись за моим челноком. Сомнения не могло быть: это были плавники грозных тинторер — самца и его самки. Клейкое вещество, выпускаемое из окружающих пасть акул железок, распливалось по всему телу хищников и светилось. Чем темнее была ночь, тем ярче был и этот фосфорический блеск. Я перестал грести, подпустил тинторер поближе к своему челноку и нанес ближайшей из них сильный удар веслом по спине. С быстротой молнии тинторера исчезла под водой. Я собрался грести. До берега теперь оставалось около мили. Но вдруг громадная волна со страшной силой швырнула мой челн, и я очутился в воде.

Близость тинтореры и злое щеще раскаты грома на несколько секунд отняли у меня способность рассуждать, и я, наверное, погиб бы, если бы в эту минуту наткнулся на акулу. Но хладнокровие вскоре вернулось ко мне — недаром я был водолазом из племени гиакки. Действуя одной рукой, я другой ошупал эстакку у себя за поясом и внимательно осмотрелся.

Метрах в десяти впереди меня виднелись фосфорические полоски. Исходящий от них своеобразный беловатый свет был настолько силен, что я мог ясно различить обеих рыб на глубине каких-нибудь двух локтей над поверхностью моря. Вдохнув полной грудью душный воздух, я опустил в глубину. Сделав два три гребка, я увидел — уже над собой — злое щеще белое пятно. Одна из акул заметила меня. Я ясно различал неподвижные, тусклые, свинцово-серые глаза хищника, обращенные на меня. На этой глубине вода была так спокойна, что трудно было себе представить, что в то же время она пенится и бушует на поверхности. Тинторера — это была

самка (она несколько меньше самца) — опускалась медленно, желая загнать меня на большую глубину. Но я знал, что следует делать! Сильным ударом ног я оттолкнулся и устремился на тинтореру. Эстаку и держал наготове в правой руке.

Как только опустилась короткая нижняя челюсть и открылась страшная пасть, усеянная тремя рядами острых зубов, я сделал быстрое движение и почувствовал, что эстака крепко засела в пасти акулы...

Я выпустил оружие и поспешно вытянул руку, в нескольких местах ободрав ее до локтя об острые зубы чудовища.

В ту же минуту напором воды меня навалило на туловище акулы, что и помогло, вероятно, моему спасению, так как иначе ударом хвоста она очень легко могла убить или оглушить меня.

Я оттолкнулся от метнувшейся мимо меня в глубину тинтореры и в следующее мгновение был уже на поверхности воды. Прежде всего я полной грудью втянул в себя воздух, так как долго оставался под водой. Потом оглянулся и увидел прямо перед собой эгонек, горевший на острове Св. Духа. Рядом плавал мой челнок; волной опрокинуло его килем кверху. В мгновение ока я очутился в челноке и с наслаждением вытянулся в нем во всю длину, — так был утомлен я в борьбе с волнами и тинторерой. Ветер гнал челнок прямо к пристани острова. Я был счастлив. Я был спасен».

* * *

Не утратил своего значения промысел жемчуга и в наше время. Туземцы, населяющие тропические страны, живущие в условиях жестокой эксплуатации, рабства и угнетения, добывают сокровища морского дна, постоянно подвергая свою жизнь смертельной опасности. На западном побережье острова Цейлон, в Манарском заливе тамулы под строгим контролем английской администрации вылавливают редкие сорта зеленого жемчуга, получая нищенскую оплату за свой рабский труд.

Своеобразно протекает жемчужный промысел в Японии, где существуют плантации искусственно выращиваемого жемчуга¹.

В г. Шамазе, в бухте Сабима, в бухте Аго тяжелой профессией искателей жемчуга занимаются исключительно женщины. Рождение девочки там приветствуется, рождение мальчика считается несчастьем. Всех девочек еще с 4—5-летнего возраста начинают приучать к воде,

¹ Жемчуг вырабатывается некоторыми моллюсками в результате попадания в раковину песчинок и других мельчайших твердых веществ, которые, раздражая моллюска, заставляют его выделять субстанцию, образующую перламутр. Покрывая постороннее тело слой за слоем, она в 3—5 лет превращает его в жемчужину. Японские предприниматели искусственно вводят перламутровые шарики в сотни раковин, погружая их снова в море и создавая плантации, на которых выращивается жемчуг.

а с 12—13 лет они уже зарабатывают себе и семье пропитание, ныряя за раковинами...

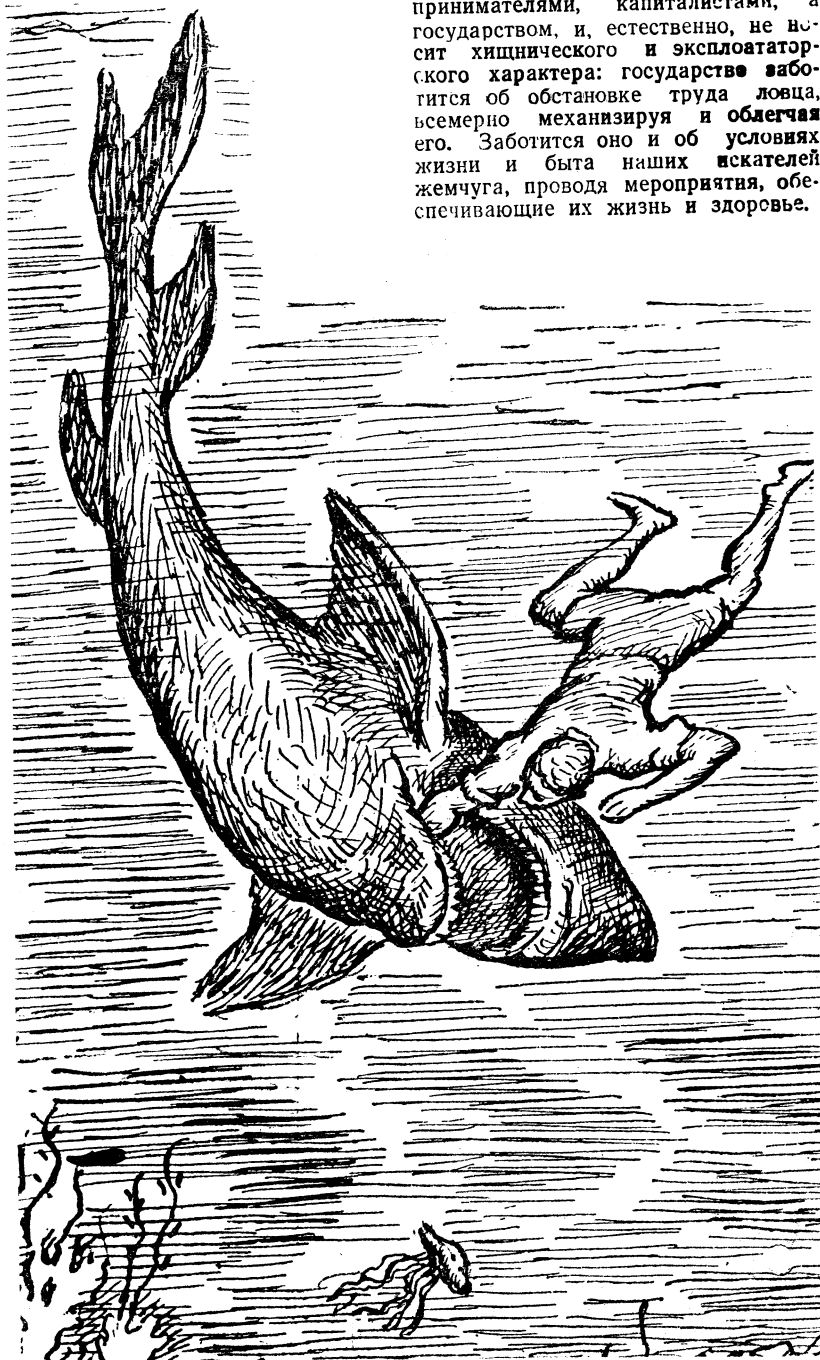
В Индии, на мысе Коморри, где океан особенно богат жемчужными раковинами, водолазам приходится опускаться на глубину до 15—18 метров. Чрезмерное давление воды нередко вызывает у ловцов кровоизлияние изо рта, носа, ушей и даже глаз и обморочное состояние под водой...

Сотни таких тружеников моря ежегодно гибнут у берегов Греции, Индии, Японии и Новой Каледонии, в непосильном труде изнашивая

сердца и легкие или становясь жертвами морских хищников—акул, шила-рыбы и спрутов.

Совершенно иначе организована промысловая добыча жемчуга в СССР. В реках Северного края, в Карелии и Восточной Сибири водится пресноводный моллюск — «перловица», который дает высококачественный жемчуг. Раковины добываются у нас драгированием (сетями и сачками), а также нырянием, причем для погружения, требующего длительного пребывания под водой, применяются водолазные облегченные костюмы, позволяющие ловцу заниматься промыслом без вреда для здоровья.

Добыча жемчуга в нашем Союзе осуществляется не частными предпринимателями, капиталистами, а государством, и, естественно, не носит хищнического и эксплуататорского характера: государство заботится об обстановке труда ловца, всемерно механизуя и облегчая его. Заботится оно и об условиях жизни и быта наших искателей жемчуга, проводя мероприятия, обеспечивающие их жизнь и здоровье.

С КИНОАППАРАТОМ

по Северной Корее

Б. НЕБЫЛИЦКИЙ, Т. БУНИМОВИЧ,
лауреаты Сталинской премии

Фото авторов

Под нами проплывают бесконечные гряды гор, разделенные тонкими линиями рек, искрящихся в лучах солнца, прорезанные белыми полосками дорог. В узких долинах видны маленькие, словно игрушечные, домики, тесно прижавшиеся один к другому. Величественная панорама живописного горного ландшафта заставила нас взяться за киноаппараты.

Так начались наши съемки в Северной Корее.

Самолет делает приветственный круг над большим городом, расположенным по обоим берегам широкой реки.

Это Пхеньян, древняя столица Кореи.

Открывается дверь самолета, и мы вступаем на твердую, пересохшую корейскую землю. Мы пересекли страну с запада на восток менее чем за сорок пять минут.

Цель нашей поездки достигнута.

Завтра выборы. Нам нужно сделать ряд снимков для кинофильма о Северной Корее, и, следовательно, мы можем считать, что прибыли во-время.

ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА

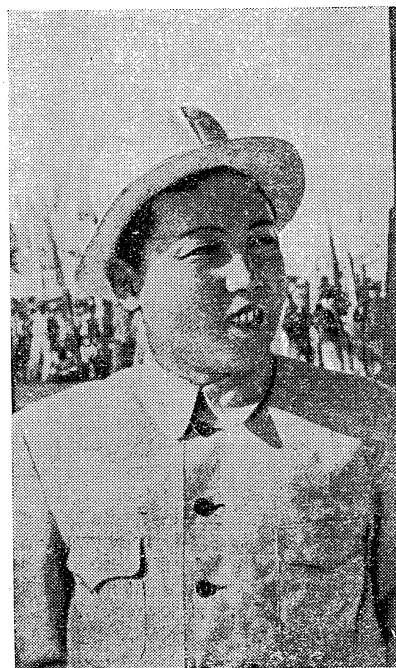
Над древней столицей Кореи Пхеньяном возвышается священная гора Марамбо. На склонах ее, где еще сохранились маленькие буддийские пагоды, приютившиеся в густой зелени акаций, высится огромный монумент из светлого гранита, увенчанный бронзовой пятиконечной звездой.

Отсюда — с запада или с востока, с любого места города Пхеньяна с далекого заречья полноводной реки Дайдо-ко, откуда ни взглянуть на зеленую гору Марамбо, — виден этот величавый монумент.

Он воздвигнут трудящимися Северной Кореи в честь Советской Армии, освободившей эту угнетен-

ную страну от сорокалетнего японского ига и принесшей на своих знаменах свободу и независимость корейскому народу.

На бронзовых плитах пьедестала, над барельефом корейской

Председатель Временного Народного комитета Северной Кореи Ким Ир-сен.

женщины, у ног которой лежат разорванные цепи, высечены две простые цифры: «15» и «8».

Пятнадцатое августа...

День радости, день ликования, день счастья — так называет корейский народ день своего освобождения.

Не вычеркнуть из памяти народа те исторические дни августа 1945 года, когда Советская Армия,

разгромив японских империалистов, изгнала их из пределов Кореи.

Восторженно встречало население сел и городов советских воинов, живыми цветами усыпая их путь.

Лишь три недели спустя, в сентябре 1945 года, когда всякое организованное сопротивление японцев полностью прекратилось, в Южной Корее началась высадка американских войск.

В соответствии с размещением союзных сил в момент капитуляции Японии, в Корее были установлены две зоны. Северная зона была объявлена зоной ответственности Советской Армии, южная — зоной ответственности американской армии.

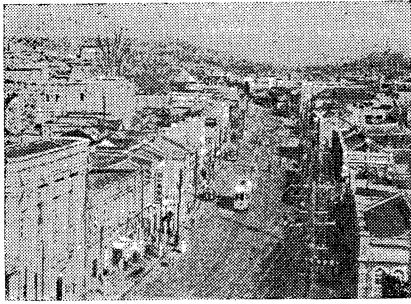
Сразу же после освобождения Кореи в стране произошли важные события.

Корейский народ, сбросив путы японского господства, бурно пробуждался к политической жизни. Стихийно возникали корейские организации различных форм и политических оттенков. Корейцы занимали правительственные и другие важные учреждения и изгоняли из них ненавистных японцев и местных их приспешников — коллаборационистов.

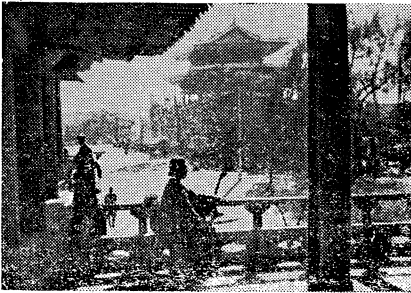
Демократические деятели рассчитывали на поддержку оккупационных союзных властей. Однако первые же шаги американцев вызвали крайнее разочарование корейских демократов. Американские власти отказались признать Центральный народный комитет.

Разгром демократических организаций, сфабрикованные судебные процессы над демократическими деятелями, массовые аресты, убийства рабочих и крестьян стали повседневным явлением в Южной Корее.

При поддержке американских военных властей подняла голову ко-

Город Пхеньян, один из крупнейших городов Кореи. В этом городе сосредоточены все руководящие органы Северной Кореи — Народный комитет, Народное собрание, Центральные комитеты демократических партий и другие организации. Город Пхеньян — центр хозяйственной и политической жизни Северной Кореи.

Старинная пагода на одной из улиц города Пхеньяна. Самые различные памятники древней культуры, каменные стены и мосты, изваяния фантастических зверей, могильные плиты, испещренные иероглифами, можно встретить во многих городах и деревнях Кореи.

Впервые в Пхеньяне создан национальный музей. Директор музея Хван-Ук разбирает корейские письмены тысячелетней давности. Теперь корейский народ имеет возможность изучать свою историю и свою древнюю культуру, существование которой отвергалось японскими захватчиками.

По дороге на базар.

рейская реакция, и зародившиеся было демократические институты в Южной Корее были беспощадно ликвидированы.

И только в Северной Корее, в зоне ответственности Советской Армии, Народные комитеты получили всемерную поддержку, уважение и помощь.

Главой Временного Народного комитета Северной Кореи был избран герой национально-освободительного движения Ким Ир-сен.

Ким Ир-сен — сын простого крестьянина. Он молод, но имя его известно и дорого каждому корейцу.

В кровавые годы японской оккупации Ким Ир-сен стоял во главе патриотического народного движения. Его отряды боролись с японцами в горах Пяктусана и на просторах маньчжурских степей. Он был вездесущ и неуловим.

Все демократические партии и организации Северной Кореи имеют своих представителей в Народном комитете.

Временный Народный комитет Северной Кореи осуществил в стране целый ряд важнейших демократических преобразований.

Одним из первых актов Народного комитета был закон о земле. Земли японцев, корейских помещиков, изменников и предателей корейского народа были конфискованы и безвозмездно переданы в руки трудового крестьянства.

Мощные заводы и фабрики, построенные японцами и корейскими капиталистами руками корейских рабочих, были национализированы. На этих заводах корейцы были раньше только дешевой рабочей силой. Рабской, бесчеловечной эксплуатации корейских рабочих был положен конец. Мечта о восьмичасовом рабочем дне стала реальностью. Веками забытая корейская женщина, лишенная каких бы то ни было человеческих прав, знавшая только тяжелый домашний труд, была уравнена в правах с мужчиной.

Венцом всех этих демократических преобразований явились первые в истории Кореи всенародные свободные выборы в провинциальные, уездные и городские Народные комитеты.

ДЕНЬ ВЫБОРОВ

Рассвет наступил очень быстро. Мощные звуки труб, неожиданно раздавшиеся под самыми окнами нашей гостиницы, разбудили нас.

Мы подошли к окну, и перед нами предстал казавшийся таинственным в предрассветные эти часы незнакомый восточный город. Он был озарен многочисленными огнями иллюминаций, а высоко в небе ярко сияла Венера — утренняя звезда.

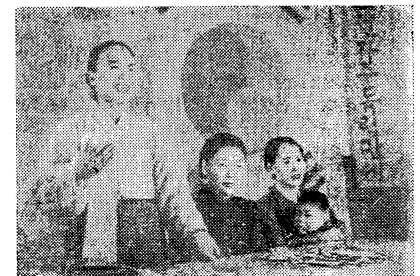
Свежий воздух ворвался в комнату из раскрытого окна, и эта утренняя свежесть напомнила нам

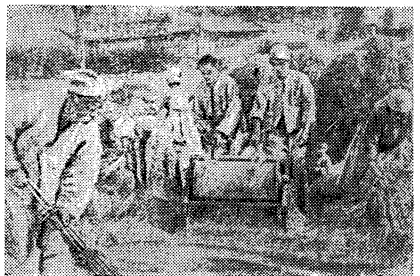
Рабочие Пхеньяна на митинге, посвященном опубликованию итогов выборов. Впервые за всю многовековую историю своего существования корейский народ узнал счастье свободы, почувствовал себя участником строительства своего государства.

Демонстрация в Пхеньяне. Демонстранты требуют выполнения решений Московского совещания министров иностранных дел трех союзных держав о восстановлении Кореи как независимого государства.

Председатель женского демократического союза Пак Ден-ай выступает на собрании женщин Пхеньяна. Демократический союз женщин Северной Кореи принят в состав Международной антифашистской федерации женщин.

Семья Ким Дин-ока за молотью риса.

о поэтическом названии Кореи — «Страна утренней свежести».

Праздничные костюмы мужчин, яркие шелка женщин, веселые, смеющиеся лица выразительно говорили о том, что день 3 ноября — это подлинный праздник освобожденного корейского народа.

По улицам двигались украшенные гирляндами цветов трамваи. На больших полотнищах по бокам вагонов огромными иероглифами были начертаны выборные лозунги. Со всех сторон неслись звуки оркестров. Город Пхеньян преобразился, приукрасился. Всюду портреты Ленина, Сталина и главы Народного комитета — Ким Ир-сена.

По улицам с гонгами в руках мерно шагали глашатаи и зычными голосами призывали избирателей явиться на участки.

Группа молодых агитаторов, развезжая на разукрашенном автомобиле, выкрикивала лозунги, призывая избирателей отдать свои голоса за кандидатов блока Единого национального демократического фронта и избрать в Народные комитеты лучших сынов корейского народа.

Словно потоки горы Пяктусан, сливающиеся в могучую реку, выходили корейцы из своих домов, строились, собирались в колонны и направлялись к избирательным участкам.

Сорок лет не знал корейский народ святого, прекрасного слова «родина». Он жил на земле своих предков, но не мог сказать о себе с гордостью: «Я кореец!» И вот слово «родина» зазвучало в лозунгах и песнях. С песней о родине шли корейцы на избирательные участки, с мыслью о родине ожидали они начала голосования.

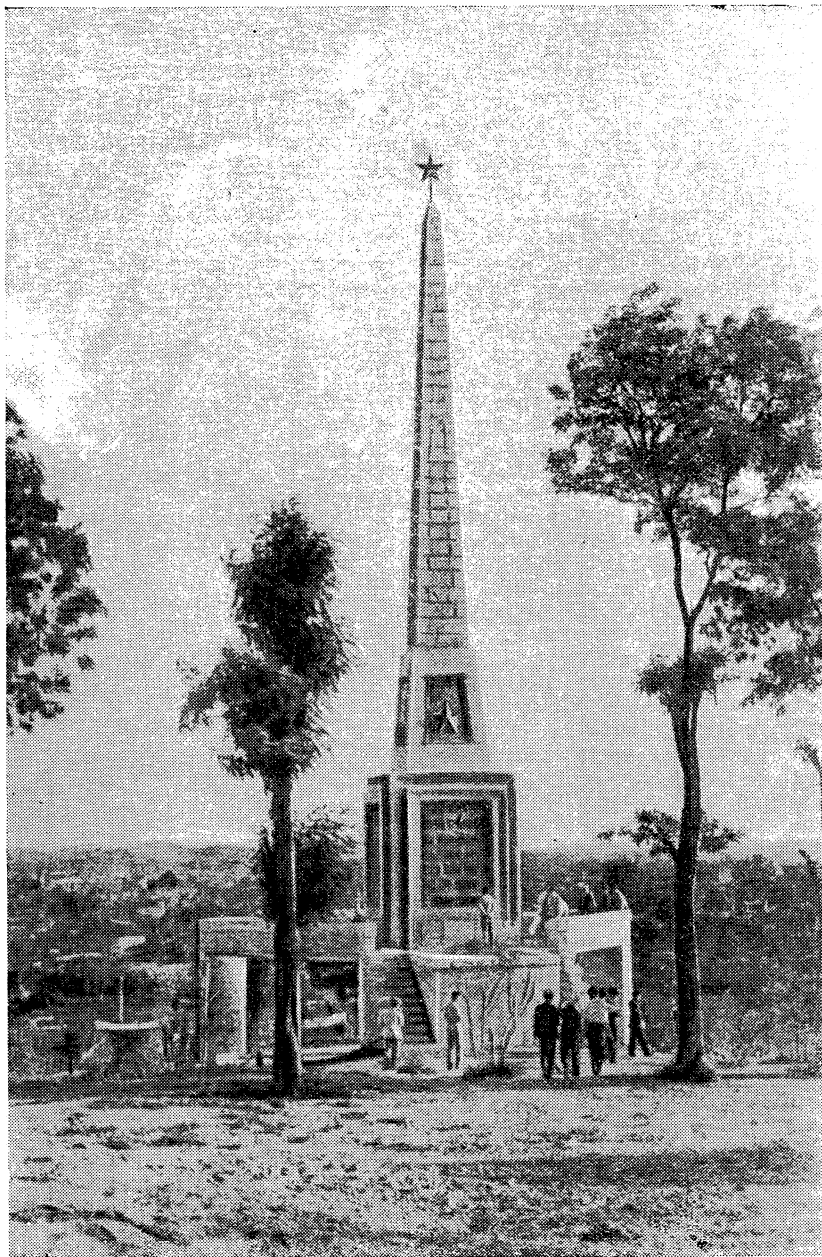
На площадях перед избирательными участками народ веселился. Артисты разыгрывали на импровизированных подмостках древние классические пьесы.

Активное участие в празднике принимали дети. Девочки-школьницы, одинаково подстриженные, все черноглазые, все черноволосые, все в одинаковых форменных платьицах, с огромными воротниками и ярко-красными галстуками, своими звонкими голосами пели новые песни, и чаще других звучали песни о Сталине и Ким Ир-сене.

Маленькие корейки с милыми личиками, хрупкие, казалось, сделанные из самого тонкого фарфора, под звуки барабана исполняли национальные танцы. Их тонкие детские ручки то складывались, то расходились врозь, то изгибались в такт ритму.

К десяти часам утра голосование почти везде было закончено, но праздник продолжался еще долго.

Итоги выборов превзошли самые оптимистические предположения. Несмотря на то, что враги корейского народа и религиозные сектанты, подстрекаемые реакционерами

Монумент в Пхеньяне, воздвигнутый корейским народом в честь Советской Армии-освободительницы.

из Южной Кореи, пытались кое-где саботировать выборы, народ всеко сказал свое слово.

В выборах приняло участие 99,6 процента избирателей, а 97 процентов голосовавших внесли в свои бюллетени имена кандидатов Единого национального демократического фронта.

ЗАКОН О ЗЕМЛЕ

Огромное значение земельной реформы мы особенно остро ощутили, когда впервые выехали за пределы Пхеньяна.

Мы увидели, что в этой стране дорого ценится каждый клочок пригодной для обработки земли.

Рисовые поля расположены одно над другим террасами. Даже обочины дороги — и те вспаханы и засеяны.

Был период молотбы. Почти около каждой фанзы кипела работа.

Местные жители знали, что в любой момент может подуть холодный северный ветер: зима здесь наступает сразу, без постепенных переходов. И каждая крестьянская семья торопилась до холодов закончить обмолот собранного урожая.

Чумизу и сою молотили простыми цепами, рис — при помощи специальных, с острыми шипами ба-

рабанов, приводившихся в движение ножной педалью.

Мы остановились около одной из фанз. Хозяина звали Ким Дин-ок. У молотильного барабана работали два его сына. Жены сыновей подисили рисовые снопы. Девочка лет девяти, внучка Ким Дин-ока, отнесла в сторону солому. Свободен от работы был только четырехлетний мальчик. Он сидел в стороне на ступеньках фанзы — маленький, черноглазый, самый молодой член этой трудолюбивой семьи.

Раньше Ким Дин-ок и его сыновья арендовали землю у самого богатого в этом районе помещика Ким Хон-у. Существовал договор, который здесь сокращенно называли «7—3», то есть 7 частей собранного и обмолоченного урожая забирали помещики, а 3 части оставались крестьянину. Но Ким Хон-у приходил и забирал урожай без веса. Ким Хон-у забирал весь рис, и семье оставалась только чумиза в количестве, едва хватавшем, чтобы не умереть с голоду.

Но вот к власти пришел народ. Ким Хон-у бежал в Сеул. Народный комитет отмерил два гектара земли и сказал: «Ким Дин-ок, это твоя земля, никто ее никогда не отберет у тебя, и ты будешь собирать урожай для себя и своей семьи».

Ким Дин-ок рассказывал нам, что реакционеры из Южной Кореи направляли сюда своих лазутчиков и шпионов. Они говорили крестьянам: «Не работайте! У вас отберут весь урожай! Вам ничего не остается!»

Но вот урожай созрел, убранный. Десятки мешков риса лежат в амбарах.

Впервые на столе у бедняка появился рис, который он раньше только добывал. У корейского крестьянина появилась уверенность в завтрашнем дне, окрепла вера в силы своей родины, в силу Народных комитетов.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ

Как часто зритель, сидящий в кинотеатре, и не подозревает, какого труда стоит нам, кинематографистам, тот или иной кадр, промелькнувший на экране в течение нескольких секунд.

Нам необходимо было снять несколько характерных горных пейзажей, для которых все единодушно рекомендовали ехать в Алмазные горы. Судя по фотографиям, многочисленным рисункам и картинам, которые можно увидеть в каждом корейском доме, эти горы действительно были интересны.

Мы приняли решение съездить в Алмазные горы. Но, чтобы осуществить эту поездку, надо было проехать 360 километров на юг по очень плохой дороге, а также предпринять восхождение на одну из вершин.

Стояла теплая погода. Снега не было, и мы надеялись благополучно миновать перевал, находящийся на нашем пути. Чем выше мы поднимались в гору, тем резче чувствовали приближение зимы.

Становилось все холоднее и холоднее. На высоте в тысячу метров стал покатиться снег, а когда мы забрались на самый перевал, то увидели, что здесь, видимо, давным-давно настоящая зима.

Крестьянин из Северной Кореи.

Пейзаж стал удивительно похож на наш родной русский. Такие же стройные стоят сосны, от основания до вершин окутанные снежным покрывалом. Лимонно-желтые стволы лиственниц резко выделялись на фоне белого снега. Но вскоре, когда мы спустились с перевала, снег кончился, стало так тепло, что мы сняли меховые шубы.

В долине была еще осень.

Крестьяне молотили рис, веяли остатки чумизы, а кое-где вспахивали деревянной сохой черную увлажненную землю.

Смотришь, как надрыгается крестьянин с этой сохой, как мучается пожилая крестьянка, перемалывая зерно маленьким ручным жерновом, — и диву даешься. В стране развитой индустрии сохранилось самое примитивное сельское хозяйство!

Рядом с большими гидростанциями, мощностью в несколько десятков тысяч киловатт, мы видели примитивную гидроступу. Один удар в минуту, шестьдесят ударов в час, — полмешка грубо натолченного зерна в день. Вот и вся механизация. И такие гидроступы или примитивные водяные мельницы встречаются на каждом шагу.

Мы миновали долину, и дорога

через узкое ущелье, похожее на гигантскую трубу, неожиданно вывела нас к самому берегу Японского моря.

Мы едем на высоте двухсот метров над уровнем моря по самому краю обрыва, откуда открывается чарующий своей дикой красотой вид.

Дорога то поднимается на огромную высоту, взбирается на крутые скалы, откуда открывается далекая перспектива побережья, то неожиданно резко спускается к самой воде.

Железная дорога, идущая параллельно, на короткий момент появляется в расщелине между горами и сейчас же вновь исчезает в глубоком тоннеле. В таком количестве железнодорожные тоннели можно встретить только в Корее. На отдельных участках их попадает по восемь-десять на одном километре пути.

Путь нам пересекают многочисленные горные реки. Сейчас в них почти нет воды. Мосты через реки построены оригинально. Прямо по дну, слегка приподнимаясь над его уровнем, проложена железобетонная массивная дорога. Во время наводнений или при сильном подъеме воды всякое сообщение прекращается, так как мосты оказываются под водой. Но зато когда вода спадает, сообщение возобновляется, так как мосты сохраняются неповрежденными. Корейцы уверяют, что ни один мост иной конструкции не устоит перед разрушающей силой грозных потоков, называемых с гор в период летних дождей. Это правда: на своем пути мы видели множество обыкновенных мостов, разрушенных, размытых, перевернутых июльскими наводнениями.

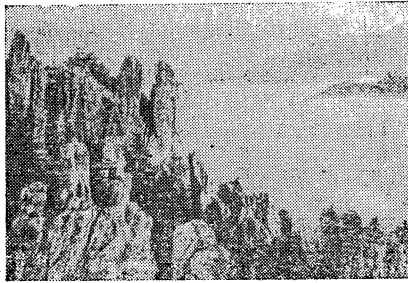
Нам преграждает путь устье довольно широкой реки, впадающей в залив. Мост, видимо, был разрушен. К счастью, на противоположном берегу мы увидели паром.

Через полчаса машина наша была на пароме, глубоко погрузившемся под ее тяжестью в реку. Колеса машины были наполовину в воде.

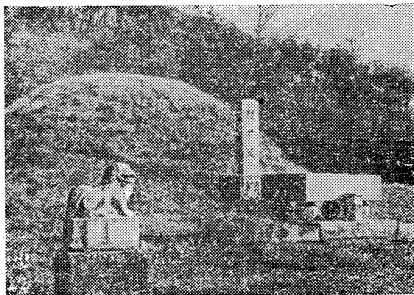
АЛМАЗНЫЕ ГОРЫ

Алмазные горы — величественное скопление доломитовых глыб. Ветер и солнце, вода и время долго работали над тем, чтобы разрушить эти горы, но сердцевина их оказалась прочной.

Огромные, величавые каменные громады возвышаются одна над другой, соперничая между собой высотой, причудливостью граней, формой вершин. 12 тысяч вершин насчитывают Алмазные горы. Это своеобразный заповедник гор. Возвышаясь над всей окружающей местностью, Алмазные горы по справедливости считаются самым кра-

Куин-Сан — так называются по-корейски знаменитые Алмазные горы, расположенные в восточной части Корейского полуострова. Алмазные горы по справедливости считаются самым красивым местом в Корее.

Могила Тангуна. В народных легендах Тангуна называют родоначальником корейского народа. Могила Тангуна находится в уезде Кото. Сюда часто приходят старики-корейцы со всех концов страны, чтобы почтить память своего «отца».

Известная корейская балерина Цой Сын-хи организовала в Пхеньяне школу народного танца. На снимке Ким Пек-Пон — лучшая ученица и ближайший помощник Цой Сын-хи — исполняет корейский народный танец.

Выступления школьниц в дни выставок на площадях Пхеньяна.

сивым местом Корейского полуострова.

Поздним декабрьским вечером мы, наконец, добрались до горного местечка Он-Сей-ри, где кончается автомобильная дорога и откуда обычно начинается восхождение на Алмазные горы. Здесь, в крохотном номере гостиницы, нам после ужина принесли очень чистые наволочки и одеяла, и мы, совсем усталые, легли в постели на теплом кане¹.

Еще солнце не вставало над морем, еще вершины гор не озарились розовым утренним светом, когда вся наша группа тронулась в путь.

Было начало декабря, но зима здесь еще ничем не давала знать о себе. Только бурливые горные реки теперь превратились в слабенькие, беспомощные ручейки, едва заметные на дне глубоких ущелий.

Наша экспедиция растянулась вдоль горной тропы, змейкой выходящей по склонам. С каждым часом подъем становился все круче и круче. Временами нам приходилось прокладывать себе дорогу в густом кустарнике. Был период осеннего листопада. Листьев было ак много, что они напоминали собой потоки воды, несущиеся с гор. Временами приходилось пролезать сквозь узкие расщелины между гигантскими гранитными глыбами, свалившимися откуда-то сверху.

С каждым шагом дышалось легче. Чистый горный воздух наполнял легкие, приятно будоражил кровь, заставляя сердце работать ровно и четко.

Кинооператор ни на минуту не должен забывать, что он обязан показать зрителю то, что видит сам, но не с точки зрения обычного туриста, а с точки зрения пытливого и добросовестного художника.

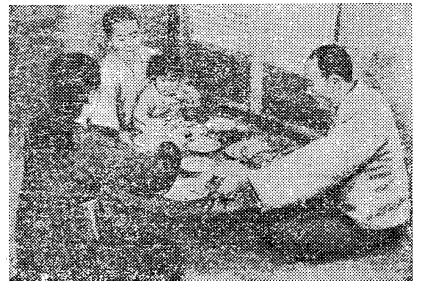
Поэтому, добравшись до конца тропинки, мы не могли удовлетвориться видом на вершины Алмазных гор, который открывался отсюда. Нас не удовлетворял ни ракурс, ни расположение света. Для того чтобы снять выразительный кадр, надо было подняться еще выше, вскарабкаться вверх по почти вертикальной стене, установить и привязать там киноаппарат, дожидаться определенного положения светотени и только после этого снимать.

Один из наших проводников, цепляясь руками и ногами за камни, долго взбирался на избранную нами площадку, затем туда с помощью веревок были поданы штатив, аппарат и оптика. При помощи веревок, перекинутых через скалу, взобрались на вершину и мы. Вид отсюда открывался действительно чарующий.

¹ Кан — горизонтальная печь под полом, с помощью которой в холодное время года в корейских жилищах поддерживается тепло.

Улица в корейской деревне. Корейские женщины всегда носят груз на голове. С удивительной ловкостью они переносят не только мешки с рисом или с чумизой, но и целые подносы, уставленные различной посудой.

Семья корейского крестьянина за обедом. Не только в деревнях, но и в городах, ни в одном корейском доме нельзя найти простого стула. Корейцы обычно сидят на полу, поджав под себя ноги, и во время еды, и во время работы на заводах и фабриках.

Старинный обычай предписывает главе семьи обедать за отдельным столом. Вместо ложек, вилок и ножей корейцы пользуются для еды деревянными палочками и бронзовыми лопаточками.

Корейские крестьянки за пряжей.

Бесконечные пики Алмазных гор — маленькие и большие, округлые и остроконечные — были устремлены вверх. Они напоминали хищные зубы гигантского дракона. Грани их вблизи сверкали в косых лучах зимнего солнца, а на горизонте таяли в розовой туманной дымке.

Смотришь на эти горы, и кажется, нет им ни конца, ни края...

На следующее утро мы расстались с гостеприимным поселком Он-Сей-ри и с чудесными Алмазными горами.

У МАНЬЧЖУРСКОЙ ГРАНИЦЫ

Мы совершили несколько поездок в глубь страны. Один из наших маршрутов вел на север, к городу Сингсию, большому провинциальному городу в северо-западной части Кореи. От Сингсию мы должны были следовать вверх по течению реки Амнокан, до плотины Супун.

Наша машина шла по широкой дороге по направлению к городу Косю.

День был, видимо, базарный: нам попадались навстречу много корейцев. Одни шли пешком, рядом с небольшими тележками, в которые были впряжены низкорослые лошади; другие сидели на мешках и тюках, погруженных на двухколесные арбы, такие же, как у нас на Кавказе и в Средней Азии. Флегматичные быки с большими кольцами в носу, равнодушно взирая на окружающий мир, медленно двигались вперед.

Крестьяне везли на базар чумизу, редьку. Женщины несли на головах большие корзины с яблоками. Обгоняя женщин, мчались на велосипедах подростки. К багажникам у них были привязаны клетки, битком набитые живыми петухами. Клетки были в три этажа, и в каждой из них было не менее тридцати петухов. Лапки у петухов были связаны, наружу выглядывали только головки.

Горные дороги Кореи чрезвычайно узкие, с бесконечными зигзагами, поворотами, крутыми перевалами. На сравнительно небольшом участке — от Кайсена до Сингсию — мы насчитали 14 перевалов. 14 раз наша машина поднималась на высоту от 800 до 1500 метров и спускалась снова в долины рек.

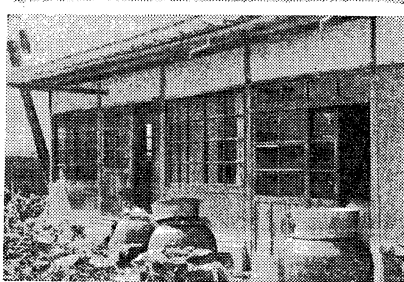
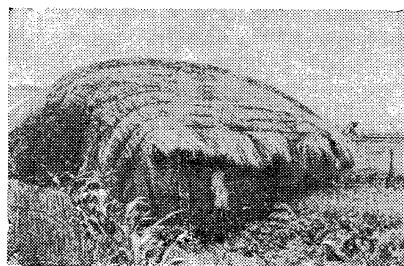
Путь до Сингсию мы рассчитывали проделать за восемь часов, а отнял он у нас времени втрое больше.

Сингсию — северные ворота Кореи. Отсюда японцы наносили свой удар по Маньчжурии и Китаю. Здесь проходила основная магистраль, по которой японцы снабжали свои армии, находившиеся в Маньчжурии и у границ СССР.

Два больших моста через реку Амнокан, железнодорожный и ав-

томобильный, соединяют берега Кореи и Маньчжурии.

От Сингсию дорога шла вверх вдоль реки Амнокан. На отдельных участках дорога уходила в горы, извиваясь между сопками, а затем снова выходила к реке.

Крестьянин Ким Ен-нюр. Вверху хижина, в которой он жил раньше, внизу — его новый дом.

Мы смотрели на эти медленно текущие воды и вспоминали слова известной корейской песни:

Горы Чонпьяксан раскинулись
цепью одна за другой,

И по ним кровавый след...

Река Амнокан извивается лентой
вокруг,

И по ней кровавый след...

Да, поистине черный след крови идет по реке Амнокан; он ведет к плотине Супун.

Гигантские сооружения этой плотины мы увидели издали. Плотина закрывала ущелье, соединяя горы, расположенные на разных берегах реки.

Многие тысячи безвестных рабов, соорудивших эту плотину, умирали от недоедания, от тяжелого, беспросветного труда, длившегося годами. И никто никогда не узнает ни причины их гибели, ни места их погребения. При строительстве этой гигантской плотины семьдесят корейских рабочих, нечаянно попавших в бетонную массу, погибли, так как японцы запретили спасать людей, чтобы не потревожить только что уложенный бетон. Это только один из многих фактов гнусного, бесчеловечного отношения японских империалистов к коренным жителям этой страны.

Тела семидесяти корейцев, замурованных в плотину, — кошмарное напоминание о том, какой дорогой ценой заплатили трудящиеся Кореи за эти электростанции, фабрики и заводы.

По узким лесенкам мы поднялись на плотину. Отсюда открывалась широкая панорама: с одной стороны — на уходящую вдаль реку Амнокан, с другой — на искусственное водохранилище. Сама электростанция, многоэтажное здание, с высоты плотины казалась игрушечным домиком.

Мы думали, что это наша последняя съемка в Северной Корее, но прошло пять месяцев и судьба нас вновь привела в эту страну.

НОВЫЙ ДОМ КИМ ЁН-НЮРА

Летом 1947 года мы привезли в Пхеньян специально изготовленный для корейского народа, на корейском языке озвученный, кинофильм «Северная Корея».

Находясь в Корее, мы решили снять на этот раз для нашего киножурнала «Новости дня» небольшую эпизод о жизни рядовой крестьянской семьи. Нам хотелось показать, насколько прочно вошли в плоть и кровь народа великие демократические преобразования, которые осуществлены в Северной Корее.

И вот мы мчимся по дороге, ведущей к приморскому городу Циннампо.

Яркой зеленью окутаны холмы, среди которых раскинулись рисовые поля, покрытые тонким слоем воды. В воде отражаются золотистые солнечные блики и смуглые лица корейцев, сажающих рис.

Над полями разносятся протяжные гортанные звуки. Это корейские крестьяне напевают свою любимую песню борьбы и труда — «Арира».

Пока еще попрежнему тяжел и изнурителен труд корейского крестьянина. По колена в воде, низко

согнувшись, обжигаемый знойными лучами солнца, он от восхода до заката работает на рисовом поле.

Здесь, на поле, нас познакомили с рядовым крестьянином по имени Ким Ён-нюр.

Ким Ён-нюр — коренастый, мускулистый мужчина средних лет, с веселым, открытым лицом, с сильными загорелыми руками крестьянина, потрескавшимися от длительной работы в воде.

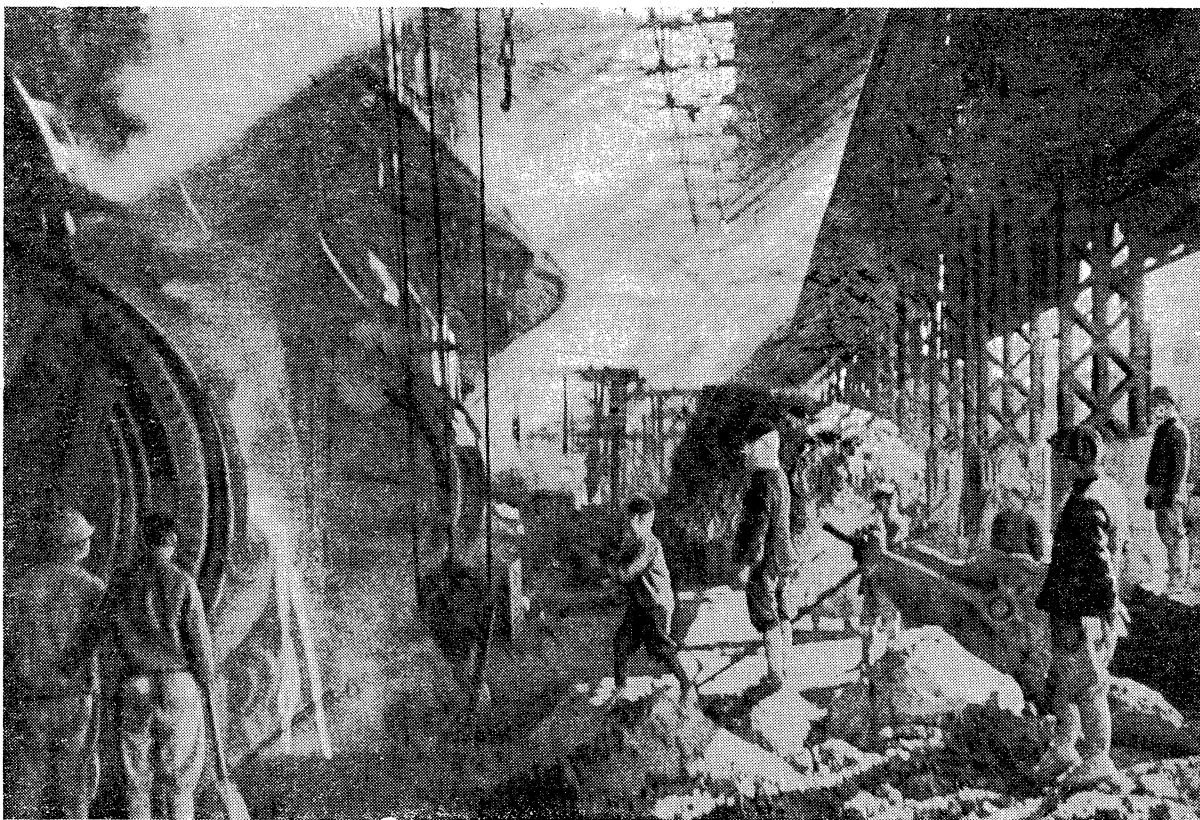
на земле помещика, выращивая для него рис и другие продукты. В счет «аренды» помещик отбирал у Ким Ён-нюра почти весь урожай, а на то, что оставалось, Ким Ён-нюр мог обеспечить лишь полуголодное существование своей семьи.

— Вот моя хижина, где я прожил десять лет, — сказал Ким Ён-нюр и показал рукой на небольшой шалаш с покосившимися стенами, едва прикрытый полу-

Мы усадились под навесом сарая, где хранились простые орудия труда корейского крестьянина, и продолжили нашу беседу.

Вокруг нас собралась группа крестьян, привлеченная разговором.

— Вас интересует, откуда у меня, полунцигера батрака, каким я был еще в 1945 году, взялись средства на постройку такого дома? Извольте, я вам расскажу, — сказал Ким Ён-нюр и с некоторым недоверием

Северная Корея. Литейный цех завода цветных металлов в Цинампо.

Представитель «Крестьянского союза» с гордостью сообщает нам, что Ким Ён-нюр первым в уезде начал и первым закончил посадку риса.

Закончив работу, Ким Ён-нюр выходит из воды, собирает свои немудреные принадлежности и направляется домой.

Мы идем вместе с ним по узкой сырой тропинке, выходящей между рисовыми полями, которые теперь принадлежат таким же крестьянам, как наш спутник. По пути мы просим Ким Ён-нюра рассказать о себе.

— Охотно расскажу, если только это может заинтересовать вас, — говорит, слегка смущаясь, Ким Ён-нюр, — потому что моя жизнь похожа, как две капли воды, на жизнь огромного большинства крестьян Северной Кореи.

Ким Ён-нюр родился в бедной крестьянской семье. Десять лет он проработал батраком-«арендатором»

истлевшими снопами рисовой соломы. Развалившийся забор, полуманная калитка, дыры вместо окон, черепки битой глиняной посуды, разбросанные в маленьком дворике, наглядно свидетельствовали, что это жилище покинуто хозяевами.

— Где же вы живете теперь? — любопытно спросили мы.

— А вот сейчас увидите, — с серьезной ноткой в голосе произнес Ким Ён-нюр.

Узкими деревенскими улицами, вдоль глухих глинобитных заборов мы вышли на центральную площадь деревни, прошли мимо длинного ряда строящихся домов и остановились подле крайнего. Это был совершенно готовый и уже обжитой дом, обнесенный невысоким аккуратным заборчиком.

— Вот мой новый дом, — с гордостью произнес Ким Ён-нюр и гордо распахнул перед нами калитку.

поглядел на нашего переводчика, как бы сомневаясь, сумеет ли он все точно перевести:

— После земельной реформы местный Народный комитет передал мне в собственность два гектара земли, конфискованной у помещика. Дни и ночи я трудился со своей семьей на рисовом поле. Жена болела малярией, но не переставала работать. Ведь мы знаем, что теперь нет помещика, который отберет у нас плоды нашего урожая. Мы работаем для себя, для своего народа. Мне удалось собрать в прошлом году с этих двух гектаров почти четыре тонны первосортного риса.

Я оставил для себя полторы тонны. Этого количества вполне достаточно моей семье на целый год. Около тонны я сдал своему государству, сохранил некоторый резерв на семена, а остальное продал. Вот откуда у меня взялись средства на

строительство дома, — закончил Ким Ён-нюр.

Дом был построен со вкусом и добротно. Чувствовалось, что его строили любовными руками, как строят люди, всю жизнь мечтавшие о таком доме.

Среди группы крестьян, с интересом слушавших нашу беседу, мы давно уже заметили сидевшего пестрого в стороне пожилого человека, одетого в рваную, запыленную одежду. Он был худощав, щеки его были глубоко втянуты, бронзовая от загара кожа лица покрыта глубокими морщинами. Что-то непередаваемое во всем облике говорило, что этот человек перенес большие лишения, возможно, голод, изнуряющую работу или болезнь. Его глаза, живые, темнокоричневые, как у большинства корейцев, смотрели печально.

Мы заинтересовались этим человеком, который по своему внешнему виду столь резко отличался от остальных крестьян.

— Это южанин, — коротко ответил представитель Народного комитета.

— Он пробирается из района Фузан в Южной Корее в провинцию Северный Хамген к своим родственникам, — пояснил один из крестьян.

Мы подошли к южанину и дружелюбно с ним поздоровались. Он робко поддал нам руку — узловатую руку старого труженика, покрытую выпуклыми твердыми жилами и мозолями.

— Так вот они какие, русские, о которых мы столько слышали, — сказал он, обратившись к нашему переводчику. Он долго пристально разглядывал нас.

Нам захотелось расспросить подробно о жизни его в Южной Корее, хотелось узнать, что привело

его сюда, хотелось узнать, как живут крестьяне за этой условной линией тридцать восьмой параллели, которая с востока на запад пересекает страну и как бы разделяет ее на два совершенно различных мира.

— В нашем селе, — рассказывал он, — тоже был Народный комитет. — Он организовался еще в августе 1945 года, когда Советская Армия разгромила японцев, а американские войска еще не высаживались в Южной Корее. В Народном комитете работали такие же крестьяне, как и я. (Он назвал несколько имен.) И наш Народный комитет, так же как и на севере, начал заботиться о простых тружениках-крестьянах. Он конфисковал землю японцев и корейских помещиков и собирался передать ее крестьянам. Но в скором времени, в октябре 1945 года, в наше село явился отряд корейской полиции из Фузана. Полицейские ворвались в помещение Народного комитета, выбили стекла, сожгли документы, избили и арестовали членов комитета. Многие крестьяне, принимавшие участие в общественной жизни, тоже были арестованы, другие вынуждены были скрыться. Вскоре после разгрома Народного комитета вернулись помещики и их управляющие. С помощью полиции у нас отобрали почти все продукты, и нам оставалось только умирать с голоду. Нам жилось все хуже и хуже. У меня умерли от голода жена и младший сын. Мне с двумя старшими сыновьями пришлось попрежнему работать на помещичьих полях. Месяц тому назад мы были вынуждены бросить свой дом и уйти, потому что есть совершенно было нечего. Вот до чего довели нас проклятые предатели Ким Ку и Ли Сын-ман!

Лицо старого крестьянина дышало ненавистью. Он замолчал.

То, что пережил этот человек, то, что переживают крестьяне Южной Кореи, понятно крестьянам Северной Кореи и вызывает у них сочувствие к своим братьям и душевную боль за них.

Расставаясь с Ким Ён-нюр, мы поняли, что все демократические преобразования, которые осуществлены Народным комитетом Северной Кореи, такие простые люди, как Ким Ён-нюр, будут защищать всеми силами.

Когда мы вернулись из Северной Кореи на родину, многие спрашивали, что больше всего нас поразило в этой стране.

Нас поразили не красоты природы, не экзотика, не дикая отсталость сельского хозяйства.

Самое большое и сильное впечатление произвел на нас народ, простые люди.

Этот народ прошел долгий и суровый путь рабства и угнетения и, дожив до часа своего освобождения, борется теперь за свое место под солнцем, за демократию, за свои законные права.

Нельзя разделить этот народ на северян и южан.

Нет северян и южан — есть единый корейский народ, который хочет мира и справедливости, который с надеждой смотрит вперед в свое будущее и твердо верит, что никаким реакционерам и поджигателям войны, обосновавшимся в южной зоне под покровительством американских военных властей, никогда не удастся вновь ввергнуть его в пропасть рабства и нищеты.

Корейский народ твердо верит в свое будущее еще и потому, что прообраз этого светлого будущего реально предстает перед ним уже сегодня в Северной Корее, в зоне ответственности Советской Армии.

Широки и многоводны реки Кореи. Одна из них — река Дайдога.

ЛЮДИ ЛЕЖАТ НА СКЛАДАХ

МАЙКЛ КУИН

Рис. Д. Дубинского

Прогрессивный американский писатель Майкл Куин знаком нашим читателям по его сатирической сказке «Золотые трубы племени ляп-ляп»¹. В фантастическом памфлете «Люди лежат на складах» писатель высмеял претензии американских дельцов с Уолл-стрита на мировое господство.

Мягкий белый дым ленивыми кольцами поднимался вверх от десятка сигар, образуя густое облако под панельным потолком зала. Он причудливо вился вокруг хрустального канделябра, принимая то одну форму, то другую, подобно беспокойным мыслям дипломатов, собравшихся в этом зале.

Глубоко погружившись в подушки кресел, представители десяти наций восседали в беспокойном величии. Складки на их брюках были остры, как дамасский кинжал, сорочки белы, как снег. Но мысли в их озабоченных головах были серы и измочалены, подобно изжеванным кончикам сигар у них во рту.

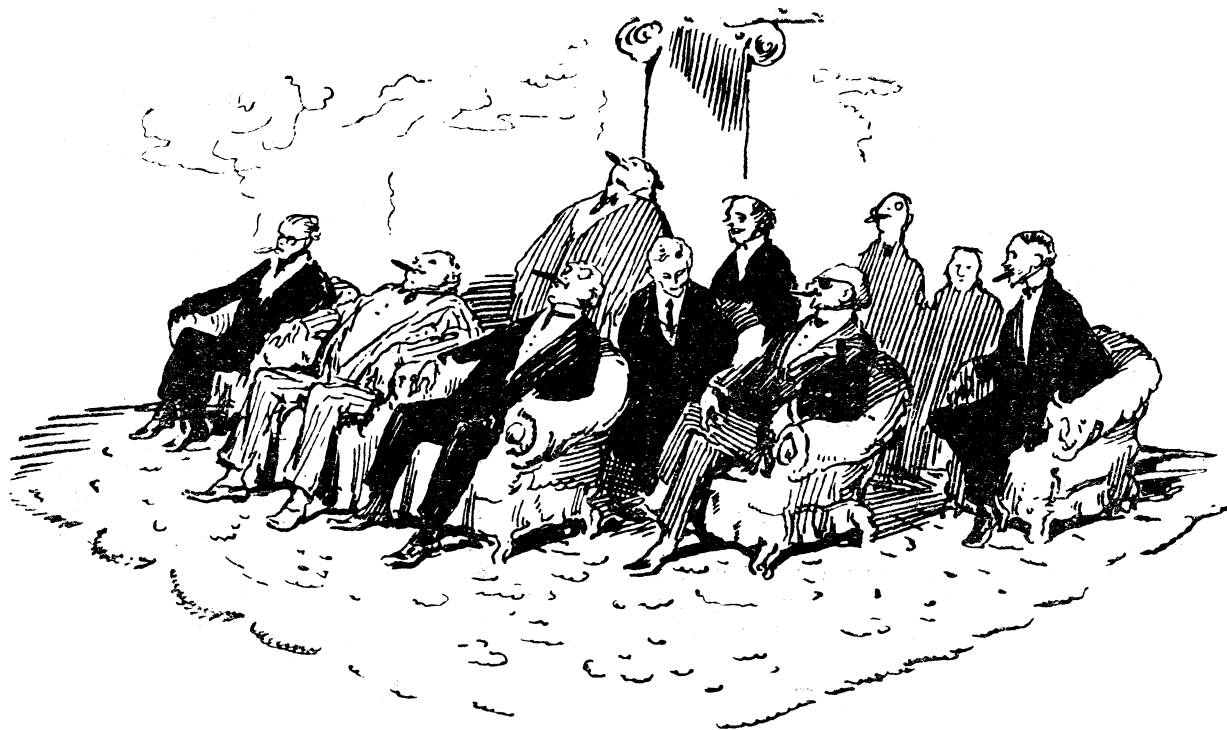
На трибуне перед этим высоким собранием стоял тщедушный маленький человечек, глаза которого были посажены так близко один к другому, что брови срослись в одно целое. Пенсне торчало на его вытя-

нувшемся худом носу, как безобразный сук с громадными крыльями. Казалось, этого человека не родила женщина: просто какой-то шутник окунул кусок изогнутой проволоки в мокрую глину и затем высушил свое неуклюжее творение на солнце.

— Господа, — начал маленький человечек, — вы собрались здесь, чтобы познакомиться с тайнами нашей экономической устойчивости. Вы приехали в нашу страну, чтобы увидеть собственными глазами наши успехи в построении прочного капиталистического общества. В то время как другие государства все глубже погружаются в лучину кризиса, мы с успехом разрешили все социальные проблемы и отыскали средство, дающее капитализму возможность спокойного существования.

В основном наш план покоится на древней формуле индусских игогов, на основании которой человеческие существа могут усыпляться на неопределенный период

¹ См. «Вокруг света» № 5 за 1947 год.

времени. Находясь в состоянии гипноза, люди не требуют ни пищи, ни тепла, ни какого-либо другого обслуживания. Поэтому они становятся более счастливыми, чем при нормальном пользовании своими умственными способностями и чувствами. Они могут оставаться в таком положении месяцы и годы без какого-либо серьезного вреда для их здоровья.

В этот момент один из иностранных дипломатов прервал оратора.

— Но ведь это все равно, что убить человека!

— Нисколько, — отвечал сморщенный маленький дипломат. — Наши врачи могут по первому требованию вызвать к жизни этих людей и опять поставить их у станков. Поэтому у нас нет безработных. Как только кто-нибудь очутится без работы, мы его искусственно усыпляем и отправляем на склад. На складах рабочих сортируют в алфавитном порядке согласно их профессий и способностей. Когда какому-нибудь промышленнику потребуются дополнительные рабочие, он отбирает их по карточке. Необходимое количество мужчин и женщин тотчас же выводится из состояния гипноза и их ставят на работу.

На случай войны у нас имеется свыше пятнадцати миллионов хорошо обученных людей, спряганных на складах. Их можно вызвать к жизни в любой момент.

— Это идеальная система! — воскликнул один дипломат. — Таким путем мы можем разрешить любые трудности!

— Не совсем так, — заметил оратор. — Способ этот страдает некоторыми недостатками. Есть затруднения,

которые невозможно разрешить. Когда мы ввели свой план в действие, у нас было два миллиона безработных, которых мы загипнотизировали и спрятали на складах. Благодаря этому мы имели возможность отменить все виды помощи безработным и снизить налоги на богатых. Но поскольку в результате этого мероприятия рынок уменьшился на два миллиона покупателей, то товаров стало продаваться меньше, и промышленники вынуждены были выбросить за ворота еще два миллиона человек. Эти два миллиона мы также загипнотизировали и упрятали на склады. Опять число покупателей уменьшилось и опять пришлось выбросить за ворота известное число рабочих.

В настоящее время более трех четвертей населения нашего государства загипнотизировано и спрятано на складах, и число безработных растет в количестве нескольких сот тысяч человек в месяц. Если дело будет идти так и дальше, то все население нашего государства в каких-нибудь три года очутится на складах.

— И что же вы предлагаете, чтобы выйти из этого положения? — спросил один из дипломатов.

— Мы всесторонне изучили этот вопрос, — сказал скрюченный человечек, — и пришли к выводу, что единственное решение его заключается в отыскании иностранных рынков для наших товаров. Наше собственное население не может потреблять все выпускаемые нами товары, потому что оно... спит на складах. И мы не можем разбудить его, потому что у нас нет работы.

Иностранные государства производят свои собственные товары и не желают ввозить к себе наши товары. В этом корень всей экономической проблемы. Если другие государства отказываются приобретать наши товары, то мы должны силой заставить их покупать. Мы должны объявить им войну! Наше государство разрешило у себя экономические проблемы путем гипноза. Но этого недостаточно. Необходимо разрешить экономические проблемы во всем мире. Тогда наша нация выполнит свою историческую миссию и освободит от чрезмерной перегрузки наши склады:

Перевод с английского П. Охрименно

ПУЛЬС ЗЕМЛИ

Инж. А. МОРОЗОВ

ЗЕМНЫЕ ВОЛНЫ

Есть сложный медицинский прибор для исследования пульса человека. Больной может спокойно спать, бодрствовать, метаться в орду, а из аппарата, соединенного с его постелью, все так же размеренно, медленно будет ползти узкая лента бумаги с черной кривой линией. В зигзагах этой линии глаз врача находит многое: весть о приближении катастрофы, надежду на выздоровление, вопль о немедленной помощи.

Разбросанные по всему телу земли сейсмические станции, подобны этому прибору: они улавливают тревожные биения «пульса» земного шара. Десять тысяч землетрясений в год — вот средняя частота этого пульса. Где-то далеко на Тихом океане родился новый островок, где-то пробудился давно заснувший вулкан, где-то в разверзшуюся бездну провалилась деревушка вместе со всеми своими жителями. Отголоски всех этих событий земные волны через весь мир доносят до сейсмологической станции и здесь оставляют свой автограф — кривые линии, записанные на бумажных лентах: сейсмограммы.

Сейчас мы в «штабе» сейсмической сети СССР — на станции «Москва». Вокруг — на севере, на юге, на востоке, на западе — несут свою вахту форпосты науки, иногда приближающиеся к наиболее угрожающим землетрясениями местам.

Здесь, в тишине, которую только подчеркивает еле слышная работа приборов, в полутьме, пронизанной тоненькими лучиками, пишущими на светочувствительной бумаге, невольно задумываешься о тех, кто всю свою жизнь посвятил изучению землетрясений, кто, задыхаясь от удушливого газа, лезет по склонам вулканов, приближается к потокам лавы, охотится за раскаленными камнями, как бомбы проносящимися над головой.

Почему один ученый прикован к изучению бабочек и жуков или к иному мирному и спокойному занятию, а другой весь поглощен страшными болезнями, вызывающими у остальных людей только содержание, химическими реакциями, каждую се-

кунду грозящими взрывом, вулканами, которые вот-вот выбросят дым, сгонь и расплавленную лаву?

Ответ порой лежит в давно забытых детских и юношеских мечтах или в событиях, сопровождавших развитие человека, когда он только начинал искать свой собственный путь в жизни.

Здесь, на станции «Москва», нельзя не вспомнить создателя приборов, улавливающих землетрясения, происшедшие на расстояниях многих тысяч километров, — академика Б. Б. Голицына. Он в детстве мечтал быть моряком и в первый раз отправился в море четырнадцати лет. Став взрослым, Голицын убедился, что судьба морского офицера — не его дорога. Он учился много, глубоко, сделался выдающимся физиком и математиком, научные заслуги которого признаны всем миром. Но океана, увиденного на заре жизни, он никогда не мог забыть, и огромные морские волны вдохновили Голицына на научный подвиг — на проникновение в тайны земных «твердых» волн — волн, бегущих по земному шару, когда он содрогается от внутренних катастроф.

СТАНЦИЯ «МОСКВА»

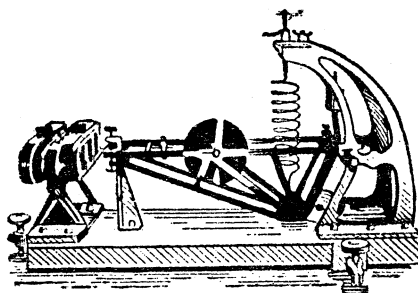
Необычайно тонкий экспериментатор, прославившийся своими работами в весьма важных и сложных отделах оптики, Голицын был поражен грубостью и примитивностью приборов, применявшихся при изучении землетрясений. И он создал свои сейсмографы, до сих пор не

знающие соперников и установленные на всех лучших сейсмических станциях мира.

Сейчас на станции «Москва» они чутко дремлют, эти приборы, готовые каждую секунду проснуться и записать все, что происходит в их бессменное дежурство.

Сердце сейсмографа — маятник. Но, в отличие от настоящего, это «сердце» всегда неподвижно. Когда все, качаясь на земных волнах, уходит в разные стороны, один только маятник по закону инерции остается на месте. Меняется лишь его положение относительно основания прибора, уносимого в ту или другую сторону, и это позволяет острее маятника считать точкой, от которой меряются колебания земли. Но как записать эти движения, как измерить сдвиги, равные тысячным и даже сотысячным долям миллиметра, как найти по записи приборов место землетрясения? Все это блестяще решил Б. Б. Голицын в своем телесейсмографе, который пишет самым легким, самым гибким инструментом — лучом света.

Превращение движений маятника относительно основания сейсмографа в колебания света Голицын выполнил гениально просто: на конец стержня маятника он насадил катушки проволоки, соединенные с очень чувствительным гальванометром, а против них на основании прибора поместил электромагнит. В катушках на маятнике сейчас, когда на земле спокойно, нет никакого тока, и неподвижно висит зеркальце гальванометра — легчайшая етеклянная чешуйка, на которую падает луч света специальной лампы. Крошечный «зайчик», отразившись от неподвижного зеркала гальванометра, падает на барабан со светочувствительной бумагой и чертит на ней линию, потому что барабан все время медленно вращается. Линия получается почти прямая. Но стоит какой-нибудь массе внутри земли «сойти с рельсов» и вызвать сотрясение почвы, тотчас же в катушках на маятнике, вследствие их перемещения около магнитов, появляется ток. Он попадает в гальванометр и поворачивает его зеркальце. Чем больше толчок, тем больше ток и тем резче поворот

Сейсмограф Голицына.

зеркальца гальванометра. Световая точка резко вздрагивает; глядя на оставленный ею на светочувствительной бумаге свет, можно судить о времени, силе и месте землетрясения. За пульсом земли следят три телесејсмографа.

Сейсмографы помещаются в глухом подземелье, в сейсмической камере, защищенные стеклянными стенками шкафа. Здесь термостаты наблюдают за строгим постоянством температуры, специальные приборы следят, чтобы влажность воздуха не превышала допустимой нормы.

Бетонный фундамент, на котором стоят сейсмографы, уходит глубоко в землю, чтобы лучше чувствовать содержание почвы. Каждый из трех сейсмографов имеет свою узкую специальность: один улавливает колебания, идущие с севера на юг и с

юга на север, другой рассчитан на обнаружение колебаний, приходящих с запада на восток и с востока на запад. Третий регистрирует вертикальные колебания. Электрические токи, вызываемые подземными толчками в катушках сейсмографов, направляются в другое помещение, где три гальванометра целятся своими зеркальцами в барабаны со светочувствительной бумагой.

Сейсмография совсем не сводится только к изучению бедствий и катастроф, происходящих на земле из-за ее внутренних перестроек, не согласованных с жизнью на поверхности. Она имеет огромное значение для всего народного хозяйства. Об этом удивительно образно и поэтически писал еще Б. Б. Голицын: «Всякое землетрясение можно уподобить фонарю, кото-

роль играет и экспериментальная база института — Центральная сейсмологическая станция «Москва». Множество землетрясений ежегодно регистрируют сейсмографы этой станции. Точность и быстрота работы ставят ее на первое место в мире.

Когда в ночь на 10 сентября 1940 года люди в Москве ощутили только слабые толчки и лишь на момент замерли маятники стальных часов, сейсмологическая станция «Москва» уловила целую подземную «бурю».

Уже через несколько минут работники станции определили очаг землетрясения. Он находился в Карпатских горах, на глубине 100 километров.

ДВЕНАДЦАТЫЙ БАЛЛ

Энергия, выделяющаяся при землетрясениях, колоссальна. Б. Б. Голицын и П. М. Никифоров подсчитали, что памирское землетрясение в 1911 году израсходовало энергию, которой хватило бы электрической станции мощностью в 630 тысяч лошадиных сил для непрерывной работы в течение 325 лет.

Для того чтобы судить о силе землетрясения по его проявлениям на поверхности земли, ученые создали двенадцатипольную систему. Первый пункт этой системы — «Микроскопические колебания, заметные только инструментам». Двенадцатый пункт формулируется совсем кратко: «Страшное бедствие».

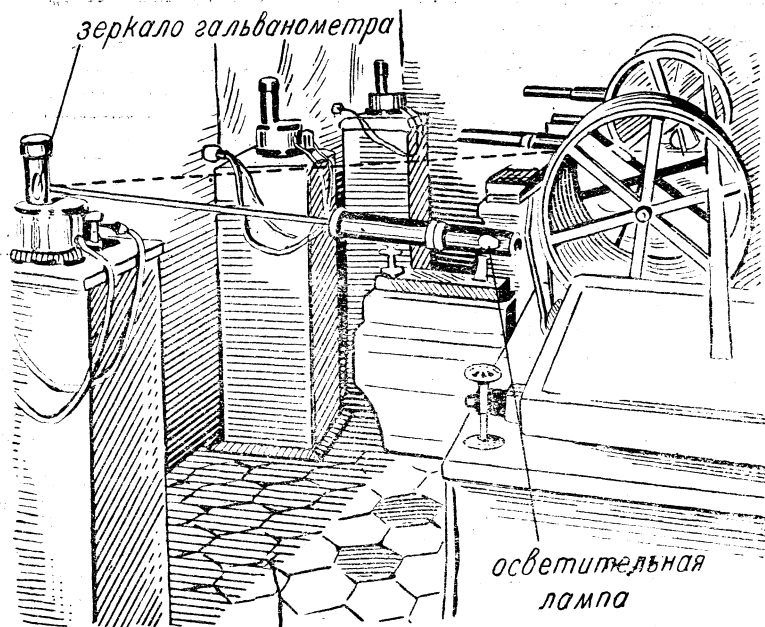
Только на большом расстоянии от очага «страшного бедствия» сейсмографы не выходят из строя и превращают судороги земли в «мертвые» землетрясения, в аккуратные и точные сейсмограммы.

Странное чувство охватывает человека, смотрящего на старые, пожелтевшие сейсмограммы — память уже забытых катастрофических землетрясений. Кривые, ломаные линии сейсмограммы оживают для него; он слышит их, как композитор слышит черные значки, нанесенные на нотную бумагу. Он слышит вопли людей, рев животных, скрежет железа и камней и мощный подземный гул.

Сквозь паутинные линии сейсмограммы он видит трещины в земле шириною в несколько сот метров, падение железнодорожных мостов, города, превращенные в груды строительного мусора.

И он знает, что, наверно, где-то недалеко от очага землетрясения подобную сейсмограмму начали и может быть, не кончили чертить сейсмографы Голицына, может быть, погибли вместе с людьми, ходившими вокруг них в туфлях на толстой войлочной подошве, чтобы не беспокоить delicate механизмы.

Есть и другие сейсмограммы, с которыми у нас связаны особые воспоминания. Вот сейсмические записи

Регистрационная комната сейсмической станции.

юга на север, другой рассчитан на обнаружение колебаний, приходящих с запада на восток и с востока на запад. Третий регистрирует вертикальные колебания. Электрические токи, вызываемые подземными толчками в катушках сейсмографов, направляются в другое помещение, где три гальванометра целятся своими зеркальцами в барабаны со светочувствительной бумагой.

В какой восторг, конечно, пришел бы Голицын, если бы увидел великолепную сейсмическую станцию «Москва!» Голицын свою сейсмическую станцию установил в Пулкове. Там исключительная чувствительность его приборов была причиной постоянных недоразумений: сейсмографы записывали сотрясения земли, вызывавшиеся ударами волн о берега Балтийского моря.

Только при советской власти удалось Пулковскую сейсмическую станцию перевести в Москву. В революционной России правительство не уделяло сейсмологии никакого вни-

рания. И тем, что Голицын был председателем Международной сейсмологической ассоциации, объединившей исследования в 22 государствах, и тем, что Центральное бюро этой ассоциации перед войной 1914—1918 годов было решено перевести в Петербург, — всем этим страна была обязана только научным подвигам и большим заслугам русских сейсмологов.

А между тем значение сейсмологии совсем не сводится только к изучению бедствий и катастроф, происходящих на земле из-за ее внутренних перестроек, не согласованных с жизнью на поверхности. Она имеет огромное значение для всего народного хозяйства. Об этом удивительно образно и поэтически писал еще Б. Б. Голицын: «Всякое землетрясение можно уподобить фонарю, кото-

рый зажигается на короткое время и освещает нам внутренность земли, позволяя тем самым рассмотреть то, что там происходит». Познание внутреннего строения земли, ключ к поискам полезных ископаемых, умение строить любые сооружения в местах, где по земле нередко пробегает лихорадочная дрожь, — вот что дает человеку сейсмология. Но только при советской власти эта наука получила должное развитие и позволила приумножить славу сейсмологов нашей страны.

В 1928 году, по инициативе ученика Б. Б. Голицына, Павла Михайловича Никифорова, в системе Академии наук СССР был создан Сейсмологический институт. Сейсмология получила свой научный центр, где собрались лучшие сейсмологи страны — и старые ученые, и талантливая молодежь. Сейсмологический институт Академии наук СССР скоро стал ведущей научной организацией в мировой сейсмологии. Огромную

1941 года: месяц за месяцем, день за днем, словно листы календаря, сейсмограммы все одинаковы. А эту сейсмограмму несгоревшую выпустил из рук только на 22 июня 1941 года. Ровно в этот день сейсмограф вдруг упирается в какой-то предел — так сейсмографы, с точностью до секунды, регистрируют взрывы тяжелых немецких фугасок. Такие взрывы, вызываемые бомбами, слишком быстры для сейсмографов, не справляющихся с записью их протяженности, а только отмечающих взрыв.

Катастрофические разрушения нередко затрудняют точное определение эпицентра сильного землетрясения — точку на поверхности земли, соответствующую положению истинного очага землетрясения внутри земли — гипоцентру. Нет ли, однако, и в этих случаях возможности находить эпицентр?

Такой способ поисков эпицентра без приборов дан Голицыным. Исследуя в своей лаборатории законы падения различных фигур при сотрясениях разной силы и направлений, Голицын указал, что они падают параллельно земным волнам, и если продолжить линии вдоль их осей до возможного пересечения, то в точке, где пересечется наибольшее количество таких линий, и будет эпицентр, от которого волны разбегаются в разные стороны. Этот способ в дальнейшем не раз позволял находить эпицентр катастрофического землетрясения.

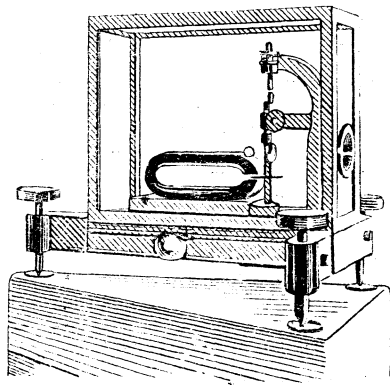
Однажды, когда сейсмографы в районе сильного землетрясения были выведены из строя, мнения ученых относительно его очага разошлись: одни предполагали, что очаг — в море, вблизи берега, другие утверждали, что он в пустынных горах. Но тут кто-то вспомнил о «фигурках» Голицына, которыми он пользовался, создавая искусственные «землетрясения» на своем столе. Подобные «фигурки» долго искать не пришлось: они в изобилии имелись на окрестных кладбищах — мраморные колонны, пирамиды. Осмотрев несколько пострадавших кладбищ, где памятники упали в определенном строгом порядке, словно их кто-то нарочно уложил так, ученые нашли эпицентр землетрясения в разрушенном городе. Это отсюда волны разбегались во все стороны, и направление их движения, а следовательно и его отправную точку, было легко определить.

ФОРПОСТЫ СЕЙСМОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Сейсмографы Голицына — это «дальнобойная артиллерия» сейсмологов. Но землетрясение очень важно изучать и поближе к его очагу. В Италии, где судороги земли — нередкое явление, были сконструированы сейсмографы с вертикальным маятником весом в несколько тонн. Примерно такие же маятники были и у немецких сейсмографов Вихерта — весом в сотни и тысячи килограммов.

Не верится, что эти громадные сооружения смог заменить крошечный прибор с массой... в 25 граммов вместо сотен и тысяч килограммов. В своем стеклянном домике сейсмограф похож на начатый и недоконченный электрический прибор, на лабораторную модель какого-то устройства. А в действительности — это изумительно точный и чувствительный инструмент науки. Его сконструировал Павел Михайлович Никифоров — первый директор Сейсмологического института Академии наук СССР.

Сейсмографы Никифорова устанавливались там, где люди постоянно живут с мыслью, что в любую минуту их может охватить мучительное тошнотное ощущение, что земля куда-то уходит из-под ног. Эти выносливые приборы чертят свои кривые там, где жителей по ночам будят самодельные «сейсмографы» — коло-

Сейсмограф Никифорова.

кольчики на маленьких подставках. Благодаря наличию надежных и точных приборов, которые можно приближать к самым очагам землетрясения, возникла широкая сеть региональных сейсмических станций — подлинных форпостов Сейсмологического института. Перед войной у нас было уже 27 сейсмических станций, регистрировавших каждый год до 2 тысяч землетрясений. Эти станции, находящиеся в непосредственной близости к эпицентрам землетрясений, позволили составить точную карту сейсмичности нашей страны и не только просто отметить те места, где пульс Земли бьется ненормально, но и примерно указать пределы тех ненормальностей, которые можно ожидать в данном сейсмическом районе. А это — самое главное. Строители, благодаря работам П. М. Никифорова и его сотрудников, получили «справочник по землетрясениям», — они теперь знают, как нужно строить в любом районе СССР, где бывают землетрясения.

Раньше строителей в сейсмических районах шутки ради можно было разбить на три группы: «паникеров», «беспечных» и «строителей картонных домиков». «Паникеры» все здания строили как цитадели, рассчитанные на самые страшные толчки и

удары. Такие постройки, вызывая иждившие дополнительные затраты, «беспечные» вообще не признавали землетрясений и сооружали обыкновеннейшие дома даже вблизи хорошо известных очагов подземных сотрясений. Были среди строителей и любители домов-«поденок». Они строили легчайшие домики, сделанные кое-как, чтобы, рассыпавшись на части, они причиняли меньше повреждений людям, и чтобы утрата самих зданий принесла минимальные убытки.

Наличие карты сейсмичности Союза и других указаний, собранных советскими учеными, требует теперь вполне определенных предупредительных мер в каждом сейсмическом районе. В некоторых городах Средней Азии уже не увидеть пятиэтажного дома: четыре этажа там законный предел инженерного риска. Не везде разрешается строить здания для больших промышленных предприятий с их подземными кранами, тяжелыми, высоко укрепленными балками.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

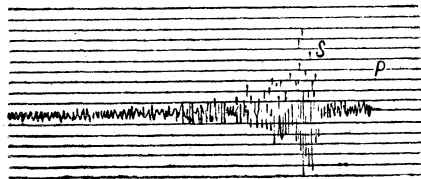
Б. Б. Голицын сравнил землетрясение со вспышкой фонаря, освещающего для людей внутренность земного шара. П. М. Никифоров много сделал для изучения недр земли при помощи искусственных вспышек этого фонаря — взрывов. Скорость распространения «земных волн» зависит от породы, по которой распространяются эти волны. Расставив на некотором расстоянии от очага взрыва сейсмографы и определив скорость, с какой колебания дошли до каждого прибора, ученые уверенно называют породы, лежащие глубоко в земле.

П. М. Никифоров с 1926 года занимался сейсморазведкой. Он конструировал аппараты, проводил экспедиции в районах, богатых полезными ископаемыми, — в Кривом Роге, на Кавказе. Теперь сейсморазведка стала у нас мощным средством в руках геологов, открывающих новые месторождения нефти, угля и других важнейших ископаемых, и Сейсмологический институт постоянно совершенствует и развивает этот метод «заглядывания» в недра земли.

МОЖНО ЛИ ПРЕДСКАЗАТЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ?

Никто не брался до сих пор предсказывать землетрясения. Такая задача вообще казалась совершенно фантастической. Но теперь намечается путь, обещающий весьма интересные результаты. Наблюдения подтверждают предположения, что подземным катастрофам предшествует наклон земной коры. Значит, во время обнаружив такой наклон коры, ученый имел бы возможность предупредить: «Берегитесь!» Но для того чтобы подробно изучить весь механизм землетрясений,

нужно вести постоянные наблюдения за деформацией земной коры на тех участках, где происходят частые и сильные землетрясения. Нужно исследовать при помощи чрезвычайно тонких геодезических измерений, как в этих районах совершаются медленные горизонтальные и вертикальные движения земной коры.

Сейсмограмма.

Средняя Азия, Памир стали постоянными объектами исследований Сейсмологического института. Его сотрудники отправляются в отважные экспедиции, живут в горах, день и ночь чутко прислушиваясь к бесполой пульсу Земли. Для этого они вооружены новыми, очень точными и чувствительными приборами, сконструированными в Сейсмологическом институте, например, эпицентральный сейсмограф. Эпицентральный сейсмограф Сейсмологического института можно ставить в самой непосредственной близости к очагу землетрясения, не боясь, что он откажет: лишь бы уцелел его фундамент.

Под руководством профессора В. Ф. Бончковского ведутся наблюдения в центре наиболее интенсивных землетрясений в Оби-Гармском районе в Таджикистане. Жизнь земной коры здесь открывается глазам человека особенно наглядно. Но тонкие и сложные приборы для лучшего улавливания пульса земли должны устанавливаться на коренных материковых породах — граните. Необходимо им и строгое постоянство температуры. Поэтому для них создается особое помещение — штольня — в сплошных гранитах глубиной в

45—50 метров. Региональные сейсмические станции, разбросанные в Средней Азии, — это настоящие форпосты науки, где ученые всегда находятся перед лицом врага — разрушительных подземных сил, начавших действовать миллионы лет назад. А когда они кончат свою работу, это пока еще никому неизвестно.

У КРАТЕРОВ ВУЛКАНОВ

Е великий русский ученый И. И. Мечников всю свою жизнь работал бок о бок со смертью. Уже совсем старым, он отправился в экспедицию в охваченный чумою район и бесстрашно стоял на краю могилы, из которой отважные исследователи извлекали для изучения трупы людей, погибших от чумы, чтобы установить, как долго сохраняются живыми чумные бактерии. Многие русские врачи сознательно заражались опаснейшими болезнями, чтобы на самих себе изучить течение заболевания, испытать новые лекарства. Опасности ни на минуту не останавливали Миклухо-Маклая, который один жил среди папуасов. Пржевальский чувствовал, что ему не вернуться из последнего путешествия, но все же шел вперед.

Мужество — характерная черта ученых нашей страны. И этому мужеству в немалой степени обязаны успехи советской вулканологии — самого опасного отдела геологии.

«Фонарем», освещающим внутреннюю жизнь Земли, открывающим взору человека ее сокровища, служат не только землетрясения, но и вулканы. Для геолога вулкан — словно глубокая колба, горло которой выходит на поверхность земли, а дно на огромных глубинах нагревается пламенем невероятной температуры. Нужно большое мужество, чтобы заглядывать в такие «колбы», и немало ученых за это поплатилось жизнью.

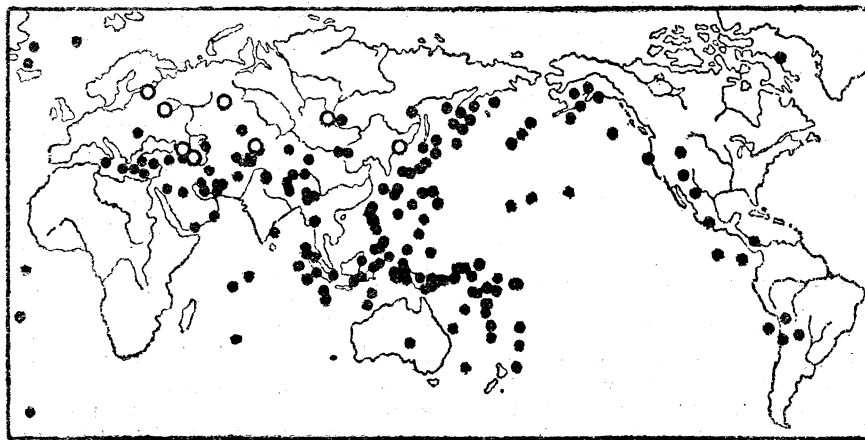
Академик Александр Николаевич Заварицкий к сорока семи годам был

уже одним из известнейших геологов нашей страны. Он руководил исследованиями месторождения горы Магнитной. Его выводы, касавшиеся геологии этого месторождения железа на Урале, имели огромное значение для изучения геологии Урала вообще. В 1915 году А. Н. Заварицкий был избран геологом Геологического комитета, и его работы сыграли большую роль при выявлении запасов минерального сырья, оказавшегося дефицитным в войну 1914—1918 годов. Особенного расцвета деятельность А. Н. Заварицкого достигла при советской власти. Трудно назвать уголок нашей страны, где не побывал бы ученый. Он дает консультации разведчикам в Крыму, в Туркестане, на Кавказе. Он помогает добывать для родины все необходимые и полезные ископаемые, указывает пути к новым месторождениям меди, золота, платины, к подземным «кладовым» драгоценных камней. Александр Николаевич Заварицкий стал выдающимся специалистом в области петрографии — науки, занимающейся минералогическим составом горных пород.

Но вот сорокасемилетний ученый во время своих петрографических работ сталкивается с явлениями, требующими глубокого изучения вулканизма. С вулканической деятельностью связано горообразование, возникновение многих накопленных элементов, образующих ценнейшие месторождения полезных ископаемых. Изучение древних потухших вулканов дает геологу чрезвычайно важные сведения о внутренней структуре вулкана, его строении, составе, количестве различных горных пород, истории вулкана, написанной последовательными слоями в его конусе. Но изучение мертвого вулкана — то же самое, что изучение мертвого организма. Понять прошлое нашей Земли, древние вулканические явления и научиться пользоваться этими знаниями, чтобы успешнее находить и извлекать сокровища земли, можно, только заглянув в действующий, «живой» вулкан, проникнув в эту грандиозную лабораторию природы.

Александр Николаевич оставляет Ленинград, аудиторию и лабораторию Ленинградского горного института, где он заведывал кафедрой петрографии, и отправляется в единственный в те дни уголок нашей страны с действующими вулканами — на Камчатку.

Суровый край этот является словно «заповедником» вулканов. Около двух десятков из них еще действуют, а потухших — больше сотни. Ключевская сопка на Камчатке — один из величайших вулканов мира, почти 5 километров высоты. Этот самый активный из вулканов Камчатки имеет удивительно правильную конусообразную форму, с вершиной, постоянно блещущей ослепительно-белым снегом. Младшим «братом» грозно рокочущего вулкана является Авача, высотой около 3 километров. Исследованием этого

Маленькие черные кружки этой карты указывают распределение очагов землетрясения на земном шаре. Кружки большого размера, с черной обводкой, — обозначают расположение восьми главных телсейсмических станций СССР.

вулкана и занялся А. Н. Заварицкий в 1931 году.

Действующие вулканы всегда как будто стремятся создать вокруг себя запретную зону, чтобы не подпускать любопытных. Удушающие газы, горячие водяные пары, вылетающие, словно ядра, раскаленные каменные бомбы. Но чем активнее действовал вулкан, тем больше радовался А. Н. Заварицкий. Его первая экспедиция на Камчатку оказалась исключительно удачной. Он подробнейшим образом изучил структуру вулкана, его газы, отложения, лавы. А. Н. Заварицкий во время своей экспедиции пришел к выводу, что отдельных посещений учеными камчатских вулканов недостаточно. Надо организовать здесь постоянный центр для наблюдения за деятельностью «подземной лаборатории». И скоро возле грозной Ключевской сопки возникла Камчатская вулканологическая станция Академии наук СССР. Директором станции со дня ее основания является А. Н. Заварицкий.

Эта лаборатория, прислушивающаяся к пульсу Земли, нередко так оглушительно бьющемуся здесь, изучает газы вулкана, исследует его горные породы, ведет наблюдения за чудесными горячими источниками Камчатки — гейзерами. Непрерывные наблюдения за Ключевской сопкой позволили за семь лет точно предсказать извержение вулкана в 1945 году. Подобное научное событие не известно в истории вулканологии.

Сурова, но необыкновенно увлекательна жизнь вулканологов на Камчатке. Пять лет провел один на Вулканологической станции Борис Иванович Пийп. Он сам вел все наблюдения, делал все исследования. В 1945 году во время извержения Ключевской сопки громадная туча появилась на высоте 15 километров над уровнем моря. В ней ослепительно вспыхивали молнии, грохот страшных взрывов был слышен на расстоянии 250 километров. Началось землетрясение, доходившее до 4—5 баллов. На склоне вулкана прорезалась новая глубокая щель, по которой огненной рекой, длиной в 3 километра, текла лава. Потоки грязи и воды растекались на 30—35 километров.

Обжигаемый горячим воздухом, с трудом переводя дыхание, Б. И. Пийп стремился как можно ближе подойти к необыкновенно опасным объектам наблюдений. Это требовало предельного напряжения нервов, всех сил организма. Но зато Б. И. Пийп собрал богатейший материал, помогший раскрыть многие тайны Ключевской сопки. Это грандиозное извержение вызвало особый интерес к вулканам Камчатки. Большая комплексная аэровулканологическая экспедиция на этот полуостров, по территории своей примерно равный Италии, осуществленная в 1946 году, была исключительно успешна благодаря руководству А. Н. Заварицкого. На самолете

Вид сопки Корады с юга.

из Москвы вылетели ученые самых различных специальностей, и на Камчатке им всем нашлась работа. Одни из путешественников ездили на катерах и лошадях, взбирались на вулканы, изучали природу полуострова «вплотную». Другие производили наблюдения и аэрофотосъемку с самолета. Они сделали до четырех тысяч снимков и установили закономерность в распределении вулканов в связи с геологическим строением Камчатки.

Чтобы изучить паразитные кратеры Ключевской сопки, А. Н. Заварицкий поднялся с несколькими другими учеными на склоны вулкана. Свыше двух недель участники этой экспедиции жили в палатках. Дождь, снег, отравленный дыханием вулкана воздух мучили исследователей. По ночам возле утлых парусиновых домиков слышалась возня камчатских медведей.

Академик Вернадский как-то сказал одному очень молодому научному работнику, присмотревшись к его рутинным, слишком осторожным способам работы: «Да вы гораздо старше меня!» А разница между их возрастными была лет в пятьдесят...

Какой прекрасный пример юношеской неутомимости в научном труде дает А. Н. Заварицкий, академик, лауреат Сталинской премии, отважный исследователь вулканов!

Камчатская экспедиция выбрала места для сейсмических станций, она составила новую схему сейсмического

районирования Камчатки, необходимую для жилищного и промышленного строительства. Эта интереснейшая экспедиция вулканологов позволила сделать важные выводы о движении земной коры на побережье Тихого океана, о том, что происходит в глубинах Земли, и закономерностях вулканических явлений на Камчатке и вообще на Советском Дальнем Востоке.

Лишь недавно ученым стали известны так называемые глубокофокусные землетрясения, вызываемые явлениями, происходящими в земле на глубине 100—600 километров. Открытие этих землетрясений имеет громадное значение для понимания строения верхних частей земного шара. Камчатка и Курильские острова, где еще действует вулканизм и движется земная кора, принадлежат к немногим местам на земле, где есть эпицентры глубокофокусных землетрясений.

* * *

В Москве, Ленинграде, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, на Камчатке и Курильских островах и во многих других местах советские ученые исследуют «пульс Земли». И, основываясь на истории сейсмологии, на блестящих успехах советских сейсмологов и вулканологов, можно смело сказать, что в изучении глубочайших недр земли ученые нашей страны будут попрежнему идти впереди других исследователей.

Вид сопки Кроноцкой с северо-востока.

СТАРШИЙ СУДЬЯ

(Из рассказов охотника)

М. ПРИШВИН

Рис. Н. Витинга

Люблю я собак! Первое — люблю, конечно, охотиться и держу их для охоты, а еще — и это может быть даже больше охоты: люблю поговорить с ними, посмеяться, поиграть и, как говорят, «отвести душу»... Но выставлять своих собак я не люблю. Почему? Вот об этом я и расскажу...

Однажды назначили выставку собак, и мне позволили из охотничьего общества, что выставлять необходимо.

Ну если так, — делать нечего! Привожу свою Нору.

Небольшая собачка эта Нора, величиной с зайца, на коротких ногах, и хвостик обрублен, а уши длинной сеттеровых, и, если голову держит пониже, уши метут пыль на землю. Во время кормления надеваем колючку из старого чулка, и оно подхватывает уши и не дает им валиться в миску. Псовина у Норы сеттеровая, густая, волнистая, черная с белым, ножки в белых чулочках. На охоте у нас она годится только для уток, вытуривает их из тростников, приносит убитых, вылавливает подранков.

Смешна и мила эта собачка своею важностью: идет — от земли не видно, а — сеттер, настоящий сеттер! Из человеческих свойств у нее замечательная память на адреса, и, говорят, в Лондоне эта собачка, спаниэль, водит за собою слепых на веревочке.

Привожу я свою Нору на выставку. За столиком сидит, регистрирует известнейший у нас главный судья охотничьих собак.

— А. А., — говорю, — не хочется мне свою Нору показывать, — если можно, зарегистрируйте и отпустите.

— Бульдожника явственная, — сказал он.

— Это почему? — отвечает. — Чумы боитесь? Не бойтесь! У нас на выставке все предусмотрено.

— Не чумы боюсь, а стыдно сказать: чужого глаза боюсь, — сглазят.

Он откинулся назад, поглядел на меня, как глядят русские люди, когда догадываются, что собеседник задумал немного подурочиться, и принялся хохотать, приговаривая:

— Ох, уж эти мне охотничьи писатели!

Отсмеявшись, он положил мне руку на плечо и ладонью по шее потрепал, как лошадей треплют: любовно, с улыбкой дружбы. И указав на мою спаниэльку, сказал:

— Золотая медаль! Я вам ручаюсь: такой другой сучки нет в городе, ей обеспечена золотая медаль. Я это вам как старший судья говорю.

Вот подумайте теперь, как тут совсем отказаться от суеверия? В этих собачьих золотых медалях нет ни малейшей частицы золота, это просто бумажка, на которой только слова. Но довольно было произнести слово «золото», чтобы какой-то яд вошел в меня. Яд вошел в меня в один миг и начал соблазнять меня. Мне вдруг ужасно захотелось получить золотую медаль. Но я знал один тайный порок Норы и сказал:

— Не получит Нора золотую медаль, — у нее бульдожника.

А. А. наклонился к Норе, огладил ее осторожно, умело развел ей губы и потемнел в лице: зубы нижней челюсти у Норы выступали вперед, а верхние зубы заходили за них.

— Бульдожника явственная, — сказал он.

— Так отпустите же меня, как я вас просил. За чем мы будем выставлять собаку с бульдожничкой?

Он побыл немного в задумчивости, с темным лицом. Но трудно такому светлому русскому человеку, такому чистому охотнику долго оставаться с темным лицом. Вдруг молния прорезала тьму, и чистое здоровое лицо его, как природа, обновилось после грозы.

— Отчего же не выставлять? — сказал он. — Не я буду сегодня спаниэлей судить, а судьи наши, может быть, и проглядят.

С великим изумлением и смущением я поглядел на него...

Лет тридцать уже я знаю этого человека. Он живет за городом. У него жена — одна на всю жизнь, всегда с ним, несколько замечательных собак, есть гитара и краски. Пишет он исключительно собак и охотничьи сцены. Сбывает картинку в охотничьи магазины. Как

И я повел.

кая корысть такому совершенно независимому судье кривить душой на собачьих судах? Мало того! Сам я, когда пишу свой охотничий рассказ, влияя между правдой и выдумкой, как в море между волнами, гляжу всегда на А. А., как на маяк. И вот теперь этот-то мой маяк явно ведет меня на скалу.

Он же, видя мою растерянность, подмигнул и сказал: — И очень просто, что бульдожинку они проглядят. Собака, такая очаровательная, такого превосходного экстерьера: про мелочь такую и не вспомнят. Обрадуются — и проглядят. Получите медаль! Ведите!

И я повел.

Это была длинная широкая аллея среди собак разных пород. Была там низенькая каракатица-такса, длинная, на кривых ножках, была огромная борзая, с белой расчесанной шелковой псовиной, с бархатным голубым, шитым золотом ошейником, был дрожащий, как часовая пружинка, голенький черный пойнтер, был здоровый рыжий ирландец, и волшебная балерина, самка лаверака, и пуделя были, остриженные подо львов и под дам со шлейфами. Возле страшных кавказских сторожевых собак собрался народ. Разговоры и споры тут были всякие.

— Для чего у них глаза скрываются в кустах: глаз вовсе не видно, как вы думаете, для чего?

Интересный вопрос привлекает многих; никто ничего не знает по книгам, каждый старается догадаться по себе и нисколько не гнушается сравнивать свою человеческую душу с собачьей.

— По-моему, — сказал один из любителей, — кусты на глазах, как и всякие кусты: прохожий думает — куст, а там в кусту глаз наблюдает за ним. Сторожевая собака!

Так везде идут разговоры, и все не по книгам, все по себе..

— Мы пришли с моей Норой к рингу. Тут были уже все спаниэли со своими хозяевами в ожидании судей. Посмотрев на моих конкурентов, я почувствовал в себе ласковое сердце: ни одной мало-мальски даже подходящей для сравнения с Норой собаки не было. И что тут говорить, каждый из нас спортсмен в чем-нибудь: каждый ищет хоть в чем-нибудь установить свое первенство. Как я тут это чувствовал, и повторял про себя слова старшего судьи: «Золотая медаль обеспечена!»

Пришли судьи: два великана и один маленький, все незнакомые. Нас пригласили на ринг; мы попросили собак к левой ноге и пошли друг за другом по рингу кругом. Все судьи, как глянули на мою Нору, так и не отводят от нее глаз..

Радуйтесь, охотники, радуйтесь, дорогие собачники, радуйтесь, все чудесные люди, сумевшие сберечь в себе до старости наше золотое детство. Был я угрюмый себялюбец, сберегавший свою красавицу от чужого глаза и презиравший выставки! Пожалуйте, глядите, вот он перед вами с седеющей бородой ходит по кругу, водит маленькую собачку и никак не может скрыть от людей своего счастья в борьбе за первенство.

Судьи глядят только на одну Нору, забегут вперед — и глядят, отстанут — и глядят сзади; один великан стал на колени, другой, маленький, даже и лег.

Но самое главное в этом счастье было, что я и забыл про бульдожинку: как будто ее вовсе не было или как будто само собою выходило в движении славы, что раз уже свет заметил красавицу, то тут же и простил ей эту бульдожинку.

Судьи вдруг перестали смотреть на мою Нору и делать отметки в своих судейских журналах.

Они собрались все кучкой, и маленький судья махнул мне рукой в том смысле, что я могу уходить.

— ...судьи-то, судьи какие, а?

Мне оставалось сделать несколько шагов до массы людей, гуляющих по широкой аллее. Две-три секунды — и толпа бы меня поглотила, и я исчез бы от суда в толпе, как рыба в воде. Но мне сказали: «Вас зовут!» Я оглянулся и увидел: все судьи руками звали меня обратно к себе.

— Нет! Нет! Положи руку на сердце, я и сейчас после всего благословляю этот великолепный путь к славе и верю, что чистого человека он может подвести к самым звездам. В своем падении я сам виноват, что поддался соблазну...

Судьи мне сказали:

— Надо посмотреть пасть.

И только посмотрели...

Так вот вынимают билет и проваливаются на экзаменах: век проживи — и все будет сниться, как вынул этот проклятый билет. Но в конце-то концов ведь сам же виноват, что не выучил...

Всю досаду свою, конечно, я перенес на А. А.: за чем он вовлек меня в это дело, зачем?..

С трудом я нашел его на выставке. И он, сияющий здоровьем, готовый обнять меня и поздравить, спросил:

— Ну как, проглядели?

— Совсем было проглядели, — сказал я, — но под конец...

— Заметили? — радостно загораясь, воскликнул он. — Неужели заметили?

— Вы меня подвели...

— Ну, милый, — похлопал он меня по затылку ладонью, — о каких пустяках вы говорите — а судьи-то у нас какие! Что из того, что мы не получим медали, — судьи-то, судьи какие, а?..

И тут вот только и понял я, зачем это мне тогда подмигнул старший наш судья собак: это старший судья так сговаривался со мной на испытание маленьких судей; и когда оказалось — судьи хорошие, то действительно стоило ли печалиться, что я потерял золотую медаль?

В музеях и архивах Ленинграда

В дни Великой Отечественной войны немцы в числе других ценностей похитили в городе Пушкине (бывшем Царском Селе) знаменитый «Готторпский глобус», принадлежавший Петру I и вначале помещавшийся в Кунсткамере. Глобус этот найден в Любеке и возвращен в Ленинград. Теперь он находится в Эрмитаже. Глобус сделан из меди. Он представляет собою шар диаметром в 3,5 метра. Внутри глобуса по его окружности устроены скамьи, на которых может поместиться десять человек. Перед скамьями стоит маленький глобус, на котором выгравированы моря и материка. На верхней внутренней поверхности глобуса изображена небесная сфера. При помощи часового механизма глобус в течение суток делает полный оборот вокруг своей оси.

* * *

«Дедушка русского флота» — знаменитый ботик Петра Великого, хранящийся ранее в «Ботном домике» Петропавловской крепости, перевезен в Центральный военно-морской музей.

В «Ботном домике» организуется выставка «История Петропавловской крепости». На выставке будут представлены многочисленные архивные материалы, редкие гравюры, литографии, подлинные вещи, которыми пользовались политические узники крепости, исторические реликвии, связанные с государственной деятельностью Петра I. Расширится также экспозиция Трубецкого бастиона. В нескольких камерах восстанавливаются предметы тюремного обихода и подлинная обстановка, окружавшая заточенных в крепости революционеров.

* * *

Всесоюзный Ломоносовский музей создается в Ленинграде, в помещении бывшей Кунсткамеры. Для музея изготовляется макет химической лаборатории, в которой два века назад работал М. В. Ломоносов. Здание Кунсткамеры восстанавливается и будет выглядеть так, каким оно было в 1747 году, до пожара, уничтожившего башню, где помещалась астрономическая обсерватория.

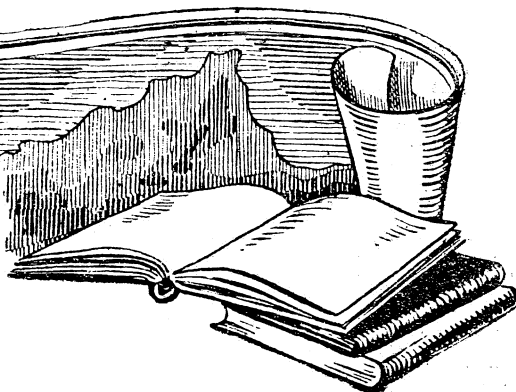
* * *

В Эрмитаже поступил клад монет, найденный в нише одного из разрушенных старинных зданий Смоленска. В кладе около 400 русских серебряных монет конца XVI и начала XVII веков, чеканки времен Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского. Клад был захоронен в начале царствования Василия Шуйского, приблизительно в 1606—1607 годах.

* * *

Вновь открылся Горный музей при ленинградском Горном институте, не действовавший в годы войны. Восстановлены отделы минералогический и горнотехнический. В минералогическом отделе сосредоточены редчайшие коллекции, собранные в Горном институте в течение почти 175 лет его существования и значительно пополненные в годы советской власти. Со всех концов страны присылают сюда свои находки наши геологические экспедиции. Многие из десятков тысяч экспонатов-минералов носят уникальный характер.

МАСТЕР КАРТ И ЛОЦИЙ

В. ПОКШИШЕВСКИЙ

Словно пойманные в сетку параллелей и меридианов лежат на поверхности глобуса океаны и материи. Вода vastыла голубыми пятнами, суша раскинулась зеленью низменностей, желто-бурыми красками равнин и предгорий; темнокоричневыми жирными полосами прочертились хребты гор, на которых наиболее высокие точки покрыты вечными снегами и глетчерами, резко выделяются белыми пятнышками. Знакомая каждому школьнику палитра красок географической карты! Мы привычно смотрим на примелькавшуюся мозаику зеленых и коричневых красок и знаем, что краска отмечает высоту; поэтому и карта зовется гипсометрической. Но мы редко задумываемся над тем, как эта карта создана, какое бесчисленное число нивелировок, триангуляций, барометрических определений высот сконцентрировано в этой знакомой с детства пестроте. Сложен труд картографа, и много надо приложить мастерства, чтобы рельеф страны наглядно встал перед нами с листа карты, без которой сейчас нельзя представить себе никакую географическую работу.

Суша занимает только 29 процентов поверхности Земли. Если нас спросят, какого цвета глобус, придется ответить: голубого. Голубая краска сгущается над пучинами, становится светлой и прозрачной на мелководьях. Не видим рельеф морского дна, но люди изучили его. На первый взгляд море как будто одинаково. Но специальные морские карты раскрывают в нем картину течений и приливов, колебания осленности, температуру разных слоев воды, географию своеобразного животного и растительного полярного мира. На эти карты наносят движения айсбергов и границы полярного пака, пасаты и муссоны, области туманов, угрожающих кораблям, и полем штилей, где могут надолго задержаться парусники. Океанография — важнейшая и обширная отрасль географии — «заведует» 71 процентом поверхности Земли, и морские карты (и общие и специальные) являются плодом сложной и большой работы океанографов.

Если бы пришлось вкратце охарактеризовать труды долгой жизни Юлия Михайловича Шокальского, мы могли бы сказать: это был замечательный русский географ и картограф, работавший главным образом в области мировой и отечественной океанографии, гидрометеорологии, гипсометрии нашей страны. Долгое время в России не выходило ни одной физико-географической карты, ни одного атласа, при составлении которого не были бы использованы труды Шокальского. Шокальский создал русскую и советскую океанографию, много поработав, в частности, в области изучения наших полярных морей. Десяти лет руководя Географическим обществом, Шокальский много сделал, чтобы выдвинуть русскую и советскую географию

на ведущее мировое место, не раз с честью представляя нашу науку на международных конгрессах — географических, гидрометеорологических, геодезических, полярных, статистических, мореходных... Несколько поколений географов видело в Ю. М. Шокальском своего учителя. Шокальский был видным ор-

ужденная Керн — вернулась в родное гнездо в селе Тригорском, где жила у своей кузины М. И. Осиповой. В двух верстах отсюда было пушкинское Михайловское, и младший сын поэта, Г. А. Пушкин, бывал здесь частым гостем. Он охотно брал маленького Юлиа с собой на охоту и стал его большим другом. Детство в покровской деревне зародило в душе впечатлительного мальчика ту любовь к природе, которая прошла через всю его жизнь натуралиста-географа.

В 1873 году юноша Шокальский поступил в Морское училище в Петербурге. С этого момента и до 1930 года, когда ему исполнилось 74 года, Шокальский состоял на действительной морской службе в списках русского флота. За Морским училищем последовала Морская академия.

Дружная семья моряков русского флота дала немало выдающихся географов; неудивительно, что Ю. М. Шокальский легко нашел себе место среди работников ученых морских учреждений, где его замечательные способности сразу получили полное признание и высокую оценку. Ю. М. Шокальскому пришлось сталкиваться и работать со многими выдающимися представителями славной плеяды русских географов и натуралистов. В 1881—1882 годах молодой моряк заведует отделением морской метеорологии на Главной геофизической обсерватории под руководством виднейшего метеоролога и магнитолога Г. И. Вильда. В 1882 году Шокальский становится членом Географического общества, которое с этих пор стало его родным домом. Здесь он встречается и работает с такими выдающимися людьми, как П. П. и В. П. Семеновы-Тяньшанские, А. И. Воейков, И. В. Мушкетов, А. А. Тилло, Л. С. Берг, В. Л. Комаров. После смерти П. П. Семенова-Тяньшанского Шокальский становится руководителем общества. В дальнейшем его труды были увенчаны многими почетными дипломами, званиями и премиями, которые ему присуждали научные учреждения, академии и географические общества всего мира. В 1939 году Академия наук СССР оказала Ю. М. Шокальскому высокую почесть, избрав его своим почетным членом.

Работа в военно-морских ученых учреждениях и преподавательская деятельность приковывали Шокальского к Петербургу и не давали ему возможности выезжать в длительные экспедиции. Однако неправильно думать о Шокальском лишь как о кабинетном ученом, организаторе географических изысканий, которому самому не пришлось вести исследовательской работы в поле или на талубе гидрографического судна. Тех экспедиционных работ, которые Шокальскому все же удалось провести лично, выры-

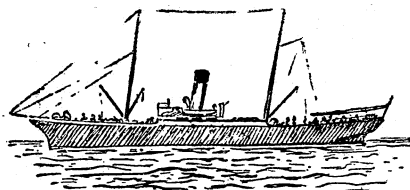
Ю. М. Шокальский (1856—1940).

ганизатором географической науки, вдумчивым ученым, замечательным педагогом.

* * *

Юлий Михайлович Шокальский прожил большую и счастливую трудовую жизнь. Он родился в 1856 году — за пять лет до отмены крепостного права, а умер в 1940 году, на восемьдесят четвертом году жизни.

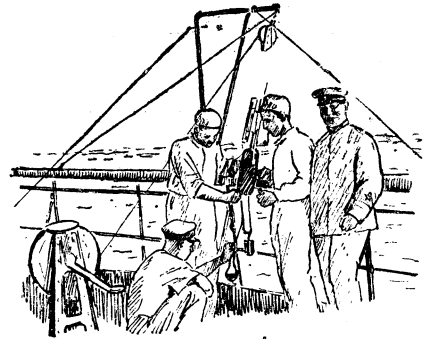
Детство Шокальского прошло в «пушкинских местах» и было овеяно памятью о великом поэте. Отца он потерял четырех лет, и мать его —

«Первое мая» — одно из судов черноморской экспедиции, которой руководил Ю. М. Шокальский.

вая время между лекциями, конгрессами и службой в научных учреждениях, с лихвой хватало бы, чтобы наполнить биографию любого географа, прожившего не такую долгую и не такую напряженную жизнь. В 1890 году он провёл большие экспедиционные работы на Вычегде, в бассейне Верхней Камы и на притекающих к ней сибирских реках, имевшие целью исследовать условия создания нового транспортного выхода из Сибири. В 1897—1903 годах он сумел провести несколько экспедиций на Ладожское озеро, давших ценный материал по озераведению (в частности, было детально изучено распределение температур воды в разных слоях). Начиная с 1904 года, в связи с работами по гипсометрии Европейской части России, Шокальский подробно исследовал «в поле» рельеф Самарской луки, Московской и Воронежской губерний, многих районов Украины и т. п. Наконец в 1923—1928 годах Юлий Михайлович удалось осуществить свою давнишний мечту — провести детальные экспедиционные работы по Черному морю. Черноморская экспедиция является классической в истории океанографии; она дала исключительные по полноте и богатству материалы, собранные и обработанные с применением совершенной аппаратуры и новейших методов глубоководных исследований. Организуя эту экспедицию, увенчавшую его океанографические работы, Шокальский следовал славным исследовательским традициям русского флота: экспедиция 1923—1928 годов как бы продолжила изучение Черного моря,

начатое в 1881—1882 годах другим замечательным моряком-географом — С. О. Макаровым. В постановке этих работ ярко проявился патриотизм Шокальского. Руководство этими работами, для которых объединились ученые-моряки Гидрографического управления ВМС, гидрологи и гидробиологи Академии наук и сотрудники Военно-морской академии, было ответственным делом. Работы велись и в море (на нескольких кораблях), не считаясь подчас со штормами, и на береговых станциях и охватили все сезоны. Научные результаты экспедиции были очень велики. Черное море представляет собой своеобразный и необычайно интересный географический объект. Богатая органическая жизнь прослеживается здесь лишь до глубин примерно в 200 метров — вышележащие слои воды почти лишены жизни. Загадка эта разъясняется химизмом вод Черного моря, подробно изученным экспедицией Шокальского: только верхние слои воды богаты кислородом, в глубине вода насыщена сероводородом. Экспедиция подтвердила ранее сделанные С. О. Макаровым выводы о «механизме» водообмена через Босфорский пролив: тяжелая соленая вода поступает в Черное море по дну этого пролива, а легкая и менее соленая образует поверхностное течение из Черного моря в Мраморное. После работ Шокальского эти выводы предстали в гораздо более полном и уточненном виде. Замечательными были достижения экспедиции Шокальского в части получения проб грунтов дна; удалось извлечь со

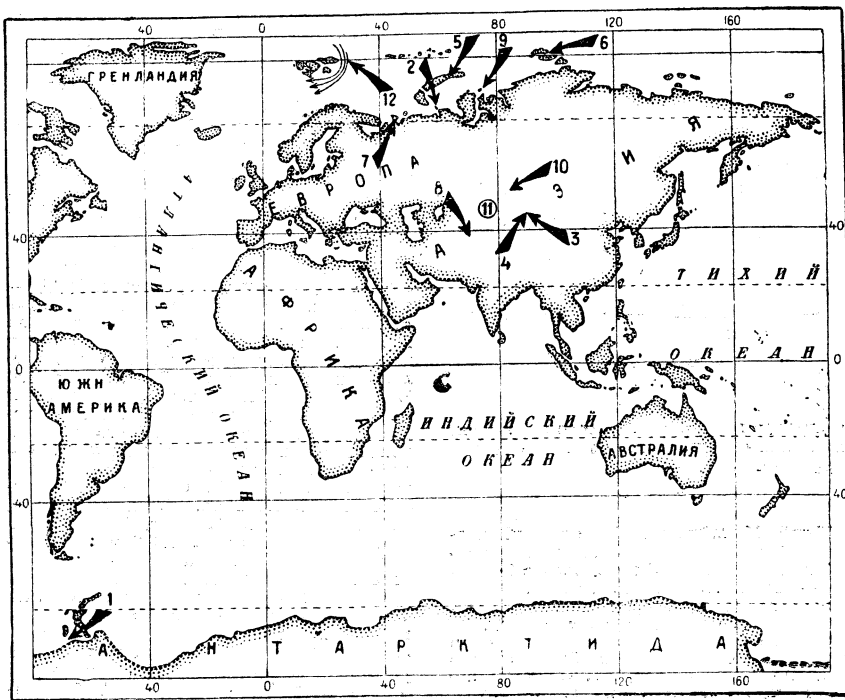
Ю. М. Шокальский на палубе гидрографического судна наблюдает за взятием проб воды.

дна моря столбики грунта высотой почти в 4 метра, что явилось рекордом в мировой практике океанографических исследований. Это дало совершенно новый материал для воссоздания геологической истории Черноморского бассейна.

Сотрудники Ю. М. Шокальского опубликовали более 50 крупных научных работ, основанных на данных экспедиции, которая принесла советской океанографии мировую славу.

Море и суша — две главные географические стихии. Морю Шокальский посвятил замечательные работы. Его «Океанография» (1917) и «Физическая океанография» (1933), сохранившие и теперь свое значение, построены именно как географические работы — недаром Шокальский всегда рассматривал океанографию как часть географии. Но и для познания суши нашей родины он сделал немало. Огромны его заслуги в изучении рельефа России и СССР. Шокальский подвел под гипсометрию нашей страны надежную основу — нивелирную сеть вдоль всех железнодорожных линий. Сведенные им в трех объемистых выпусках железнодорожные нивелировки служат как бы каркасом для всех позднейших работ по составлению гипсометрических карт СССР. Выдающийся картограф, Шокальский выполнил несколько важнейших работ по картометрии, то есть по измерению при помощи карт площадей и длин. В частности, он определил длину и величины бассейнов всех рек Азиатской России.

Мало кто знает, что поясное время, ставшее для нас сейчас таким привычным, было введено в 1918—1919 годах при ближайшем участии Ю. М. Шокальского. Северный морской путь был создан в значительной степени на базе работ Шокальского — одного из лучших знатоков арктических морей и энтузиаста советского полярного мореплавания. Большинство лодий, которыми пользуются советские моряки, составлено при консультации Шокальского. Единая гидрометеорологическая служба — тоже его детище. Высокая культура советской картографии в большой мере выросла из его картографических работ. Каждый, кто был связан с Географическим обществом, неизменно запоминал высокую плотную фигуру этого седовласого ученого, в котором легко было узнать старого моряка, с замечательной выправкой, с ясным взглядом и приветливой улыбкой. Это он был душой Географического общества, принимая в его стенах в 1933 году на Первом Всесоюзном Географическом съезде географов всей страны. Юлий Михайлович Шокальский повседневно подавал более молодым географам пример горячей любви к науке и родине, пример замечательного трудолюбия и широты интересов. Любимым изречением Шокальского было: «Старайся узнать все что обо всем и всего чем».

Имя Ю. М. Шокальского носят (см. цифры и стрелки на карте):

1. Пролив Шокальского в Антарктиде (назван в 1911 г. исследователем Антарктиды доктором Шарко, впоследствии оказался заливом).
2. Остров Шокальского в Карском море, около Вайгача (назван в 1901 г. Варнеком).
3. Пик Шокальского в горах Богдо-Ола (назван в 1911 г. Мерцбахером).
4. Ледник Шокальского, там же (назван тем же исследователем).
5. Ледник Шокальского в северной части Новой Земли (назван в 1911 г. Седовым).
6. Пролив Шокальского в архипелаге Северной Земли (назван в 1915 г. Вилькицим).
7. Озеро Шокальского на острове Каниине (названо в 1915 г. Григорьевым).
8. Ледник Шокальского на низке Кагановича (б. низ Гармо) на Памире (назван в 1916 г. Беляевым).
9. Остров Шокальского при входе в Обскую губу (назван в 1925 г. Комитетом Северного морского пути).
10. Ледник Шокальского на Алтае (назван в 1930 г. Семухатовой).
11. Насекомое, найденное в Центральной Азии (названо А. П. Семеновым-Тянь-Шанским).
12. Теплое течение, огибающее Шпицберген.

(Перечень по В. В. Богданову.)

На родине „отца русской авиации“

От станции Ундол до Орехова, родного имени Жуковских, — всего лишь семнадцать километров.

Минова селение Старово и березовую аллею, ведущую к Орехову, вы увидите небольшой дом с широким крыльцом парадного подъезда...

В 1841 году в нем поселились родители великого русского ученого Николая Егоровича Жуковского.

А шесть лет спустя, 5 (17) января, у них родился сын Николай — будущий ученый, отец русской авиационной науки.

Первые десять лет своей жизни, до поступления в московскую гимназию, будущий ученый провел среди родной ореховской природы, навсегда полюбив ее поля и рощи, холмы и пруды. Любовь к природе породила у мальчика Жуковского наблюдательность и увлечение естественными науками. Он подолгу наблюдает за движением струек воды из одного пруда в другой, за полетом стрелы из самодельного арбалета.

В двадцать один год Николай Егорович окончил математический факультет Московского университета. В 1884 году он защитил диссертацию на звание магистра и получил кафедру в том же университете.

Свыше 150 научных работ и ряд самых разнообразных практических открытий оставил после себя великий ученый. Он создал основные кадры будущих деятелей советской авиации. Славные ныне имена Туполева, Юрьева, Ветчинкина и многих, многих других и — это имена учеников «школы Жуковского».

Владимир Ильич Ленин назвал Жуковского «отцом русской авиации»...

Все это вспоминаешь при виде маленького «старого» дома, в котором родился и жил Николай Егорович. Где бы он ни находился: читал ли лекции в Москве, путешествовал ли за границей, душа его была всегда, как писал он в письмах к матери, в родном Орехове. Здесь все его вдохновляло, все содействовало творчеству. Именно здесь, в Орехове, и родилась новая наука — аэродинамика.

Приезжая домой отдохнуть, Николай Егорович много и плодотворно работал.

Расположившись около цветника или под липами, он испытывал десятки страничек, испещряя бумагу вязью бесчисленных формул.

Отвлекала Николая Егоровича от напряженного труда охота. Одеты в

Деревня Орехово Владимирской области. Кабинет в доме, где родился и жил великий ученый Николай Егорович Жуковский.

огромные болотные сапоги, с ягдганом и ружьем «Лепажка», сопровождаемый собакой Изоркой, он проходил за день десятки километров. На болоте под Красковым он брал огромное количество бекасов и дупелей, в лесах за Гаврильцевым — тетеревов.

В настоящее время в Орехове организован музей. Директором его является племянница великого ученого — Вера Александровна Жуковская. Мы входим в дом...

Передняя ведет в зал, где стоит бюст Жуковского, работы Домбровской — дочери племянницы Николая Егоровича. Рядом с бюстом расположены в полунаклоне два воздушных винта рационального типа «НЕЖ» и модель современного самолета.

Стеклопанельная дверь выводит посетителя на большое крыльцо-террасу и пло-

щадку перед домом, окруженную столетними деревьями, среди которых блестят воды прудов Тавлинского и Чистого. Между ними видна плотина. На площадке — цветник. Николай Егорович сам рассаживал здесь свои любимые цветы — левкой, душистый горошек, геллиотроп.

Справа от прудов виднеется старый липовый парк, на краю которого расположена площадка для игры в крокет... Однажды, играя в крокет, Николай Егорович заинтересовался вращением крокетного шара и тут же прочитал присутствующим импровизированную лекцию «О равных моментах инерции вращающегося тела».

В библиотеке Жуковского хранятся любимые книги ученого, в том числе и прочитанный в детстве «Воздушный корабль» Жюль Верна.

Говорят, что именно эта книга, много раз перечитанная Николаем Егоровичем, и подтолкнула его ученика, ныне академика Б. Н. Юрьева на работу по созданию геликоптера.

Из библиотеки мы переходим в кабинет. Перед нами письменный стол и широкое жесткое кресло с округлой спинкой. За этим столом сорок два года, каждое лето и в зимние каникулы, работал Жуковский. В этом кабинете были созданы все основные научные труды великого русского ученого. Здесь в гостях у Николая Егоровича подолгу просиживали его друзья и ученики.

Государственно-историческая ценность ореховского дома-музея Н. Е. Жуковского велика.

Владимир Ильич Ленин высоко ценил труды Жуковского. Именно Владимир Ильич после смерти Жуковского, последовавшей в 1922 году, и закрепил за его наследниками этот старинный дом с участком земли.

Ныне в соседней с усадьбой-музеем деревне Орехово успешно работает колхоз имени Жуковского. У колхоза имеется свой маслодельный завод, кустарная овчинная мастерская, в конюшне стоят владимирской породы лошади, а в гараже собственный «ЗИС-5».

Так живет в наши дни возрожденная ореховская деревня, родина великого мирового ученого, создателя современной авиации. Усадьба-музей пользуется большой популярностью. Только за 1946 год Орехово посетило более двух тысяч экскурсантов.

Ник. Бобров

МАСТЕР КАРТ И ЛОЦИЙ

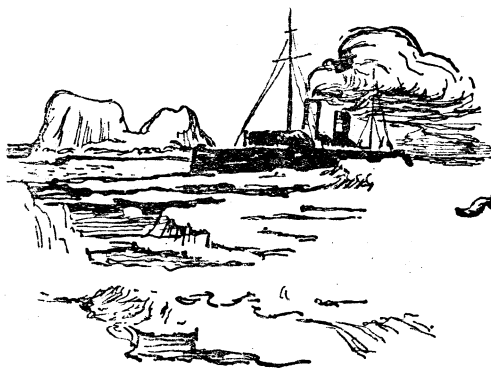
(Окончание)

«шбудь». Замечательная работоспособность Шокальского видна уже из количества оставленных им работ: в изданной недавно библиографии значится 1340 названий! Тут и крупные географические монографии, и карты, и атласы, и бесчисленные журнальные статьи, рецензии и заметки, не считая сотен отредактированных Юлием Михайловичем рукописей, гидрографических описаний, лоций, докладов, трудов съездов, справочных изданий и т. п. Один из друзей и учеников Шокальского, В. В. Богданов, писал в своих воспоминаниях, что у себя дома «Юлий Михайлович» напоминал

большого мастера, весь день и вечер, а иногда и ночами работающего в своей мастерской. Кому приходилось бывать в этой мастерской, в его просторном кабинете, сплошь заставленном столами, шкафами, книгами, полками, чертежами, тот не мог не подивиться, что в этом рабочем кабинете не только много книг и выполненных работ, но и уютно, приятно. Юлий Михайлович умел работать с большой нагрузкой и в большом порядке, и эта умная деловитость была в каждом уголке его домашнего кабинета.

Советские моряки с любовью и признательностью хранят в памяти имя

славного ученого, чьи труды помогают командам наших кораблей уверенно ходить по северным и южным водам, омывающим берега СССР. А многочисленная армия советских картографов насчитывает в своей среде немало учеников Ю. М. Шокальского. Высокая культура советской картографии позволила за последние годы создать так называемую «миллионную» карту Советского Союза. В этом крупном достижении — немалая доля труда и самого «мастера карт и лоций», замечательного русского ученого Ю. М. Шокальского.

НАМ ПИШУТ

ПО СЛЕДАМ АРСЕНЬЕВА

Мы стояли на берегу и смотрели вслед уходящей шхуне. Легкий бриз доносил до нас прощальные возгласы стоявших на палубе друзей.

Шхуна легла на новый галс и вскоре скрылась за мысом. Мы остались одни. Впереди нас ожидали долгие месяцы геологических изысканий на склонах Сихотэ-Алиня, долгожданный путь по знаменитым рекам Тумнин, Хуту, Буту и Копи: по ним еще в 1908—1910 годы плывал В. К. Арсеньев, исследуя этот богатейший край нашей родины.

Время было еще раннее, и мы, не задерживаясь, надели свои битком набитые рюкзаки и пустились в путь. Нас было трое; и каждый из нас был переполнен каким-то особенно приятным чувством: наконец-то мы идем по тропам неутомимого исследователя!

Перед нами то расстилался мягкий ковер заболоченного берега реки Тумнин, то вдруг открывалось пестрое море цветов, за которым приветливо белели березовые и ясеневые рощи. Но стоило нам отойти в сторону от реки, как мы попадали в царство суровых и темных красок, в непроходимую тайгу, поросшую аянской елью и лиственницей.

Шли дни. Итти становилось тяжелее. Тропинка то исчезала, то вновь появлялась. Десятки небольших ре-

чек, бурных ручейков и заболоченных протоков то и дело пересекали наш путь. Мы с завистью смотрели на серебристую гладь реки, на легко скользящие лодки-долбленки орочей. Тучи комаров и гнуса не давали нам возможности спокойно дышать. Насекомые назойливо забивались в нос и рот и мешали отдыхать на привалах. Все чаще и чаще мы вспоминали записки Арсеньева, так правдиво описавшего тайгу.

Река то сужалась, теснимая хребтами, то вырывалась на простор широких долин, разбиваясь на многочисленные протоки.

Но вот и селенье Хуто-Дата. Тяжелый путь со многими приключениями — встречей с росомахой, удачной охотой на медведя и десятками других — остался позади. Наконец мы попали в селение, где Арсеньев завершил свой пеший переход через хребет Сихотэ-Алинь и после длительной голодовки отдыхал и лечился.

Едва ли исследователь узнал бы этот населенный пункт теперь. Десятки домов, улицы, магазины, школы, клуб, больница придавали ему вид культурного городка. Даже здесь, в далекой тайге, чувствовалась цивилизация, чувствовалась большая жизнь страны. В селении Хуто-Дата от стариков-орочей мы услышали и об Арсеньеве, о его му-

жестве и чутком отношении к товарищам.

Из рассказов немногочисленных свидетелей можно заключить, что все члены экспедиции были доставлены в селение в очень тяжелом состоянии. Все они от длительной голодовки опухли, были страшно худы, едва могли передвигаться. Их одежда была сильно изношена и состояла из отдельных, скрепленных между собой кусков материи. Сам Арсеньев был очень худ и серьезно болен. Он, однако, не хотел лежать и, забывая о себе, думал только о больных товарищах. Особенно заботливо относился Арсеньев к геологу Гусеву, заболевшему нервным расстройством. Он, стараясь всемерно облегчить состояние больного, не оставлял его одного, следил за ним и утешал. Об этом качестве Арсеньева мы слышали не раз и впоследствии от встречавшихся с ним. Старики-орочи часто говорили: «Очень карош есть чженге» (так называли они неутомимого исследователя).

В Хуто-Дата мы отдохнули, запаслись продуктами и, сопровождаемые гостеприимным населением, тронулись в путь, правда, уже не пешком, а на местной лодке-улимагде. Ее вел один из орочей, который хорошо знал место последнего лагеря Арсеньева — того, где путешественники от истощения едва не погибли. Ороч ловко управлял шестом, и мы вскоре вошли в реку Хуту. Сидя в лодке, мы наслаждались девственной таежной природой, которая становилась все суровее и суровее.

Через несколько дней мы достигли устья реки Буту. По нашей просьбе старик-ороч показал нам место, где был лагерь. Сорок лет отделяло нас от страшных дней пережитых членами экспедиции Арсеньева. От тополя, в дупле которого мы надеялись найти записную книжку путешественника, остались только жалкие, истлевшие обломки, обросшие желтоватым мхом. Кое-где валялись куски каких-то палок, то ли лыжных, то ли от палаток. На одной из елей висела истлевшая веревка, а под деревом мы обнаружили следы костра.

ЧИТАТЕЛИ

Время заметало следы героической экспедиции. В «Голодном лагере» мы провели целые сутки. На другой день мы двинулись вверх по реке Буту, с тем чтобы перейти на реку Копи и спуститься по ней к морю. В свое время этот путь проделал и Арсеньев, пересекая хребет Сихотэ-Алинь от реки Ангоя к устью реки Копи.

Е. Писов

Экспедиция Московского геолого-разведочного института имени Серго Орджоникидзе, работавшая в северных районах Молотовской области, обнаружила в пермских отложениях по берегам реки Вишеры остатки гигантских ископаемых насекомых, по внешнему виду похожих на стрекоз.

Находка эта, как сообщает начальник экспедиции, известный палеонтолог Ю. М. Залесский, представляет исключительный научный интерес. До сих пор стрекозоподобные гигантские насекомые с размахом крыльев в 80 сантиметров были найдены только в каменноугольных отложениях бассейна Комментри во Франции. Гигантские насекомые, обнаруженные экспедицией в Приуралья, значительно превосходят по величине французские. Размах их крыльев достигает почти одного метра. Считалось также, что такие насекомые жили 335 миллионов лет назад. Находка советской экспедиции доказывает, что они существовали и много позднее — 110—120 миллионов лет назад, уже в пермский период.

Работы экспедиции разрушили также прежние утверждения геологов, что соликамские соли (в которых найдены остатки насекомых) — «немые», то есть не содержат палеонтологических остатков, по которым можно определить возраст данных слоев. Теперь это стало вполне возможным.

В Кабристанской низменности (Азербайджан) геологами обнаружен в 8 километрах от селения Кобулы полный скелет ископаемого кита верхнетретичного периода. Скелет найден в отложениях Сарматского моря, существовавшего около 15 миллионов лет назад и соединявшего моря Черное и Каспийское. Скелет хорошо сохранился. Это третья находка полного скелета кита в нашем Союзе.

Палеолитическую стоянку, существовавшую примерно за 50 тысяч лет до наших дней, открыла экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Московского университета на реке Сейм, недалеко от Курска. Это третья из таких стоянок, впервые открытых советскими учеными в пределах Европейской части нашего Союза. На стоянке обнаружено много мамонтовых костей, а также различных изделий из этих костей и бивней мамонта.

Вновь открывается Центральный географический музей, находящийся в Ленинграде.

Музей располагает богатейшей коллекцией, насчитывающей до 25 000 экземпляров. Сейчас эта коллекция значительно пополнилась новыми экспозициями, дающими представление о географическом ландшафте различных районов СССР, о распределении на территории Союза населения, промыслов, растительности, о путях сообщения, климате и т. д.

Всесоюзное географическое общество получило архив географа В. С. Кривенко, известного исследователя Якутии. Особую ценность в этом архиве представляет «Словарь», в который включены данные о работе 500 путешественников, на протяжении двух веков проводивших разнообразные исследования на территории Якутии. Одним из первых таких путешественников был Илья Ермолин, в 1830 году побывавший на Лене и привезший первые сведения о якутах. В советские годы Якутию посетили академики Комаров, Обручев, Сукачев, проф. Криштофович и ряд других ученых.

В Воронцовском архиве, хранящемся в ленинградском отделении Института истории, обнаружен считавшийся утерянным труд А. Н. Радищева, автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», посвященный описанию Тобольского края. В труде этом заключаются очень ценные сведения о природе, населении и экономике «Тобольского наместничества» конца XVIII века.

В Тобольск Радищев попал (и прожил здесь восемь месяцев) по пути в Илимск. Радищев, как известно, был приговорен в 1790 году за свою книгу к смертной казни, замененную ему затем десятилетним заключением в Илимском остроге.

Недавно Географическое общество Союза ССР присудило свои высшие награды — золотые медали имени Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова-Тяншанского и Ф. П. Лигке.

Золотая медаль имени Н. М. Пржевальского присуждена одному из лучших знатоков-исследователей Средней Азии и Монголии, старшему научному сотруднику Института географии Академии наук СССР Эдуарду Макаровичу Муразаеву за его многолетние географические изыскания в Монголии. Много лет провел Э. М. Муразаев в экспедициях в центрально-азиатских горах, степях и пустынях, не одну географическую загадку этой «сердцевиты Азии» разрешил он. Славные традиции русских путешественников Пржевальского, Козлова, Потанина, Роборовского, Певцова получили в работах советского ученого Э. М. Муразаева достойное продолжение.

Золотая медаль имени П. П. Семенова-Тяншанского присуждена группе высокогорных исследователей-альпинистов за работы в районе Тянь-Шаня и его горного пика — Хан-Тенгри; работы эти, как известно, увенчались открытием Пика Победы, второй по высоте точки в СССР (7440 метров, уступает лишь Пикку Сталина); раньше высшей точкой в этом районе считался Хан-Тенгри (7195 метров). Эти работы проводились путем сочетания новейших методов геодезии, аэрофотограмметрии и наземных высокогорных съемок. Они позволили, между прочим, также уточнить длину величайшего в СССР горного ледника Иньльчек (59 километров).

Золотая медаль имени Ф. П. Лигке присуждена инженер-капитану I ранга Л. А. Демину за выдающиеся исследования морей северо-востока СССР.

В Академии наук СССР закончена работа по составлению пяти первых томов коллективного труда «Народы мира», в котором собраны новейшие работы советских этнографов об этническом составе различных стран, о культурно-бытовых особенностях народов мира. Значительная часть труда (четыре тома) посвящена описанию народов многонационального Советского Союза. В основу этих работ легли материалы многочисленных экспедиций — этнографических, археологических, антропологических и других, работающих ряд лет в разных районах нашего Союза.

„Рассказы охотника“¹

Книга Вахтанга Ананяна — советского армянского писателя, нашего современника, — впервые появляется в русском переводе. Это воспоминания о детских и зрелых годах, проведенных среди гор и долин Армении, об охотничьих рассказах и легендах, услышанных в пастушьей землянке или у костра. Автор — знаток своего родного края, в особенности хорошо знает и любит он животный мир Армении.

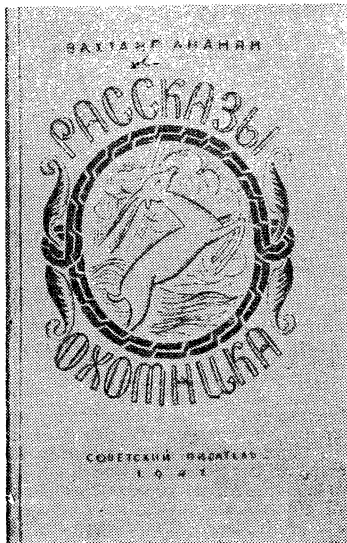
Животные в рассказах Ананяна не пассивные жертвы меткой пули стрелка, — охотнику приходится иногда встречаться с удивительными и причудливыми формами, в каких проявляется борьба за существование: то открывает он в скалах чудесный «птичий город», где тысячи глиняных гнезд укрываются в глубине пещер, то наблюдает, как искусно спасают свою жизнь утки-чирки, скрываясь от выстрелов под водой и высывая оттуда лишь кончики клювов для дыхания, то слышит рассказ пастуха о хитром волке, который, спускаясь в хлев за очередной поживой, измеряет хвостом расстояние от пола до крыши, чтобы проверить, сумеет ли он выбраться отсюда на свободу. Обманывая бдительность своих жертв, приходится порой и охотнику пускаться на хитроумные уловки: пицать помышному («Хитрее лисы»), передвигаться под прикрытием снопа («Шагающий сноп»).

Наблюдения охотника-натуралиста в книге Ананяна часто дополняются художественным домыслом. В цикле рассказов «Фантастика горных лугов» элемент вымысла преобладает. Невозможно поверить, например, в реальность рассказа о медведице, которая привела охотника-курда к логову тигра, чтобы отомстить хищнику за своих медвежат. В произведениях этого небольшого цикла с особенной полнотой раскрывается талант Ананяна-рассказчика («Месь», «Предатель»).

С любовью и сочувствием рисует писатель образы своих постоянных спутников — старых армянских крестьян, охотников, пастухов, в прошлом задавленных тяжелой батрацкой долей. Любовь бедняка — тема рассказа «Лед Вартан». Горечью и гневом против зла старого

¹ Вахтанг Ананян. Рассказы охотника. Перевод с армянского А. Гюль-Назарянц. М. «Советский писатель», 1947, 282 стр., цена 5 р. 25 к.

мира наполнен этот рассказ о трагической и преданной любви пастуха к дочери сельского богача. Подчиняясь ради любимой капризу деревенского самодура, отца девушки, Вартан в течение двух лет подряд охотится за медведем. Когда, наконец, искалеченный в схватках с могучим хищником, Вартан одерживает победу, любимая девушка уже потеряна для него: ее против воли выдали за другого. Об этих тяжелых годах бесправия

вспоминает и Симон, герой рассказа «Медведица»: «Ну и времена были, и как все изменилось, как чудесно все изменилось».

Книга В. Ананяна много выиграла бы, если бы в ней чаще появлялись и наши современники — пастухи колхозных стад, смелые опытные-животноводы, передовики охотничьего хозяйства.

Образ человека, активно вмешивающегося в стихийную жизнь природы, пока намечен писателем лишь в одном рассказе — «Форе́ли». Мальчик, чье детство проходит в горном селении, наблюдает за жизнью форелей — красивых рыбок, населяющих быструю речку. Каждое лето форели стремятся ввысь — к прохладным истокам горных рек и родников, но путь им преграждает водосброс — барьер, который они не в силах преодолеть. Мальчик приходит на помощь путешественникам — он нагружает ведро рыбьей икрой и поднимается в горы. Там, в естественной гранитной ванне среди скал, он выпускает своих рыбешек. Дело происходит в давние годы — некому было тогда поддержать это начинание, но юный исследователь, горящий нетерпением исправить ошибку природы, невольно запоминается среди других героев книги как один из самых нам близких и привлекательных.

И. В.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Шалва Дадиани</u>	
Чиатура	2
<u>Петр Скосырев</u>	
Оазис Мургаба. Рис. Вс. Бродского	6
<u>Е. Шистер</u>	
Под созвездием Южного Креста (окончание)	11
<u>Вл. Лидин</u>	
Лагуна (рассказ). Рис. П. Павлинова	18
<u>Н. Олешек</u>	
В голубых Саянах. Рис. Б. Езюкева	20
<u>С. Владимиров, В. Елагин</u>	
Обновленная земля (окончание). Рис. Л. Тараканова	26
<u>Ян Дрда</u>	
Высший принцип (рассказ). Перевод с чешского С. Шмераль и Н. Касаткиной. Рис. В. Вакидина	32
<u>Искандер Файзуллин</u>	
Искатели жемчуга. Рис. В. Чернецова	36
<u>Б. Небылицкий и Т. Бунилович</u>	
С киноаппаратом по Северной Корее	39
<u>Майкл Куин</u>	
Люди лежат на складах (рассказ). Перевод с английского П. Охрименко. Рис. Д. Дубинского	47
<u>Инж. А. Морозов</u>	
Пульс земли	43
<u>М. Пришвин</u>	
Старший судья (из рассказов охотника). Рис. Н. Витинга	54
<u>В. Покишевский</u>	
Мастер карт и лодий	57
<u>Нам пишут читатели</u>	60
<u>В мире книг</u>	62

На обложке в рамке: Действующий вулкан (к очерку А. Морозова „Пульс земли“). Рис. художника В. Чернецова.

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:

Москва, Новая пл., д. 6.

Тел. К 5-24-71

★

Непринятые рукописи
не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“ ЗА 1947 ГОД

	№	Стр.		№	Стр.
Агишев Рустам. Оуэнга (повесть)	5—6	41 и 47	Деев А. Низами Ганджеви.	9	17
Азбукин Б. Севано-Зангинский каскад.	8	6	Демышева З. В гостях у итальянской молодежи.	1	28
Аккуратов В. К берегам Гренландии.	3	5	Дсяренко Е. По Урал-реке	5	6
Аккуратов В. К «полюсу недоступности».	10—11	9 и 12	Дояренко Е. По степям и лесам Кузбасса.	7	21
Алова Г. Подземное море Подмскожья.	4	55	Дрда Ян. Высший принцип. Рассказ, перевод с чешского С. Шмераль и Н. Касаткиной	12	32
Алова Г. В долине Вахша.	8	20	Евгеньев Б. Любимый отдых.	2	39
Ананян В. Новый обитатель «Зеленого города».	2	60	Евгеньев Б. Моряк летучей рыбы.	9	27
Аполлов Б., проф. Тайна Каспийского моря	1	33	Зеленов К. Озеро Баскунчак.	4	57
Арманд Д. Сто лет спустя.	3	55	Зеленов К. Поиски древнего города.	8	59
Арманд Д. Горы и струи.	7	42	Зенкович В. П. На озере Дальнем.	4	37
Арсеньев В. Встречи в тайге	9	33	Зенкович В. П. Город на Лене.	8	17
Атаров Николай. Колыбель кораблей.	9	12	Зингер М. Люди Страны гор.	3	23
Бадигни К. На родине Вальтера Скотта.	1	41	Зубов Н. Н. Подводные вулканы.	1	35
Баян О. Знаменитый исследователь Центральной Азии.	8	52	Зубов Н. Н. Существуют ли антиподы?	6	56
Берман Л. Загадка Белых гор.	4	45	Ивнич Александр. У горы Магнитной.	5	2
Бобров Николай. Москва — Тикси на летающей лодке	1	5	Ильин Мих. На берегах Риони и Куры.	6	12
Богданов Николай. Тайна Юля-ярви	2	21	Ингирев З. Старейшина советских геологов	10	58
Бублейников Ф. Отец русской геологии	5	57	Иоселиани Я. Поход «Гвардейки».	8	11
Валентинов И. Каир — Аддис-Абеба — Тегеран.	8—9	24 и 26	Иорданский В. Япония сегодня.	3	34
Винокуров И. Флорич Ф. Тюлений остров.	1	56	Кальма Н. Закарпатье живет по-новому.	1	18
Владимиров С. Из глубины веков.	2	56	Карелин Д. Мастер ледовых прогнозов.	1	59
Владимиров С. Ученик природы	6	55	Кожевников Алексей. Поездка в Шушенское	1	2
Владимиров С. и Елагин В. Обновленная земля	10, 11, 12	19	Кожевников Алексей. Красноярские Столбы	2	31
Волгин В. П., акад. По городам и дорогам Индии.	6	28	Козлова Е. Ноинкульские курганы в Северной Монголии (из дневника путешественника П. К. Козлова)	8	56
Вологодина А., Рафалова Г. На дне исчезнувших всдоемов.	2	19	Колдуэлл Эрскин. Эйб Летэм — цветной человек.	5	53
Герасимов С. Поездка к айнам.	9	58	Коркия Редмон. Лугела.	1	12
Герасимов С. Как нашли сикхотэ-алинский метеорит	11	48	Корюшкин Г. На дне морском	5	37
Гончаров А. От Нью-Йорка до Батуми.	7	38	Кравченко Ф. Встреча на Крещатике.	3	18
Дадиани Шалва. Чиатура.	12	2	Кринов Е. В кратерном поле.	11	49
Дебрин И. В. И. Ленин на охоте	1	13			

№	Стр.	№	Стр.		
Куин Майкл. Зслотые трубы пле- мени ляп-ляп. Перевод с англий- ского П. Охрименко.	5	59	Попов Викторин. В краю цитрусовых.	7	52
Куин Майкл. Люди лежат на складах. Рассказ. Перевод с ан- глийского П. Охрименко.	12	47	Промптов Ю. В центре азиатско- го материка.	2	43
Кунгуров Г. Галтама (рассказ).	11	40	Промптов Ю. Пещерный город Вардзия.	6	57
Лидин Вл. Москва.	9	2	Пришвин Михаил. Старший судья (рассказ).	12	54
Лидин Вл. Лагуна (рассказ).	12	18	Рацек Владимир. На высоте Памира.	5	11
Лунин Борис. Мунгха.	5	32	Романенко Д. Река крылатой мечты.	2	13
Лялицкая С. Горы в степи.	8	42	Рототаев П., Тихонравов В. К белым пятнам Памира.	6	17
Магнушевский К., Спивак Ф. Под всеми широтами мира.	7	27	Сафонов В. По гудульской земле. Севунц Гарегин. Иранские за- писи. Перевод с армянского А. Гюль-Назаряни.	6	36
Макаров Н. Эге-Хая.	2	35	Сергеев Иван. Большое буду- щее малой реки.	5	27
Малов Фед. Встреча у ключа Джайран.	10	27	Скосырев Петр. Оазис Мурга- ба.	12	8
Мануйлов Павел. На родине маршала Тито.	4	24	Соколинский З. и Цука- сов С. Калининград.	10	42
Мануйлов П. Дочь болгарского народа — Вела Пеева.	8	37	Сригунова В. Президент совет- ских географов.	11	61
Максимов Н., акад. Русский бо- таник-географ.	3	59	Толмачев А. Величайшее озеро светской Арктики.	3	43
Марьямов Александр. Друг из тундры.	4	10	Толчан Я. Необыкновенные охоты. Тюрин М. В Дании.	5	51
Мдивани Г. В свободолюбивой Албании.	3	31	Улицкий М. В поисках волокна Ламского	4	53
Михайлов Н. Н. Героическая география.	10	2	Файзуллин Искандер, мастер спорта СССР. Искатели жемчуга. Ферсман А. Е., акад. Крым.	12	36
Морозов А., инж. Голос мо- ря.	5	21	Фиш Геннадий. На земле Ка- левалы.	7	33
Морозов А., инж. Подвиг учено- го.	9	53	Фраерман Р. За письмами Гай- дара.	2	8
Морозов А., инж. Пульс земли Москвин Николай. Старик (рассказ).	12	49	Халтурин И. Поэт Дальнего Во- стока.	1	54
Муратов М. Первый землепро- ходец на Камчатке.	4	59	Халифман И. Сады будущего. Чуковский Николай. В по- следние дни.	9	32
Небылицкий В. и Бунимо- вич Т., лауреаты Сталинской пре- мии. С киноаппаратом по Север- ной Корее	12	39	Шахов А. По глухим тропам Зе- равшанского хребта	4	50
Никитин Н., проф. Москва—порт пяти морей	4	17	Шистер Евгений. Под созвез- дием Южного Креста.	6	23
Някулин Лев, Москва — столь- ный град.	4	2	Эйдельс Л. Оживающая пусты- ня.	7 и 8	57 и 29
Някулин Лев. Старая и новая Москва.	6 и 7	2	Эренбург Илья. Белые и чер- ные.	10, 11, 12,	19
Обручев В. А., акад. Видение в Гоби.	6	42	Юнга Евгений. Выход на фар- ватер.	7	42
Обручев В. А., акад. Эоловый го- род.	10	60	Юрезанский В. Возрождение гиганта.	1	22
Овчаренко Иван. Керченский рыбак.	7	13	Яковлев А. Саратов—Москва.	10	15
Озерский В. «Узбекское море». Олешек Н. В голубых Саянах.	2	42		3	12
Охогников Вадим. Шорохи под землей.	12	20		4	13
Охотников В. В глубь земли	1	30			
Петров П., проф. День с Арсень- вым	8, 9, 10 и 11,	45, 38, 53			
Платов Л. Птица Маук (научно- фантастическая киноповесть).	9	36			
Покшишевский В. Шестна- дцать столиц.	1, 2, 3, 46, 48,	44			
Покшишевский В. Мастер карт и лодий	11	2			
Поляновский Дмитрий. По Днепробугскому каналу.	12	57			
	7	10			

Отдел «Наша летопись» на третьей странице облож-
ки ведет Сергей Марков.

В 1947 году в журнале «Вокруг света» принимали
участие художники: А. Биль, С. Бойм, А. Бродский,
И. Брюлин, Б. Винокуров, В. Высоцкий, Д. Дубин-
ский, Б. Езиков, А. Елисеєвнина, А. Интезаров,
Г. Крайцов, Е. Комаров, проф. П. Я. Павлинов,
П. Павлинов, А. Петров, В. Чернецов, К. Эдель-
штейн, А. Яроцкий, В. Федяевская.

Редакционная коллегия: И. В. Инюземцев (редактор), Д. Л. Арманд, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев
Е. Н. Пральников, Н. А. Солнцев.

Оформление худож. Б. В. Грозевского.

Техн. редактор А. Губер.

Подписано к печати 20/XII 1947 г. А12:60 Бумага 60x92¹/₂, 8 печ. листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 2175

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

Самолет над Чукоткой

Пятнадцать лет назад известный геолог С. В. Обручев осуществил первые специальные полеты с научно-исследовательской целью над Восточной Азией.

Гидросамолет «Н-1» появился над Анадырем, побережьем Корякской земли, северной частью Камчатки, Охотским морем.

Получив сведения о трудностях, которые испытывают зимовщики острова Врангеля, экспедиция С. В. Обручева решила послать свой самолет в бухту Роджерса. На ост-

ров были доставлены продовольствие, лекарства, патроны. Часть зимовщиков была вывезена самолетом на борт парохода «Совет».

Воздушная экспедиция С. В. Обручева обогатила советскую науку. Картограф К. А. Салищев произвел с воздуха съемки части Чукотского полуострова, составил карту острова Врангеля. С. В. Обручев изучил особенности рельефа Чукотки и других областей, над которыми проходил гидросамолет, описал горы острова Врангеля, изучил следы значительного обледенения в горных хребтах Чукотки, Корякской земли и Анадыря.

Работы воздушной экспедиции 1932 года были продолжены в следующем году.

В 1934 году С. В. Обручев выпустил книгу «На самолете в Восточной Азии».

Уголь Шпицбергена

Пятнадцать лет назад в заливе Айсфиорд на острове Шпицберген раздалась гудки одиннадцати советских торговых кораблей. В 1932 году из Архангельска на берег Шпицбергена были доставлены советские рудокоры, завезены припасы, разборные здания, в том числе даже здание театра. 13 июня 1932 года начал добычу угля шпицбергенский рудник Грумант-Сити. Через несколько дней открылся второй рудник советского треста «Арктический уголь» на Шпицбергене, в местности Грин-Гарбур.

В том же году каменный уголь древнего Груманта впервые поступил в Архангельск. Многие пароходы Северного торгового флота и крупные промышленные предприятия Архангельска перешли на пользование углем полярного архипелага.

Первые заявочные столбы на разработку угольных месторождений на Шпицбергене были установлены известным полярным исследователем В. А. Русановым, собравшим образцы угля. Таким образом, в 1932 году советские горняки Шпицбергена отмечали двадцатилетие со дня, когда здесь добывался уголь русскими людьми.

Лоцман Васко да Гама

Пять лет назад, когда над Москвой поднимались аэростаты воздушного заграждения, магистр советский востоковед академик И. Ю. Крачковский не прекращал своих научных занятий.

Находясь под Москвой, он писал книгу «Над арабскими рукописями». В этой увлекательной повести была глава «Лоцман Васко да Гама». Она рассказывала историю одного замечательного открытия.

В Азиатском музее в Ленинграде хранился на вид ничем не примечательный старый рукописный сборник. В нем были три стихотворения какого-то «Ахмеда ибн-Маджида», в которых перечислялись морские переходы в арабских водах. Что же оказалось?

Путеводные лоции, изложенные в стихах, принадлежали перу арабского морехода-лоцмана Ахмеда ибн-Маджида. Это он провел в гавань Каликут корабль Васко да Гамы (1498 год).

Французский востоковед Ж. Ферран, в свое время установивший подлинное имя араба лоцмана корабля Васко да Гамы, не знал, что в сокровищнице Азиатского музея хранятся стихи-путеводители Ахмеда ибн-Маджида.

Советские моряки с увлечением знакомились с трудами араба-морехода, открытыми академиком И. Ю. Крачковским. Лоцман Васко да Гама в своих лоциях описывал Красное море, Индийский океан, морской путь к берегам Восточной Африки.

Археологи и водолазы

Десять лет назад советская археология обогатилась открытием мирового значения. Осенью 1937 года со дна реки Буг, возле села Саботиновка, был поднят древний челн.

Эта находка не имела себе равных во всех известных до нашего времени памятниках археологии Западной Европы. Бугский челн был отнесен к скифской эпохе.

В советское время сложилась новая отрасль науки — гидроархеология. Ее создатель проф. Р. А. Орбели в 1937 году работал на море близ Херсонеса, Керчи, Ольвии, Феодосии. В Херсонесе были открыты гавань и часть подводного античного города. Работы в Ольвии показали, что древний, «нижний» город, набережная и порт сползли в море. Несколько позднее проф. Р. А. Орбели открыл следы старых волнорезов в Феодосии, Коктебеле и Керчи.

Закладывая основы гидроархеологии, проф. Р. А. Орбели изучил документы древних эпох двадцати народов земного шара, исследовал историю мирового водолазного дела. Он, например, доказал, что в Московской Руси были свои водолазы, открыл свидетельства о том, что некоторые народы знали способы разработки металлических рудников на дне морей и т. д.

Научное наследие проф. Р. А. Орбели будет изу-

чатся советскими археологами и мастерами подводных работ.

Составил Сергей Марков
Рисовал В. Чернецов

Ю. М. Шокальский.

Ю. М. Шокальский — выдающийся русский географ, один из основоположников советской океанографии. Ему принадлежит разработка научной гипсометрии рельефа СССР, которая долгое время служила основой для всех физических карт нашей страны; под его руководством была осуществлена большая экспедиционная работа — Черноморская океанографическая экспедиция 1925—1928 годов. Ю. М. Шокальский был также большим знатоком полярных морей, одним из инициаторов освоения Северного морского пути.